Михаил Геннадьевич Делягин
Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить

Новая политика (Питер) –

«М. Г. Делягин. Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить»: Издательский дом «Питер»; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-496-02157-9

Аннотация

Более четверти века национального предательства мы жили в тени «старшего брата», стараясь заимствовать у него все, что было в наших силах. Но Запад как великая и продуктивная система был построен прошлыми поколениями, а нынешнее не более чем потребляет, не развивая, их достижения. Так же, как и мы потребляем достижения советской эпохи. И брать пример с сегодняшнего, деградирующего Запада просто не в чем.

Мы как народ взрослеем после затянувшего детства, а точнее, инфантильности, вызванной катастрофическим уничтожением Советского Союза, и начинаем управлять своей судьбой и своим будущим. А это значит, что интерес к происходящим в мире кардинальным изменениям становится сугубо практическим. Трансформация человечества становится связанной не просто с нашим будущим и решениями, которые придется принимать каждому из нас в отдельности уже в ближайшее время, но и с выбором, который предстоит сделать России. Мы должны входить в будущее с открытыми глазами.

Из книги вы узнаете: В чем будет заключаться глубинная трансформация экономики и какую роль в ней будут играть деньги? Возникнет ли наднациональное управление единым мировым рынком? Наступит ли Новое Средневековье и сохранятся ли сложные технологии? США, Китай, Россия, Глобальный Халифат – чем закончится конкуренция глобальных проектов? Как и по каким правилам мир будет выживать в глобальной депрессии? Что надо делать России, чтобы не проиграть битву за будущее? От успешности действий России зависит будущее человечества в глобальной депрессии.

М. Делягин
Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить

* * *

Предисловие. Почему мы взрослеем

Воссоединение России с Крымом, для большинства населения нашей страны произошедшее случайно, внезапно и помимо его воли, вызвало удивительно массовый и длительный эффект, который крайне наивно воспринимать, подобно многим даже разумным либералам, как слепую, полную и всеобъемлющую поддержку власти со всеми ее недостатками и вполне очевидными пороками.

Сделанные уже фольклорными 85 % граждан, которые заявляют о своей поддержке государства (и, по мнению российских либералов, честно выраженному ими на плакатах, являются их «единственной проблемой» в России) в связи с Крымом, отнюдь не поддерживают его разрушительную либеральную социально-экономическую политику. И если бы социологи задали вопрос о поддержке конкретных либеральных мер правительства и Банка России, они, скорее всего, получили бы почти такое же единодушие, но уже в их неприятии и даже протесте против них.

Россия поддерживает воссоединение с Крымом, благодарна за него и даже лучше стала относиться из-за него к власти, но отнюдь не забыла при этом о своих собственных повседневных интересах и не склонна прощать власти пренебрежение ими.

Правящая бюрократия добилась колоссального успеха: ей удалось представить последствия своих разрушительных действий исключительно как результат западных санкций (на самом деле породивших лишь незначительную часть социально-экономических проблем нашей страны), переложив на Запад ответственность за свою пагубную политику в духе кошмарных 90-х годов. Однако это отнюдь не сделало ее более симпатичной в глазах общества,

не отмыло ее донельзя коррупционную репутацию и тем более не вызвало поддержки безумных мер почти во всех важнейших сферах общественной жизни, которые она продолжает предпринимать.

С другой стороны, прозападная либеральная оппозиция, последовательно, энергично и открыто выступившая против насущных и самоочевидных интересов нашего общества, не просто разоблачила себя в его глазах, но и окончательно вычеркнула себя из России, делом доказав свою полную несовместимость не просто с прогрессом, но даже с самим существованием нашей страны.

С упоением поддерживая украинский фашизм практически во всех его русофобских проявлениях, российские оппозиционные либералы совершили политическое самоубийство, но благодаря своему организационному единству с привластной частью либерального клана остались на поверхности общественной жизни, сохранив свои финансовые, организационные, информационные и политические ресурсы.

В результате они стали постоянным раздражителем, отвлекающим на себя общественное негодование и отводящим его от правящей бюрократии, укрепляя и поддерживая тем самым ее позиции.

Эта услуга дорогого стоит – и, как показали три года лишения свободы, полученные сорвавшим концерт Макаревича нацболом (что, например, в полтора раза больше, чем два года, полученные первоначально скандальными «Пусси Райот»), соответствующим образом оплачивается.

Понятно, что данная ситуация неустойчива: неуклонно и последовательно разрушая своей либеральной, обслуживающей интересы глобального бизнеса социально-экономической политикой общественную стабильность, правящая бюрократия неминуемо сорвет общество в новый страшный системный кризис.

Однако и он не заставит российское общество отказаться от справедливости и правильности воссоединения с Крымом, как от него на разные лады требуют политические лоббисты глобального бизнеса и их подголоски всех мастей.

Крым совершенно неожиданно стал фактором объединения представителей самых разных социальных слоев и групп, ассоциирующих себя с Россией и связывающих с ней свое будущее. Фактический отказ правящей бюрократии от последовательного и принципиального выражения российских национальных интересов и последовательного их продвижения, выразившийся в нелепых заигрываниях с нацистской по своей сути хунтой, приведенной к власти Западом в Киеве, лишь подчеркнул политическое одиночество подавляющего большинства россиян, лишенных своего сколь-нибудь внятного политического представительства.

Однако лишенное естественных и, казалось бы, совершенно необходимых скреп (хотя и не духовных) в лице подобного представительства, это большинство не рассыпалось, не распалось, не растворилось в хаосе разнообразных информационных поводов, соблазнов и часто весьма эффективных провокаций, из которых складывается современная общественная жизнь.

Это превращает его в фундамент для формирования адекватной этому большинству политической силы, которая (хотя она отнюдь не обязательно сможет сформироваться) получит все возможности прихода к власти и долгосрочного доминирования, однако в настоящее время сам феномен возникновения и поразительной устойчивости этого большинства значительно важнее его возможных политических следствий.

Мем «КрымНаш!» оказался столь устойчивым, потому что выражает восторг от приобретения отнюдь не имущества, но правоты, а это значительно более важно для всякого носителя русской культуры.

Российское общество в принципе не возражало против доводов либералов о затратности воссоединения с Крымом, о неизбежности отвлечения на него значительных нужных стране и ее гражданам государственных средств, о сравнительной незначительности приобретаемых вместе с ним материальных преимуществ, но лишь потому, что все эти доводы были для него сугубо второстепенными, не имеющими принципиального значения.

Крым оказался важен для России не сам по себе, но лишь в силу абсолютной вынужденности (при всей неожиданности воссоединения с ним) этого «приобретения» – и

столь же абсолютного неприятия его Западом.

Более двух миллионов человек на вполне демократичном референдуме (проведенном как минимум не менее демократически и свободно, чем признанные Западом «выборы» на Украине, в Афганистане, Ираке и на многих других дестабилизированных им территориях) выразили свое желание воссоединиться с Россией.

Даже не обращающие внимания на юридические тонкости – вроде отсутствия в тот момент украинской государственности как таковой в силу осуществленного в Киеве (под руководством представителей США, при открытом и деятельном участии министров иностранных дел Германии, Франции и Польши) нацистского по своему духу государственного переворота – не могли не понимать справедливости этого референдума.

Он спас два миллиона человек от чудовищной резни (а столкновения с активистами крымско-татарских националистов под стенами Верховного Совета Крыма накануне его занятия ополченцами позволяли предположить, что она уже начиналась) и остановил поезда с нацистскими боевиками (с омерзительным цинизмом названные «поездами дружбы»), уже отправленными в Крым для практического осуществления террора.

Миллионы россиян, во время разжигания русофобской истерии на Украине подвергнувшиеся самым разнообразным оскорблениям в социальных сетях со стороны на глазах сведенных с ума представителей «братского народа», а потом вынужденные просто спасать своих живших на Украине родственников от террора захватывавших власть бандитских «летучих отрядов», хорошо понимают, что воссоединение с Россией стало для Крыма спасением, которому не было альтернативы.

Ибо его насильственная украинизация неминуемо вызвала бы протест – и демонстративным сожжением недовольных заживо, как в Одессе, решить проблему не удалось бы. Крым неминуемо стал бы сопротивляться нацизму еще более решительно и энергично, чем Донецк и Луганск, и превратился бы в еще более страшный очаг гражданской войны с десятками тысяч жертв.

Поэтому воссоединение Крыма с Россией является для россиян не столько обретением новой территории или места для туризма и даже не столько естественным восстановлением исторической справедливости (как сказала пожилая крымская татарка, пережившая еще депортацию 1944 года, «русские не могли не вернуться, вопрос был лишь во времени»), сколько спасением более чем двух миллионов человек от нацистского террора. Принципиально важно, что спасение это оказалось осуществлено в полном соответствии с вдалбливавшимися в наши головы на протяжении жизни целого поколения западными ценностями – демократично, мирно и законно.

Воссоединение с Крымом, таким образом, стало для России не вопросом выгоды, а категорическим нравственным императивом, который оказался столь же категорически неприемлем для Запада – и по очень простой причине: он объективно означал укрепление России.

Вся юридическая, логическая и политическая казуистика, непрерывно извергаемая его представителями с момента воссоединения России с Крымом, все аналогии и аллюзии, вся мощь западной пропаганды не смогли прикрыть беспощадного в своей самоочевидности факта: Запад оказался в принципе неспособным признать правоту, что он считал невыгодным для себя.

А с учетом принципиальной значимости воссоединения с Крымом для России, неприемлемым для себя он счел простое существование нашей страны. Ведь допусти руководство России резню и гражданскую войну в Крыму с вероятным последующим вводом туда войск НАТО, оно доказало бы свою ничтожность настолько убедительно, что ему просто перестали бы подчиняться, – и страна бы рассыпалась. (Нечто подобное произошло бы, не останови Россия попытку геноцида мирного населения и истребления своих миротворцев, предпринятую в 2008 году саакашвилиевской Грузией в Южной Осетии.)

Таким образом, своим неприятием воссоединения России и Крыма Запад наглядно продемонстрировал каждому россиянину и российскому обществу в целом свое полное и принципиальное неприятие самого факта существования нашей страны.

Разумеется, представители нашего общества в массе своей не совершали подробных и развернутых умозаключений, подобных описанным выше, но ощущения от действий Запада и

выступлений его представителей были совершенно однозначными и не оставляли никакого места для каких бы то ни было сомнений.

Нам предельно ясно и внятно дали понять, что для Запада хороший русский – это мертвый русский, и для того чтобы заслужить его похвалу или хотя бы нейтральное отношение к себе, мы должны умереть.

И это стало для нас в прямом смысле слова актом освобождения.

Разрушив свою страну в конце 80-х – начале 90-х годов и разочаровавшись под влиянием социально-экономического и политического кризиса в прежних коммунистических идеалах, наше общество приняло Запад в качестве не только образца для подражания, но и источника истины.

Открывавшиеся нам по мере познания Запада и взаимодействия ним его недостатки, порочность и корыстность его политики, двуличие и периодическая демонстрация откровенной враждебности воспринимались как некие частности, часто болезненные, порой даже шокирующие, но не имеющие принципиального значения.

Мы воспринимали его правила и институты как некий непреложный образец, который должны правильно скопировать и перенести к себе (причем патриотически настроенная часть общества ограничивалась констатацией, что это копирование должно учитывать наши особенности, в первую очередь культурные).

Представители Запада, вне зависимости от своего желания, воспринимались нами как некие учителя, которым нужно подражать и в соответствии с примерами которых нужно строить свою жизнь.

Такова была цена нашего поражения в холодной войне, таковы были последствия чудовищной психологической травмы, полученной нами при агонии и гибели Советского Союза и в значительной степени не изжитой еще до сих пор.

Более четверти века национального предательства мы жили в тени «старшего брата», с оглядкой на него, стараясь заимствовать у него все, что только было в наших силах.

Аргументы в виде колбасы, автомобилей, демократии и порядка были слишком наглядны и очевидны для того, чтобы вдумываться во внутреннее устройство и закономерности Запада. Понимание того, что его благополучие основано на жесточайшей эксплуатации и подавлении всех остальных, кого он не считает собой (включая даже многие формально принятые в Европейский союз страны Восточной Европы), и что Россия не имеет ни малейшего шанса когда бы то ни было быть принятой в узкий круг «своих», оставалось доступным лишь достаточно узкому кругу специалистов.

Это же касалось и анализа нарастающих проблем развитых стран, включая неуклонное и при этом постоянно ускоряющееся размывание «среднего класса», начавшееся с момента уничтожения Советского Союза.

Но самое главное – восторгаясь потрясающими нас достижениями Запада в самых разнообразных сферах и наслаждаясь ими в туристических поездках, мы, как правило, просто не обращали внимания на то, что они были созданы или, как минимум, подготовлены не нынешним, а прошлым поколением жителей развитых стран – отцами, а то и дедами и прадедами тех, кто вальяжно и пренебрежительно поучал и все еще поучает нас, при этом (а порой и за счет этого) эффективно и безжалостно эксплуатируя наши ресурсы и возможности.

Сегодняшний Запад опирается на принципы, институты и законодательные нормы, созданные и внедренные в практику десятки лет назад. Меняя частности, он почти не создает нового, а когда создает, будь то расширенный Евросоюз и зона евро или предоставление меньшинствам юридических и материальных преимуществ, это вызывает серьезные сомнения и обоснованные тревоги.

Нынешнее поколение западных политиков потрясает своим доктринерством, безграмотностью, человеческой ничтожностью, с одной стороны, и безграничной самоуверенностью и апломбом – с другой. Они не способны брать на себя ответственность и производят впечатление плохих актеров, нанятых для игры в мыльной опере с постоянно переписываемым сценарием.

Запад как великая, мощная и продуктивная система был построен прошлыми поколениями политиков и обычных людей, а нынешние не более чем потребляют, не развивая,

а порой и разрушая их достижения, так же, впрочем, как и мы потребляем достижения советской эпохи.

И брать пример с не позавчерашнего, а нынешнего деградирующего Запада просто не в чем.

Не говоря о том, что брать пример с нынешнего Запада оказывается невозможным просто технически – в силу глубоких ценностных различий.

Первым шоком, свидетельствующим о принципиальной, непреодолимой ценностной несовместимости России и Запада, стали сообщения о ювенальной юстиции. Сначала к ним относились как к некоему недоразумению или неизбежным издержкам правильного в своей основе дела (или вовсе как к сознательной лжи официальной российской пропаганды), но рост числа случаев ее реализации и, главное, чудовищный опыт ее переноса на российскую почву показал ее абсолютное бесчеловечие и разрушительность.

Российское общество увидело, в том числе и на собственном горьком и кровавом опыте, что усиленно навязываемая ему толерантность на деле оборачивается беззащитностью добропорядочных граждан перед наглеющими на глазах преступниками (и что то же самое происходит и на Западе). Назойливое же требование предоставлять меньшинствам исключительные права и истерический истошный вой об их обидах (частью придуманных, частью являющихся неизбежным результатом их образа жизни) часто прикрывают сексуальное растление детей и разрушение судеб молодежи.

На этом фоне мы начали с растущим изумлением осознавать себя носителями традиционных европейских ценностей, которые привыкли считать для себя труднодостижимым идеалом, в то время как недавний их носитель, Европа, на глазах отказывалась от них, выворачивала их наизнанку, превращая в свою противоположность, и даже демонстративно, с видимым удовольствием растаптывала их.

Реакция Запада на Крым окончательно стала моментом истины: мы увидели, что наш пусть и поблекший, но идеал, наш идол отказывает нам в самом праве на существование, и это является результатом не какой-то ошибки, недоразумения или непонимания, а самой его неотъемлемой сущностью.

И это значит, что тот, кого мы считали своим учителем, оказался неприемлем для нас.

Не плох и не хорош, а попросту несовместим с нами.

Мы не стали от этого лучше (точно так же, как и не стали хуже), и он тоже никак не изменился от нашего понимания.

Это означает только одно: что ученичество закончилось.

Слепое подражание, заимствование, идеализация более невозможны.

Мы ли доросли до учителя, он ли деградировал до нашего уровня или мы все это время смотрели на себя и него с неправильной точки зрения, не так уж и важно: важно, что теперь нам предстоит жить полностью своим умом.

Конечно, это не значит, что мы откажемся учиться у него и не будем использовать его опыт, но для нас он теперь навсегда стал всего лишь одним из многих возможных вариантов – и отнюдь не обязательно не то что подходящим нам, но и вовсе имеющим право на существование.

Освобождение от учителя, утрата готовых образцов, одиночество в принятии решений и полнота ответственности за них, свобода и связанные с нею опасности – это и есть взросление.

Взросление народа, которое, как и взросление человека, происходит обычно отнюдь не по его воле, а в силу внешних объективных обстоятельств.

Мы как народ взрослеем после затянувшего детства (а точнее, инфантильности, вызванной катастрофическим уничтожением Советского Союза) и начинаем, пока еще только начинаем, робко, неумело и неуверенно пытаться управлять своей судьбой и своим будущим.

А это значит, что интерес к происходящим в мире глубоким, кардинальным и трудно представимым обыденному сознанию изменениям из академического становится сугубо практическим. Трансформация человечества становится непосредственно связанной не просто с нашим будущим и решениями, которые придется уже в ближайшее время принимать каждому из нас в отдельности, но и с выбором, который предстоит нам в целом как обществу.

И чтобы принимать эти решения разумно и эффективно, надо готовиться к ним уже

сейчас и, в частности, уже сейчас знать о своем будущем как можно больше – как минимум, знать свои возможности и объективные ограничения.

В качественном переломе, в глубокой трансформации, в которую мы входим вместе со всем человечеством, нас ждет прекрасный, яростный и интересный мир, но входить в него надо с открытыми глазами.

* * *

Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена анализу перспектив человечества в целом и российского общества как его неотъемлемой части в современном глобальном кризисе, который на наших глазах и с нашим непосредственным участием качественно меняет весь привычный нам характер социального, технологического и экономического развития.

Первая глава анализирует качественную трансформацию современного человечества под влиянием перехода от индустриального к информационному технологическому базису.

Подробно рассматриваются изменения в социальной и экономической жизни, отдельно изучается подлинная революция, происходящая в сфере ведения конкурентной борьбы.

Вторая глава объединяет наиболее значимые вопросы ближайшего развития современного человечества, на которые оно пока, насколько можно судить, не в состоянии найти однозначного ответа. Строго говоря, формы решения поставленных в этой главе проблем (или демонстрация неспособности найти их решения) и определят не только облик нашего ближайшего будущего, но и всю повседневную жизнь следующего поколения.

Это вопросы продолжения технологического прогресса или начала длительного периода упадка и деградации технологий и знаний, сохранения или утраты сложных дорогостоящих технологий (в том числе жизнеобеспечения) в случае распада глобальных рынков на макрорегионы, характера и глубины этого распада, а также конкретных очертаний этих макрорегионов. Наконец, это вопрос о том, какими будут общие и специфические правила и закономерности выживания в предстоящей нам глобальной депрессии, и, что представляется немаловажным, рассмотрение самого предположения о сохранении каких бы то ни было общих правил в ее условиях.

Третья глава посвящена конкуренции значимых проектов мироустройства, столкновение которых и представляет собой, насколько можно судить, непосредственное содержание современной международной политики.

Сначала рассматриваются проекты, реализуемые представителями глобального управляющего класса, непосредственно связанными с США. Это прежде всего сохранение современного положения, при котором опирающиеся на мощь США глобальные элиты являются ключевыми игроками и одновременно главными арбитрами единого глобального рынка. Второй проект заключается в окончательной эмансипации глобальных элит от США и передаче управления сохраняющимся глобальным рынком неким непосредственно не связанным с США бюрократическим образованиям, которые будут учитывать их интересы просто как интересы наиболее значимого участника рынка. Третий проект глобальных элит заключается в распаде мирового рынка на макрорегионы, одним из которых будут США, с превращением обеспечения взаимодействия между этими регионами в главное занятие международной политики (значение которой, правда, существенно уменьшится по сравнению с нынешней) и в главное содержание глобального бизнеса.

Отдельно рассматривается проект исламского фундаментализма по созданию глобального халифата, инспирированный и последовательно поддерживаемый США во всех его реинкарнациях и на всех стадиях развития.

Подробно анализируются китайский глобальный проект, направленный на возвращение Китаю доминирующего места в мировой экономике, которое он занимал вплоть до самого конца XVIII века (когда, правда, экономика еще не была глобализированной), и ряд локальных проектов, способных приобрести глобальный характер в силу высокой значимости их участников.

Разумеется, описание проектов сопровождается анализом их ресурсной обеспеченности, взаимодействия и взаимоотношений с другими проектами и в конечном итоге – их

реалистичности.

Четвертая глава книги представляет собой определение границ объективных возможностей России в условиях глобального кризиса на основе анализа текущей экономической, социальной и политической конъюнктуры, а также инвентаризации ее стратегических ресурсов и возможностей их использования. Отдельно рассматриваются внешние ограничения развития нашего общества с учетом их естественного и неизбежного изменения по мере вхождения человечества в глобальную депрессию.

Пятая глава на основе изучения специфики имеющихся материальных ресурсов и культуры выявляет особое место нашей страны и цивилизации в современном мировом развитии и сопоставляет глобальные вызовы и ограничения с объективными потребностями и возможностями нашего общества.

Шестая глава содержит описание комплекса конкретных мер, необходимых для успешного развития России в условиях глобальной депрессии. Эти меры отвечают требованиям, выработанным в предыдущих главах на основании изучения развивающихся в современном мире процессов, учитывают выявленные ограничения нашего развития и нацелены на максимальное использование открывающихся возможностей.

Они включают в себя необходимость коренной реструктуризации общества, осуществляемой лишь политическими инструментами, которая является объективным условием и необходимой предпосылкой проведения давно назревшей социально-экономической модернизации.

При этом политические и социально-экономические преобразования должны быть нацелены на глубокое обновление сильно деградировавшей в последние полвека культуры, на подлинную культурную революцию. Принципиально важно, что она может быть проведена и способна привести к долговременным реальным результатам лишь на основе устойчивого изменения самого образа жизни.

Исключительное глобальное значение российской модернизации подчеркивается **заключением** , в котором на основе анализа возможностей и ограничений, налагаемых на человеческое общество индустриальными и информационными технологиями, делается вывод о решающей роли России в определении перспектив всего человечества в условиях глобальной депрессии.

Выбор всего мира между срывом в новое Средневековье, новые Темные века и продолжением надломленной с уничтожением Советского Союза тенденции гуманизации, технологического и социального прогресса будет определяться именно провалом или успехом российской модернизации, так как все остальные значимые факторы, как представляется, находятся в примерном равновесии.

***

Будучи искренне благодарным всем людям и организациям, способствовавшим написанию этой книги, автор прежде всего стремится выразить глубокую признательность:

• экспертам и сотрудникам Института проблем глобализации, неустанно анализирующим стремительно меняющийся мир во всем его головокружительном разнообразии и четко отслеживающим как базовые тенденции, так и их часто не поддающиеся прогнозированию изменения, а также представителям дружественных и сопряженных структур, способствовавшим подготовке этой книги;

• покойному академику РАН Олегу Тимофеевичу Богомолову, незадолго до своей смерти привлекшему внимание автора к современным аспектам теории конвергенции, которую последний до того момента наивно полагал канувшей в Лету;

• академику РАН Сергею Юрьевичу Глазьеву, работы которого о современной смене технологического базиса носят классический характер, а практические усилия по нормализации экономической и внешней политики России указывают направление действий для преодоления современного кризиса и обращения его на пользу нашему обществу;

• Андрею Ильичу Фурсову, члену Международной академии наук (Инсбрук), изыскания которого в области генезиса современного капитализма и непубличных структур управления

представляются строго необходимыми для понимания современного развития человечества;

• Михаилу Леонидовичу Хазину, изучение и пропагандирование которым современного глобального кризиса делает этот кризис более понятным, дружественным и комфортным для всей его обширной аудитории; не исключено, что в конечном итоге его усилия помогут ей (или ее наиболее разумной части) минимизировать последствия кризиса;

• Владимиру Семеновичу Овчинскому, вице-президенту Союза криминалистов и криминологов, внесшему неоценимый вклад в изучение криминального аспекта глобализации и современного кризиса;

• Игорю Юрьевичу Сундиеву, вице-президенту Российской криминологической ассоциации, добившемуся впечатляющих результатов в исследовании современных социальных организмов и методов управления ими;

• Петру Валентиновичу Турчину, профессору Университета Коннектикута, без работ которого по перепроизводству элит понимание современного кризиса и перспектив человечества в нем не представляется невозможным;

• Владимиру Петровичу Ворожцову, первому заместителю председателя Российского комитета защиты мира, живым примером доказывающему ошибочность большинства алармистских подходов и прогнозов и внесшему значительный вклад в подготовку данной книги;

• Кириллу Андреевичу Фурсову, привлекшему внимание автора к проблеме реформаторства как специфической форме деятельности и, более того, конкурентной борьбы;

• и, наконец, at last but not least – редакторам, корректорам, менеджерам и руководству издательства «Питер», без подлинного героизма которых при общении с автором предлагаемая вашему вниманию книга, скорее всего, так никогда и не была бы написана.

Глава 1. Глубокая трансформация человечества

Глобальный кризис проявляется практически во всех сферах общественной жизни и является всего лишь простым псевдонимом глубокой, кардинальной трансформации, которую переживает современное человечество. Мы переходим в качественно новое состояние, но пока не можем представить себе его в полном объеме.

Одним из практически всеобъемлющих проявлений этого перехода представляется столкновение человечества с так называемым законом сохранения рисков. Его суть, подтвержденная многократными эмпирическими наблюдениями, заключается в том, что общая величина рисков в замкнутой системе примерно постоянна, и потому **снижение индивидуальных рисков** значимого числа элементов этой системы **неминуемо ведет** к перекладыванию этих рисков на более высокий уровень и, соответственно, **к нарастанию общесистемных рисков** . *В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что это, как правило, обеспечивает разрушение всей системы.*

Наиболее наглядно мир столкнулся с проявлением закона сохранения рисков в США в ходе обострения глобального экономического кризиса осенью 2008 года. Внешне это обострение проявилось в крахе производных ценных бумаг, спекуляции с которыми в предшествующие годы приобрели совершенно гомерический характер. Однако эти производные ценные бумаги, контроль за выпуском и оборотом которых был полностью утрачен американским государством, исходно были не спекулятивными инструментами, а инструментами страхования рисков инвесторов, их защиты от неопределенности рыночной стихии.

И на этом пути были достигнуты выдающиеся успехи: благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора, вкладывающего свои средства в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок – примерно в десять раз! – ниже рисков самой этой корпорации.

Это позволяло инвесторам получать практически гарантированную доходность. Именно выполнение указанной инвестиционно необходимой функции обеспечило (наряду с макроэкономической функцией) бурное развитие деривативов и, соответственно, раздувание

спекулятивного финансового пузыря.

Именно это и привело к разрушительной реализации закона сохранения рисков: сведение индивидуальных рисков инвесторов к минимуму привело к неконтролируемому росту общесистемных рисков и в итоге – к обрушению всей системы.

Как это ни прискорбно, представляется, что в принципе аналогичные процессы развиваются и в других важнейших сферах человеческой жизни.

В частности, постепенное улучшение системы здравоохранения, позволяя не просто выживать, но и жить все более полноценной жизнью даже самым больным людям, ухудшает тем самым генофонд человечества, существенно повышая системные, общечеловеческие риски за счет соответствующего снижения индивидуальных, личностных рисков.

Ухудшение генофонда проявляется, в частности, в распространении новых болезней, не поддающихся не только лечению, но порой и точному диагностированию, а также к заметному изменению психофизиологических характеристик населения некоторых наиболее благополучных стран Европы.

Закон сохранения рисков реализуется и в педагогической сфере: все более тщательно ограждая детей от всех мыслимых и немыслимых опасностей, создавая им максимально комфортное детство, развитые страны уже столкнулись с той же проблемой, которая когда-то похоронила Советский Союз, – с появлением целого поколения поразительно инфантильных людей, в силу полученного воспитания не желающих и не способных принимать решения и отвечать перед собой и своими семьями за их последствия.

Наконец, пугающим фактором проявления закона сохранения рисков в общепланетарном масштабе в настоящее время представляется существенное изменение климата. *Сейчас уже ясно, что картина значительно сложнее вульгарного глобального потепления, которым нас привыкли пугать. На самом деле происходит именно изменение климата, различное в разных регионах планеты: мягкий климат становится мягче, континентальный – континентальнее, и эта картина дополняется спорадическими аномалиями вроде сильных холодов в традиционно теплых районах.*

Обеспечивая индивидуальный комфорт своих членов, человечество, насколько можно судить, нарастило производство энергии до такого уровня, когда оно нарушило климатический баланс планеты и создало качественно новые глобальные риски, масштабы которых в настоящее время не поддаются оценке доступными нам средствами.

На наших глазах развитие человечества отягощается целым рядом негативных явлений:

• ростом количества и разрушительности стихийных бедствий и климатических аномалий, опережающий рост сложности технологической организации человечества;
• увеличением числа не поддающихся лечению или слабо диагностируемых заболеваний;
• ухудшением психологического состояния значимых масс людей;
• наглядным и повсеместным падением качества управления;
• ростом числа разнообразных вооруженных конфликтов.

Каждое из них по отдельности имеет свое собственное, отличное от других, связанное исключительно с соответствующей сферой человеческой деятельности и при этом вполне рациональное объяснение.

Однако в целом они складываются в картину системного нарастания неблагополучия, свидетельствующую об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. **Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к** какой-то **новой модели такого взаимодействия** , которая еще непонятна для нас, но может потребовать весьма существенных и в силу этого, скорее всего, весьма болезненных изменений привычного нам образа жизни.

Нельзя исключать и **опасности деструкции неспособного справиться с нарастанием своих системных рисков человечества** , то есть **значимого упрощения его внутренней организации, десоциализации уже на планетарном уровне** , а не только в рамках отдельных обществ.

1.1. Как информационные технологии меняют образ деятельности и внутреннюю организацию социумов

Главное в глобализации – принципиальное изменение предмета труда.

Важной и обычно забываемой особенностью глобализации является коренное изменение характера деятельности человечества. Те же самые технологии, которые беспрецедентно упростили коммуникации, превратили в наиболее рентабельный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Строго говоря, само по себе это не новость. На некоммерческой основе технологии формирования сознания применяются в виде пропаганды большинством государств мира (в том числе отнюдь не тоталитарными) и подавляющим большинством религий почти на всем протяжении их существования. Однако информационные технологии впервые удешевили и упростили технологии формирования сознания до такой степени, что они стали практически общедоступны и начали окупаться в краткосрочном, а не долгосрочном плане.

«Наиболее рентабельный из общедоступных» означает «наиболее массовый»: вот уже скоро поколение как основным видом деятельности бизнеса является изменение сознания потенциальных потребителей. В результате изменением нашего сознания занимается не национальное и даже не порожденное конспирологически воспаленным воображением зловещее мировое правительство (принципиальная невозможность появления которого будет показана ниже), а едва ли не каждый фабрикант собачьих консервов. Забыты времена, когда товар приспосабливали к предпочтениям потребителей: гораздо рентабельней оказалось приспособить едока к пище, а не наоборот.

Тот, кто не делает это или делает недостаточно эффективно, давно – самое позднее 15 лет назад – вытеснен из бизнеса, в котором нечего делать без PR-технологий: в отличие от традиционного маркетинга, они приспосабливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, – людей к уже имеющемуся товару.

Превращение в наиболее эффективный и потому повсеместно распространенный бизнес формирования сознания – это подлинная революция во всем образе жизни современного человечества, революция, произошедшая на наших глазах и с нами самими и тем не менее оставшаяся практически незамеченной. Она кардинально повышает эффективность производства, качественно меняет международные взаимоотношения и мировую конкуренцию. Однако целиком ее последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны вообще, так как главным объектом преобразовательной деятельности человечества становится сам инструмент этого осознания – как коллективного, так и индивидуального.

Естественно, даже начало столь грандиозного качественного перехода не могло обойтись без комплекса разноуровневых, но взаимоувязанных кризисов, среди которых ключевое место занимает кризис управления, приобретающий тотальный характер.

Деградация управления обусловлена объективно

Современные системы управления, участвующие в глобальной конкуренции, просто вынуждены использовать в своей повседневной деятельности технологии формирования сознания – как наиболее эффективные технологии управления. Между тем **органическое несоответствие систем управления** , сформировавшихся в целом еще в прошлой, в лучшем случае индустриальной реальности, **используемым ими технологиям** не просто снижает их эффективность, но и **ведет к подлинному перерождению этих систем** . *(Впрочем, оно является лишь одним из направлений перерождения, структурной перестройки всего человечества под влиянием новых, на сей раз информационных технологий.)*

Повсеместно и вынужденно используемые современным управлением технологии формирования сознания, насколько можно судить, как правило, отрывают его от повседневной реальности, в том числе касающейся управляемых им масс людей, и освобождают, хотя бы морально, от ответственности перед последними. *При этом личные интересы людей, непосредственно образующих управляющие системы, разумеется, в целом сохраняются в своей обособленной неприкосновенности.*

Конкретные последствия этого с точки зрения традиционного государственного и корпоративного управления (а также самоуправления на глобальном и местном уровне)

многообразны, однако наиболее значимыми (и при этом, как ни печально, разрушительными) представляются следующие:

• *самопрограммирование* : управленец и система управления в целом, убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания по самой своей природе заключается прежде всего в убеждении), неминуемо убеждают в этом и себя самих, что ведет к потере ими адекватности уже в среднесрочном плане;

• *уверование в собственную пропаганду* , даже если в начале ее осуществления управленцы и система управления в целом прекрасно сознавали ее частичность и недостаточность (это основной принцип пропаганды), а то и содержательную недостоверность;

• переход от управления изменением реальности к *управлению изменением* ее массового *восприятия* , что является крайне эффективным в краткосрочном плане и вполне самоубийственным уже в плане среднесрочном, так как делает неадекватными уже не только самих управленцев, но и широкие массы управляемых ими людей;

• принципиальный *отказ от восприятия реальности* в пользу восприятия ее информационного отражения (в первую очередь в СМИ), что порождает дурную бесконечность закольцованной обратной связи и завершается порой полной утратой связи управляющей системой каких бы то ни было связей с реальностью, а следовательно – и адекватности;

• резкое *снижение уровня ответственности* самой управляющей системы: работая преимущественно с телевизионной «картинкой» и общественными представлениями (а в последнее время все больше и с реакциями в социальных сетях), управленец неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет и на реальную жизнь людей.

Последнее особенно важно, так как **безответственность управляющих систем** не остается их исключительным «достоянием»: она **в полной мере воспринимается обществом и** , более того, **становится в нем нормой** . *Ведь эффективность технологий формирования сознания повышает влиятельность тех, кто их применяет, а никакой «платы за могущество» попросту не существует; человек, формируя сознания других, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. Безответственность, могущество и постоянная радость от работы становятся объектом подражания для обычных членов общества, не имеющих доступа к технологиям формирования сознания: однако из всего этого набора им по вполне объективным причинам доступно лишь подражание безответственности.*

Феерическим примером проявления безответственности как новой массовой культуры наиболее передового из современных обществ – американского – до сих пор представляется победа Обамы на президентских выборах 2008 года.

Причина этой победы заключается, насколько можно судить, далеко не только в изощренных и сверхэффективных избирательных технологиях, хотя подобно тому, как Рузвельт первым в полной мере использовал коммуникационные и пропагандистские возможности радио, а Кеннеди – телевидения, Обама (точнее, его команда) впервые использовал политические возможности Интернета и возникших в нем социальных сетей.

Причина победы Обамы (как в нашей стране – причина победы горбачевско-яковлевской «перестройки, демократии и гласности») далеко не сводится и к отрицанию вплотную подошедшей к банкротству, да и просто надоевшей старой культуры управления, слишком наглядно не соответствующей реалиям и потребностям эпохи всеобщего применения технологий формирования сознания.

В настоящее время представляется совершенно очевидным, что порыв американского общества к новому, к «переменам ради перемен» без каких бы то ни было внятных содержательных целей неотделим от принципиального отрицания все большей частью этого общества ответственности как таковой.

Да, американская трагедия 2008 года заключалась в том, что великий народ, сформировавшийся в прямом симбиозе с самой современной демократией, и в прямом смысле «великое общество» было вынуждено выбирать между двумя кандидатами, равно не способными руководить им (хотя и по диаметрально противоположным причинам).

Однако и само возникновение такого выбора, и итоговое предпочтение политического

шоумена, не имеющего опыта практического руководства, неотделимы от принципиального отрицания этим обществом ответственности как таковой.

Победа Обамы стала подлинным «праздником непослушания», публичным торжеством инфантильного в американском национальном характере. Без отрицания самой идеи ответственности это было бы невозможно, и, как показано выше, данное отрицание отнюдь не являлось исторической случайностью.

Тотальное, охватывающее все общество сверху донизу снижение ответственности и даже последовательный отказ от нее не только как практики, но и как доминирующей идеи, как объединяющей цели и, более того, превращение отказа от ответственности в норму общественного поведения при одновременной глубокой эрозии адекватности управляющих систем представляется поистине гремучей смесью. Насколько можно судить, она способна разрушить любое, самое развитое, могучее и устойчивое общество.

С разной степенью остроты описанные выше последствия наблюдаются почти во всех управляющих системах, включая такие страны с совершенно разными, но наиболее эффективными в современном мире системами управления, как США и Китай, – и везде ведут к драматическому падению качества управления.

То, что это правило действует повсеместно и неумолимо **вне зависимости даже от самых глубоких цивилизационных различий, свидетельствует о его фундаментальном** , базисном для современного этапа развития человеческой цивилизации **характере** .

Так, например, китайская система управления уже несколько десятилетий заставляет весь мир поражаться не только ее эффективности и ответственности, но и гибкости и изобретательности, которые являются по меньшей мере странными качествами для столь масштабной и иерархичной системы.

Однако и для китайского руководства, насколько можно судить, оказались полной неожиданностью не только «тюльпановая революция» в Киргизии (рассматриваемой им как естественная сфера своего влияния), но и волнения буддистских монахов в Тибете в августе 2008 года, и попытка мятежа в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2009 году.

Сокращение внешнеторгового сальдо Китая под влиянием экономического кризиса ограничило его возможности поддержки доллара и вынудило кредитовать значительную часть внешней торговли в юанях, **создавая тем самым прообраз «зоны юаня»** , как минимум, **в Юго-Восточной Азии** . Поразительно, что эти объективно выгодные для Китая процессы развиваются в целом стихийно, под действием объективной необходимости, а не осмысленного решения (которого так и не удалось выработать в ходе многолетних дискуссий), что также свидетельствует о внутреннем кризисе китайского управления.

Еще более драматическая картина наблюдается в США – стране, еще совсем недавно возведшей искусство стратегического планирования и кризисного управления (то есть управления тем или иным процессом при помощи специально организуемых кризисов), казалось бы, на недосягаемую высоту. Еще летом 2001 года эта система демонстрировала мышление – в прямом смысле слова – на поколение вперед. Однако, начиная с агрессии против Ирака в 2003 году, мы видим постепенную, но **неуклонную деградацию американской государственной системы стратегического управления, стремительно – за 2000-е годы – выродившуюся в «ситуативное реагирование»** в стиле российского МИДа **с горизонтом планирования «до следующих президентских выборов»** .

Об этом свидетельствует вся экономическая политика после начала ипотечного кризиса в июле 2006 года, подчиненная единственной цели – не напугав американское общество, оттянуть прокол «ипотечно-деривативного пузыря» и, соответственно, дестабилизацию экономики до президентских выборов 2008 года. Бесспорно, что **постановка данной цели заметно усугубила последствия кризиса, и при этом ее все равно не удалось достигнуть!**

Скорость деградации американской системы управления производит шокирующее впечатление: как показывает опыт 11 сентября и реакция на него, не только в начале и середине, но еще и в конце 2001 года американские стратегические аналитики мыслили поколениями. А уже менее через пять лет горизонт их видения сузился до следующих президентских выборов, что в то время означало два с четвертью года!

Логика уступает место внелогическому мышлению

Управленческий кризис, насколько можно судить, порожден далеко не только вынужденным использованием управляющими системами чуждых им технологий формирования сознания. Он представляется в настоящее время проявлением значительно более глубокого, фундаментального процесса – кризиса привычного и, более того, кажущегося нам единственно возможным способа систематического мышления – логического мышления как такового.

Повсеместное **применение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением** , основанным не на последовательных логических умозаключениях, а на озарениях, на мышлении не последовательно вытекающими один из другого тезисами, но отдельными образами, появление которых современный человек (возможно, лишь пока) не в силах контролировать.

Причина проста: компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, объективно недоступного обычному человеку, примерно так же, как калькулятор доводит до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил. *Поколение нынешних сорокалетних еще застало время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, чтобы школьники сами научились умножать и делить в столбик. Однако в современной жизни это не такое уж и простое умение практически не востребовано: арифметические функции значительно лучше и надежнее человека выполняет калькулятор, а человеку остается лишь правильно сформулировать задачу.*

Таким образом, калькулятор убил арифметику как предмет изучения и поле для конкуренции. Точно так же компьютер уже в обозримом будущем – скорее всего, уже в ближайшее десятилетие – поступит с формальной логикой.

Эпитафия изобретателю знаменитого револьвера гласит: «Господь Бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными». **Интернет,** как когда-то револьвер Кольта, тоже практически **уравнял людей** : уже не по их физическим силам, но **по доступу к информации. Вскоре персональный компьютер уравняет их и** по логическим способностям, а точнее – **по возможности использования логических операций** .

Это будет означать, что человек вынужден будет сконцентрировать свои усилия на принципиально недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой по вполне объективным причинам сохранится исключительная «человеческая монополия» – мышлении не логическом, но творческом. Соответственно, и **конкуренция людей** в рамках тех или иных коллективов и целых обществ **будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления** .

Это означает, что наибольшего успеха в конкуренции – как внутри обществ, так и в глобальном масштабе – будут достигать творческие люди и коллективы, в которых доля таких людей будет максимальна, а сами они будут играть наиболее значимую роль.

И все бы ничего – согласитесь, что предыдущий абзац звучит вполне невинно и политкорректно, – если бы не общеизвестный медицинский факт: к творческому труду максимально приспособлен, скажем так, неуравновешенный тип личности. В общем случае (который лишь подтверждается исключениями) творчество неразрывно связано с психологической неустойчивостью, которая является своего рода оборотной стороной медали.

И простые статистические данные о характере и жизненном пути творческих людей в самых разных сферах общественной жизни подтверждают это весьма убедительно.

А вот теперь напомним, что ночной кошмар любого управленца – трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов – станет в условиях отнюдь не далекого будущего объективным требованием повышения эффективности и конкурентоспособности!

Понятно, что сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности, определявшейся не информационными, но индустриальными технологиями, в принципе не соответствуют этим условиям. Мы можем утешать себя тем, что «потребность рождает функцию» и, соответственно, управляющие системы приспособятся к новым требованиям, кардинальным образом изменившись (правда, вопросы цены, длительности и

разрушительности этого изменения по-прежнему остаются открытыми).

Однако поскольку именно система управления непосредственно задает принципы организации человеческого общества и саму его структуру, принципиальное изменение ее характера будет означать и **принципиальное изменение самого общественного устройства, а значит, и всей нашей жизни** .

* * *

Со спекулятивной точки зрения представляется безусловно интересным гендерный аспект рассмотренного процесса: наличие двух выраженных типов мышления – мужского, ориентирующегося в основном на формальную логику, и женского, оперирующего преимущественно образами (это различие, в частности, выражается афоризмом «Мужчина узнает, женщина знает»).

Качественное повышение роли творческого, образного мышления, насколько можно судить в настоящее время, неизбежно приведет и к повышению социальной роли женщины, возможно, вплоть до завершения длительного периода мужского доминирования и возникновения второго матриархата.

Биологизация конкуренции

Представляется принципиально важным, что в настоящее время способности к творчеству в значительно большей степени, чем традиционно значимые для конкуренции внутри человеческого общества способности к обучению и формальной логике, определяются врожденными, а не приобретенными свойствами личности.

Безусловно, творческие способности тоже можно развить, но в существенно меньшей степени, чем логические способности и способность оперировать теми или иными фактами. Роль генетического фактора в способности к творчеству значительно выше социального (по крайней мере на современном уровне развития педагогики).

Это означает, что конкуренция людей между собой и социальный статус каждого из них, как минимум, еще в течение достаточно длительного времени (пока педагогика не научится развивать способности к творчеству так же, как она сейчас развивает логические способности) в значительно большей, чем раньше, степени будет определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами.

Качественное снижение значения социальных факторов при росте значения факторов сугубо биологических для такого «общественного животного», каким является человек, означает принципиальное изменение самого его облика.

Противоречие между личными способностями отдельного человека и его принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте будет качественно усилено и приобретет трудно представимую сегодня остроту.

Понятно, что все силы общества будут брошены на пробуждение в детях творческих способностей; и на этом пути будут достигнуты, вероятно, фантастические, непредставимые для нас сегодня успехи. Однако человечество вряд ли научится развивать творческие способности так же хорошо, как оно научилось развивать логические, хотя бы потому, что скорость социальных изменений оставляет ему очень мало времени для этого. Как только логика станет общедоступной и конкуренция сконцентрируется в поле творческих способностей, **социальная конкуренция, социальный отбор будут вестись на базе биологических** по своей сути **параметров** .

Стихийность творчества и реализации творческих способностей означает, что отдельный человек в значительно меньшей степени, чем сегодня, будет творцом своей судьбы.

Произойдет, по сути дела, биологизация человеческого общества и конкуренции в нем; врожденная способность (или неспособность) к творчеству будет определять социальный статус молодого человека значительно сильнее образа жизни (в основном, конечно, богатства или бедности) его родителей.

Профессиональная специализация людей (и тем более их социальный статус) значительно

сильнее, чем сейчас, будет определяться сугубо биологическими факторами, которые мы сегодня в силу неумения их разделить обобщенно именуем способностью к творчеству. Человеческое общество начнет напоминать муравейник или другой коллектив насекомых, где место каждого во многом определено от рождения, а **значение собственной свободной воли значительно меньше, чем мы привыкли считать достойным для себя** .

Открытым вопросом представляется соотношение биологического и социального в социальной конкуренции. Очевидно, что более успешные и более обеспеченные люди, сформировавшие элиту (и особенно новую, уже творческую элиту, которой предстоит разрушить и преобразовать сегодняшние системы управления), будут защищать высокий социальный статус своих детей вне зависимости от их творческих способностей. В этом им помогут биотехнологии, повышающие способности человека (и продолжительность его активной жизни), недоступные для социальных низов из-за высокой стоимости и «культурного барьера». *(Значимость последнего нельзя недооценивать: для заботы о своей жизни и жизни своих детей необходимо осознание ее ценности, а элиты обычно стремятся к ограничению самосознания управляемых как для поддержания своего лидерства, не говоря уже о власти, так и для упрощения процесса управления.)*

Если технологии будущего *high-hume* [1] **не смогут пробуждать творческие способности** так же надежно и массово, как сейчас они пробуждают логические способности, **социальная система будет неустойчивой из-за** неизбежной **деградации творческого** (то есть наиболее значимого) **потенциала элит** .

Изъятие из социальных низов творческих людей и принятие их в элиты (по принципу современных США) во многих цивилизациях не сможет решить проблему, так как наиболее значимые позиции все равно неминуемо будут заняты деградирующими представителями «старой» элиты. Творческие же люди, рекрутируемые «из низов», будут оставаться не более чем высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что достаточно быстро **превратит их в контрэлиту** . В неизбежной борьбе за власть она сможет опереться на массы, из которых ее представители недавно вышли (возможно, скрытым проявлением, а точнее, предтечей этой формирующейся тенденции является Барак Обама).

Если же биотехнологии смогут пробуждать в людях творческие способности в нужных системе управления масштабах, **они будут применяться в первую очередь к детям элиты** , которая в результате этого окончательно освободится от всякой зависимости от основной части общества и фактически «закуклится». Ее задачей будет поддержание жизнеспособности лишь небольшой части общества, нужной для его жизнеобеспечения *(в этом принципиальное отличие информационных технологий от индустриальных, которое будет рассмотрено ниже)* . Остальная масса людей будет биологизироваться, теряя человеческий облик, по образцам, наблюдаемым в трущобах мегаполисов Африки и Латинской Америки, превращаясь из «человека разумного» в «человека фавел», жизнь сообществ которого описывается не столько социальными, сколько биологическими характеристиками.

Будущее каждой цивилизации при столкновении с описанным вызовом будет определяться степенью ее внутренней демократичности и, с другой стороны, наличием или отсутствием осознаваемой ее членами той или иной сверхзадачи, принуждающей представителей ее элиты отбросить или по крайней мере существенно ограничить свой естественный социальный эгоизм.

В недостаточно демократичных культурах в отсутствие такой сверхзадачи в результате может произойти практическая реализация многочисленных антиутопий прошлого. Произойдет фактическое разделение соответствующих обществ на расы господ, обслуживающего персонала и утилизируемого избыточного человеческого материала *(масштабный опыт подобной социальной утилизации, помимо отдельных несистемных выплесков вроде режима Пол Пота,*

---

[1] *High-hume* – современные эффективные технологии, направленные на преобразование человека – как его сознания, так и его тела. Наиболее традиционные сферы практического применения – управление, педагогика и здравоохранение. Термин введен по аналогии с *high-tech* , под которым понимаются современные эффективные технологии, направленные на преобразование окружающей природы.

поставлен на территориях Африки, Латинской Америки, а совсем недавно – бывшего Советского Союза, в том числе и в России) . Однако по социальным причинам такая система вряд ли сможет просуществовать достаточно долго: вторичная социализация «человека фавел» выйдет из-под контроля расы господ и, скорее всего, уничтожит ее.

Единство общества (если оно сумеет выстоять в условиях конкуренции с соседями) или всего человечества (если описанная модель окажется общей для него) при этом будет восстановлено, как и при всяком нашествии варваров, ценой утраты производственных и социальных технологий, а также резкого снижения уровня гуманизации общества.

Новые принципы организации общества

Представляется принципиально важным, что снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, базирующегося на образах (это касается и творческого, и мистического его типа), создает ряд уже вполне ощутимых общественных проблем. В силу своей парадоксальности для нашего в основном пока еще по-прежнему логического сознания они воспринимаются, как правило, не как базовые закономерности, а как случайные досадные флуктуации, и потому, соответственно, не анализируются должным образом.

Прежде всего следует с беспощадной ясностью понимать: все более очевидные, нарастающие даже в единой культурной среде проблемы с коммуникациями являются вполне закономерными, а отнюдь не случайными и сами собой преходящими явлениями. Причина этого достаточно проста: внелогическое мышление по самой своей природе попросту не имеет того единого, универсального языка для взаимодействия разных типов сознания, которое дает логика. Оно оперирует преимущественно образами, а образы у каждого свои.

Это нарушение настолько привычной для нас коммуникативной среды, что мы не осознаем ее как нечто отличное от самих себя, особенно значимо с учетом того исключительного значения, которое играет язык для формирования и развития личности, а единый общественный язык – для ее социализации. По сути дела, исчезновение единого универсального языка может привести через некоторое время и к распаду основанной на нем второй сигнальной системы, что может иметь весьма глубокие последствия не только для облика и образа действия, но даже и для самого существования человечества как такового.

Пока же мы наблюдаем намного более поверхностные, но тем не менее по-прежнему не сознаваемые нами как новые долгосрочные закономерности, изменения.

Прежде всего указанным изменением является широкое распространение такой формы самоорганизации общества, как секты, объединяющие людей на основе некритичного восприятия того или иного явления. Этим объединяющим фактором может служить личность (причем любая – как политика, так и предпринимателя, и деятеля культуры, и, разумеется, религиозного проповедника), или какое-либо событие (в том числе и вымышленное), или та или иная поведенческая практика, включая сексуальные и финансовые виды таких практик.

Демонстрирующие способность к критическому мышлению во всех остальных сферах деятельности люди, систематически принимающие рациональные решения и вполне успешные во всех сферах жизни, объединяются вокруг того или иного, в общем случае производящего впечатление совершенно случайного, провала в логике.

Это кажется странным, нелепым, пугающим и дискредитирующим человека как такового событием, но объединение людей в секты на глазах становится массовой практикой их социализации, по сути дела заменяющей прежнюю, свойственную индустриальной эпохе социализацию, основанную на разнообразных клубах по интересам и политических партиях.

Данная трансформация весьма существенным образом меняет не только структуру, но и базовые принципы самоорганизации общества и, вероятно, уже в обозримом будущем качественно изменит многие его значимые характеристики.

Другим уже ставшим вполне очевидным принципиально важным общественным изменением представляется в настоящее время кардинальный рост значения эмоций в противовес интересам даже в осмысленной части поведения людей. В самых разных условиях люди все чаще вполне осознанно жертвуют своими интересами, в том числе и исключительно значимыми для себя, ради получения новых эмоций. *Это проявляется и в политике: партии и*

деятели, ориентирующиеся на удовлетворение насущных интересов масс, совершенно неожиданно для них самих обрекают себя этим на болезненные поражения. Побеждают же те, кто вовлекает избирателей в процесс сопереживания, пусть даже и заведомо бесплодный для них самих, но позволяющий им испытать новые эмоции.

Сенсорное голодание, еще совсем недавно бывшее специфической болезнью начальников и заключенных, на глазах превращается в повседневную норму жизни для относительно развитой части человечества, по крайней мере для жителей мегаполисов, и мы наблюдаем, как эмоции становятся для этой части все более явным приоритетом.

Нельзя исключить возможности того, что данное изменение не является неким фундаментальным переломом, а вызвано всего лишь гарантированным удовлетворением основных, наиболее значимых материальных и культурных потребностей современного человека, в результате чего то, что мы на основании тяжелого накопленного опыта привыкли считать неотъемлемыми интересами, постепенно утрачивает свою значимость в обеспеченном мире массового потребления. Если это предположение верно, то падение уровня жизни (в том числе и в результате утраты человеческим обществом поведенческой адекватности в виде массового отказа от своих интересов ради получения эмоций) с соответствующим социально-психологическим и экономическим шоком приведет к возврату привычной нам системы мотиваций. Однако пока этого не произошло, и ожидать подобного изменения в обозримом будущем, насколько можно судить, преждевременно.

Принципиально важно, что описанные поведенческие и вызывающие их глубинные изменения кардинальным образом меняют требования к управляющим системам, а те, как было показано выше, и без того находятся в полном смятении и резко понизили эффективность своей даже текущей, рутинной деятельности, что накладывает существенный отпечаток на все развитие современного человечества.

1.2. Трансформация экономики: деньги теряют значение

Неизбежность глобального кризиса

Глубина стремительно и неудержимо развертывающегося на наших глазах мирового финансового кризиса систематически недооценивается исследователями и аналитиками из-за игнорирования его фундаментальной причины – исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. В самом деле, после победы над нами в холодной войне Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (в сугубо прагматических целях, всего лишь для недопущения конкуренции с этими корпорациями) свыше половины человечества возможности нормального развития, – и вот теперь последствия этого не только разрушительного, но и саморазрушительного эгоизма постепенно начинают сказываться.

Принципиально важно, что освоением постсоциалистического пространства (а также стран третьего мира, привыкших успешно сохранять самостоятельность за счет иногда виртуозного балансирования между Западом и Советским Союзом) занимался именно бизнес, в первую очередь крупный бизнес, в то время оформленный в виде транснациональных корпораций.

Государства участвовали в этом процессе в лучшем случае крайне слабо не только в силу бюрократической инерции и неспособности своевременно оценивать изменения, хотя значимость этого фактора также ни в коем случае не следует преуменьшать. *(Своеобразной классикой жанра стал доклад ЦРУ, которое еще в 1990 году, в условиях фактически уже начавшегося распада Советского Союза, умудрилось совершенно серьезно предупредить президента США о том, что «демократизация и перестройка» представляют собой не более чем «хитрый план» всемогущего и всеведущего КГБ, призванный расслабить «свободный мир» и обострить его внутренние противоречия.)*

Важным фактором, парализовавшим активность западных государств в условиях распада социалистического мира, стал кризис идентичности: «свободный мир» привык осознавать себя

в противостоянии с «империей зла», из которой исходила «советская военная угроза». С исчезновением этой угрозы полностью исчез и ясный ответ на вопросы: «Кто мы?» и «Что нас всех объединяет?».

Это имело исключительно серьезное практическое значение – как политическое, так и коммерческое, ибо кризис идентичности подрывал не только единство «свободного мира», но и позиции США как его лидера, как сверхдержавы, которая получает значительные коммерческие преференции в обмен на предоставление военно-политической защиты.

В условиях исчезновения врага предоставление коммерческих преференций лишается практического смысла и становится не более чем обременительным (в лучшем случае) ритуалом, по-прежнему обусловленным силой сверхдержавы, но лишившимся всякого морального и коммерческого оправдания.

Лишь через некоторое время, примерно к середине 90-х годов, государства Запада научились закрывать глаза на эти вопросы и функционировать по инерции, не обращая внимания на них. Во многом этому помог фактический переход государств развитых стран под контроль крупного бизнеса и связанная с ним утрата самостоятельности, а значит, и потребности самостоятельно принимать стратегические решения. *(Ведь самоидентификация нужна не для тщеславия или самоуважения; с практической точки зрения она необходима лишь для четкого осознания своих интересов и принятия стратегических решений в условиях обычного для общественного развития недостатка информации.)*

Однако во время распада социалистического лагеря и сразу после разрушения Советского Союза западные государства все еще находились в состоянии растерянности, близкой к параличу, – и освоением постсоциалистического мира почти самостоятельно (ибо на его тактическую поддержку ресурса соответствующих государств, при всей их потерянности, все же хватало) занимался западный бизнес.

А что является главной целью всякого бизнеса, всякого предпринимателя?

Только безнадежно оторванные от практики схоласты затягивают в ответ на этот простейший вопрос стандартную песню о максимизации прибыли.

В теории, конечно, все так и есть, но вот на деле простейшим и наиболее эффективным способом максимизации прибыли, прекрасно известным любому предпринимателю, является подавление конкурентов (а в идеале и самой возможности их возникновения).

В ходе расширения Евросоюза и поглощения им сначала юга Европы, а затем и ее постсоциалистической части мы видели этот процесс более наглядно, «со стороны». Крупный европейский бизнес скупал то, что представляло для него интерес, и стремился уничтожить (в том числе и покупкой для закрытия) все местные корпорации, которые потенциально могли превратиться в его конкурентов. После развала Советского Союза мы участвовали в этом процессе в совершенно ином качестве, несколько мешающем беспристрастным наблюдениям, – в качестве тщательно пережеванного куска мяса, попавшего наконец в желудок.

Однако суть процесса не менялась: освоение новых территорий бизнесом означало в первую очередь решение им задачи по устранению конкуренции и созданию таких условий и правил игры, чтобы конкуренция с ним никогда больше не могла возникнуть на однажды освоенных (возможно, правильнее писать «однажды проглоченных») территориях.

Понятно, что успешные действия в этом направлении (безусловным провалом они обернулись только в Китае, частичным – в ряде стран Юго-Восточной Азии и в Индии) означали для развитой части осваиваемых территорий подлинную социально-экономическую, политическую и культурно-психологическую катастрофу.

По своим масштабам, глубине и разрушительности преобразований для осваиваемых обществ, но главное – по своему значению для развитых стран интеграция постсоциалистического мира Западом, развитие в нем «демократии и рыночных отношений» были без всяких преувеличений второй конкистой. Если первая обеспечила полученными в ее ходе ресурсами формирование на Западе классического капиталистического общества, то вторая более широким кругом ресурсов – и технологически, и интеллектуально, и финансово – обеспечила глобализацию.

В процессе освоения, сопряженного с деградацией огромных обществ и лишением их возможностей развития, транснациональный бизнес (становящийся в процессе этого освоения

глобальным) при помощи всепроникающей рекламы эффективно навязывал осваиваемой и разрушаемой им части человечества новый потребительский стандарт. Как многократно отмечалось, демократические революции 90-х были революциями потребителей, стремившихся к избавлению от дефицита, к современному дизайну и разнообразию товаров. Однако их участников во многом вели вперед и почерпнутые из рекламных (в той или иной степени) фильмов и изданий представления о высочайшем уровне потребления развитых стран как о повседневно нормальном и жизненно необходимом. В процессе освоения постсоциалистического мира западным бизнесом эти представления последовательно укреплялись и развивались, так как бизнес сознательно и со свойственной ему коммерческой эффективностью воспитывал себе потребителей.

С конца 90-х годов укоренение этих неадекватно завышенных ожиданий и естественное разочарование в них существенно усугубили глобальную напряженность, терроризм и буквально смывающую западную цивилизацию миграцию.

Однако эгоистический характер освоения постсоциалистического мира нанес удар по Западу значительно быстрее и симметричнее – в той самой коммерческой сфере, в которой привычно распоряжались «новые конкистадоры». Лишение огромной части человечества возможностей развития ограничило сбыт самих развитых стран, внезапно породив жесточайший **кризис перепроизводства** (правда, в первую очередь не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, относящихся к направленному на преобразование человека *high-hume'* у, а не к служащему преобразованию окружающего его мира *high-tech* 'у).

Дополнительным фактором этого кризиса стало относительное сжатие спроса не в неразвитых, а в самих развитых странах – за счет размывания среднего класса из-за развития и распространения сверхпроизводительных постиндустриальных технологий.

Первым непосредственным проявлением этого специфического по видам продукции, но стандартного по внутренним механизмам кризиса перепроизводства оказался мексиканский кризис 1994 года: мир уже стал глобален, и нарастание общей напряженности проявлялось в сломе слабейшего звена системы, которым в тот момент оказалась Мексика.

В силу широкого распространения технологий формирования сознания, порождающих в не приспособленных к ним старых системах управления глубокий кризис, а также глубокого кризиса идентичности (вызванного утратой главного сплачивающего фактора и универсального внутреннего оправдания – «советской военной угрозы») системы управления развитого мира уже не смогли адекватно осознать ситуацию.

Поэтому выход из кризиса не искался системным образом на основе стратегического видения, а нащупывался инстинктивно, интуитивно, стихийно и не регуляторами рынка, но его ключевыми участниками, заинтересованными не столько в нормализации общего развития, сколько в корыстном урегулировании исключительно собственных проблем – пусть даже за счет усугубления общего кризиса. В подобных случаях решение если и находится, то носит неизбежно частичный и временный характер, а в среднесрочной перспективе не только не снимает, но и, напротив, как правило, лишь усугубляет имеющуюся проблему.

Выход, найденный крупнейшими корпорациями, которые как раз в то время превращались из транснациональных в глобальные, оказался достаточно простым: стимулирование сбыта избыточной продукции кредитованием неразвитого мира.

Согласие с этой идеей национальных правительств было вызвано прежде всего их общей дезорганизацией – с одной стороны, кризисом идентичности из-за утраты сплачивающего «образа врага» в виде Советского Союза, с другой – началом массового применения технологий формирования сознания, к которым иерархические управленческие системы не приспособлены в принципе. Не менее важной причиной стала эйфория, связанная с исторической победой Запада в третьей мировой – холодной войне.

В то время многим честным общественным деятелям и даже мыслителям казалось, что освоение постсоциалистического мира идет не ради его колонизации, а ради общего блага, для созидания нового, лучшего человечества, в котором все смогут жить так же хорошо, как в наиболее фешенебельных странах Европы. Эхо этих иллюзий чуть позже – в середине и второй половине 90-х – привело к предоставлению новым членам Евросоюза заведомо непосильных

для них социальных и финансовых гарантий, что заложило основы безысходного европейского долгового кризиса 2010-х годов.

А в начале и особенно в середине 90-х эти же ничем не обоснованные, кроме общественной эйфории (вполне понятной: с целых народов буквально только что сняли груз страха перед ядерным уничтожением), иллюзии привели к массовому кредитованию государств постсоциалистического пространства «для проведения реформ» в интересах «развития рыночных отношений» и «углубления демократии».

Это кредитование было выгодно очень многим.

С политической точки зрения оно стало инструментом выращивания (в том числе и системным разворовыванием предоставляемых кредитов) либеральных кланов, надежно контролирующих это пространство в интересах глобальных монополий.

Не стоит забывать также и о баснословном обогащении причастных к ним западных топ-менеджеров и специалистов, получавших головокружительные гонорары за более или менее напыщенное изрекание банальностей, имевших весьма отдаленное отношение к реалиям финансируемых стран.

Однако главный смысл массового кредитования переходных экономик заключался во временном преодолении глобального кризиса сбыта: правительства развитых стран кредитовали правительства неразвитого мира, которые самыми разнообразными способами в рамках самых разнообразных проектов передавали полученные средства (за вычетом крупного воровства и расходов на дистанционно работающих иностранных консультантов) своим потребителям. Последние, в свою очередь, тратили значительную часть этих средств на приобретение продукции глобальных монополий, обеспечивая им восстановление недостающего в масштабе мировой экономики спроса.

С точки зрения решения сиюминутных проблем схема была хороша. Однако, как и у большинства решений, найденных ощупью непосредственно участниками кризиса, а не регуляторами, у нее был маленький недостаток: несистемность. Она решала сиюминутные проблемы не за счет восстановления сбалансированности системы, а, напротив, за счет усугубления ее разбалансированности. В частности, она в принципе не предусматривала развития экономик кредитуемых государств (если, конечно, не обращать внимания на необходимые для всякой политики пропагандистские заклинания), так как это могло бы привести к возникновению пусть ограниченной, но все же конкуренции с глобальным бизнесом. Соответственно, она в принципе не предполагала никакого значимого возврата средств: кредитование было, по сути дела, безвозвратным – даже если абстрагироваться от многочисленных воровских и спекулятивных схем (часто с участием самих уважаемых иностранных кредиторов), подобных применявшимся в России 90-х годов и приведших ее к обрушению в катастрофу дефолта 1998 года.

Заведомая бессмысленность и потому безумие кредитования потребителей в неразвитых странах были столь очевидны, что такое кредитование, как правило, осуществлялось не национальными правительствами, а через международные финансовые организации вроде МВФ и Мирового банка – для размывания ответственности непосредственно причастных к кредитованию лиц до приемлемого с точки зрения индивидуальных рисков уровня.

Однако оптимизация индивидуальных рисков отнюдь не делала неадекватность коллективных действий менее очевидной. Потому принуждение (по сути дела) национальных государств крупными корпорациями к кредитованию неразвитых стран якобы для развития последних стало одной из исключительно важных вех в эволюции крупного национального капитала развитых стран Запада в глобальный капитал. *Соответственно, это стало вехой и в формировании глобального монополизма, и в подавлении им традиционной демократии.*

Добившись успеха и фактически продиктовав национальным государствам решения, которые соответствовали их интересам, крупные корпорации не могли не ощутить нерациональности этих решений (при всей выгодности для себя) и инстинктивно отстранились от принявших эти решения государств. Ведь система управления, способная на нерациональные решения, просто в силу этой способности объективно является потенциальным источником опасности – пусть даже в данном конкретном случае принятое ею нерациональное решение и соответствует вашим интересам.

Мотивированное (изложенным выше) отстранение крупного бизнеса развитых стран Запада от «своих» национальных государств стало существенным фактором эмансипации формирующегося глобального капитала от государственности как таковой и его превращения в самостоятельный субъект развития человечества.

Поскольку попытка преодоления нехватки спроса путем кредитования потребителей неразвитых стран в середине 90-х годов не предусматривала механизмов возврата кредитов, она просто не могла продолжаться долго.

И уже летом 1997 года начался новый кризис, который до сих пор еще политкорректно именуется «азиатским фондовым», хотя охватил почти все неразвитые страны и носил выраженный долговой характер. Долговой кризис привел к массовым разрушительным девальвациям, «ковровой» скупке глобальным бизнесом и крупным бизнесом развитых стран подешевевших активов неразвитых стран, павших его жертвой. Однако проблема нехватки спроса в масштабе мировой экономики так и не была решена, так как ставленники глобальных монополий и в национальных правительствах, и в международных организациях в силу самого своего положения в принципе не могли даже назвать причину этой проблемы – загнивание глобальных монополий.

В результате глобальный экономический кризис не закончился, а распространился на страны, бывшие его источником: формально завершившись в неразвитом мире в 1999 году, он уже весной 2000 года бумерангом ударил по США, обвалив их фондовый рынок и нанеся смертельный удар так называемой новой экономике (она же экономика доткомов). *Это тогда Сорос произнес про финансовые компании свое знаменитое: «Музыка кончилась, а они все еще танцуют».*

Оказавшиеся на грани депрессии (естественной в условиях острой нехватки спроса) США вышли из нее при помощи мгновенной реализации двух стихийно нащупанных стратегий.

Первой была стратегия поддержания (а на самом деле и существенного расширения) спроса при помощи нарастающей и практически неконтролируемой накачки рынка – сначала рискованными, потом высокорискованными, а с лета 2006 года уже и откровенно безвозвратными ипотечными кредитами. Разумеется, эта стратегия не могла осуществляться бесконечно; созданный ею финансовый пузырь начал ползти по швам уже летом 2006 года, но многоуровневость финансовой инфраструктуры США привела не к мгновенному краху, но к длительной агонии, перешедшей в открытую форму только в сентябре 2008 года.

Вторая стратегия вывода американской экономики из тупика рецессии заключалась в экспорте нестабильности. *Она активно применялась в локальных целях с 60-х годов, когда использовалась для недопущения прихода к власти итальянских коммунистов, а в глобальных масштабах – с начала 90-х, когда Югославия была осознанно превращена США в незаживающую рану Европы, не позволяющую той стать серьезным стратегическим конкурентом.*

Непосредственное воздействие экспорта нестабильности заключается в подрыве конкурентов США (или их периферии), что вынуждает капиталы и интеллект (не только самих конкурентов, но и ориентирующихся на них обществ) бежать в тихую гавань – США.

Однако главное в стратегии экспорта нестабильности, как ни парадоксально, это сама нестабильность. Ее наращивание является абсолютным, не поддающимся оспариванию оправданием для соответствующего (и даже опережающего) роста военных расходов, а как минимум – надежно блокирует попытки их существенного сокращения. Строго говоря, с точки зрения военных и связанных с ними корпораций экспорт нестабильности представляет собой идеальный бизнес, который сам создает спрос на свои услуги.

С точки зрения макроэкономики рост военных расходов США, вызванный прежде всего механической реакцией системы государственного управления на увеличение глобальной нестабильности, весьма эффективно обеспечивает увеличение внутреннего спроса, поддерживающего экономику вместо переставшего справляться с этой функцией рынка.

«Военное кейнсианство», в ходе Второй мировой войны стихийно выведшее США из депрессии и затем вполне осмысленно (и успешно!) примененное Рейганом, дает дополнительный импульс развитию технологий. *(Этот импульс в основе своей является нерыночным, что исключительно важно, так как открытие новых технологических принципов*

является деятельностью в условиях столь высокой неопределенности, что она практически исключает действие рациональных рыночных стимулов.)

В 1999 году эта стратегия реализовывалась в Югославии для подрыва только что введенного тогда евро, – и действительно, его курс к доллару рухнул в полтора раза, что надолго отсрочило его становление как глобального, а не регионального финансового инструмента.

Однако уже в Ираке стратегия экспорта нестабильности себя исчерпала: стало ясно, что она выродилась, по сути дела, в стратегию экспорта хаоса, который затягивает в себя своих создателей и несет им неприемлемые для них (хотя, конечно, далеко не столь серьезные, как для хаотизируемых территорий) проблемы.

После Ирака стратегия экспорта нестабильности забуксовала, что во многом обусловило нарастание ипотечного кризиса в США и, соответственно, обострение кризиса американской и всей мировой экономики. Попытки превратить в мишень Северную Корею, Иран и Пакистан так и остались попытками в силу способности этих стран дать отпор и ясного понимания американским руководством неприемлемости глобального военно-политического кризиса, способного создать реальную угрозу ядерной войны (Пакистана – с Индией, Израиля – с Ираном, Северной Кореи – с Японией и США).

Новое развитие стратегия экспорта нестабильности получила к 2011 году, когда потребность США в привлечении иностранных капиталов на покрытие государственного долга в силу нарастания экономического кризиса резко обострилась. Одновременно с этим, как на грех, резко сократились возможности привлечения этих капиталов, так как прежние их источники по разным причинам лишились возможности вкладывать свои средства в государственные ценные бумаги США: Япония была вынуждена бросить все свои средства на преодоление последствий «Фукусимы», Европа – на долговой кризис слабых членов еврозоны, а Китай собирался отказаться от наращивания своего долларового портфеля, столкнувшись с принципиальным отказом руководства США давать ему какие бы то ни было гарантии. *(И действительно, понеся болезненные потери от его очередного обесценения, Китай официально отказался от инвестирования своих резервов в американские государственные ценные бумаги.)*

В результате единственным источником необходимых для США внешних займов стали глобальные спекулятивные капиталы, однако они могли выбирать объекты инвестирования по всему миру. Для привлечения их именно в США нужно было вновь представить их тихой гаванью, и в условиях, когда все недружественные США и при этом имеющие значение режимы уже либо были разрушены, либо продемонстрировали способность к самозащите, было найдено качественно новое, оригинальное решение: разрушать не «враждебные», а дружественные режимы.

В самом деле, Мубарак был самым проамериканским из всех возможных руководителей Египта, а Каддафи в последние годы перед уничтожением Ливии полностью нормализовал отношения с Западом (до такой степени, что никто из его публичных обвинителей даже не вспомнил в последующем о теракте над Локерби). Тунис же представлялся туристическим раем с весьма цивилизованным (по крайней мере по африканским меркам) руководством.

При этом колоссальная роль американских технологий организации и проведения «оранжевых революций», американского контроля за глобальными СМИ и деятельностью НАТО в этих регионах не вызывает ни малейших сомнений.

Таким образом, исчерпав возможность безнаказанно «бить по чужим» для реализации стратегии экспорта нестабильности, США, помедлив и пожав плоды своего промедления, начали «бить по своим» для реализации стратегии экспорта хаоса. *(И если в отношении Ливии и Сирии еще можно вслед за дипломатическими депешами Wikileaks говорить о «необходимости выкинуть Россию со Средиземного моря», то в отношении Египта подобная мотивация отсутствует полностью.)*

При этом потребность в расширении зоны дестабилизации была такова, что в Ливии НАТО (и в политическом отношении США) действовало в теснейшем союзе с формальным злейшим врагом США – «Аль-Каидой», являющейся ключевой политической силой в Бенгази. *Для того чтобы этот союз стал приемлем для американского (и в целом западного) общественного мнения, пришлось срочно то ли убить Усаму бен Ладена, то ли инсценировать*

его убийство подобно тому, как ранее инсценировали его выступления (о чем есть официальные заявления отставных сотрудников ЦРУ, сделанные с мельчайшими подробностями и не удостоившиеся никакой официальной реакции. Справедливости ради стоит отметить, что контакты с «Аль-Каидой» по меньшей мере весной 2006 года вел еще вице-президент Чейни, пойманный на этом американскими журналистами).

Дестабилизация арабского мира представляется весьма эффективным элементом стратегии экспорта хаоса в силу своей потенциальной многовекторности. Так, приход исламских фундаменталистов в качестве поддерживаемых Западом «демократов» в Сирии практически гарантированно обеспечит дестабилизацию Израиля – вплоть до нанесения им (что исключительно важно для безопасности США, без всякого науськивания с их стороны и даже при их официальных протестах!) ядерного удара по Ирану. Дестабилизация Алжира (не удавшаяся на первом этапе, так как там слишком памятна жестокость фундаментальных исламских «демократов») приведет к перебоям в поставке газа в Европу, вынужденному отключению «от трубы» и, следовательно, от электроэнергии целых стран и мгновенному уничтожению являющегося для США стратегическим конкурентом европейского проекта как идеи «общего дома». Да что там говорить, когда даже гражданская война в Ливии привела к наплыву в Европу такого числа беженцев, что ряд европейских стран выставил на своих границах специальные полицейские посты, неформально, но существенно ограничив действие шенгенских соглашений и подорвав тем самым европейский проект!

Однако масштабы безопасной для США (или связанной для них с допустимым риском) дестабилизации мира ограниченны. Это значит, что стратегия экспорта хаоса обречена на завершение, как и накачивание спекулятивного пузыря на рынке ипотечного кредитования, а мир обречен на депрессию.

* * *

В настоящее время развитые страны, сталкиваясь с разнообразными экономическими и социальными проблемами (в первую очередь долговым кризисом), пытаются не столько повысить свою конкурентоспособность, сколько попросту втолкнуть мир обратно в уже давно и навсегда прошедшие 2000-е и особенно 1990-е годы. Тогда, после распада не выдержавшего конкуренции на уничтожение социалистического мира, под видом разговоров о демократизации, развитии рыночных отношений и глобализации не только на руинах этого мира, но и в основной части всей нашей планеты сложился, по сути дела, новый колониализм.

Попытки вернуться в прошлое обречены: в одну и ту же реку просто физически невозможно войти дважды.

При этом США и другие развитые страны – опять-таки во многом в силу демократичности своего внутреннего устройства – в принципе не могут поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же собственных стратегических проблем. Будучи в качестве глобальных регуляторов источниками проблем современной мировой экономики (наряду, конечно, с базирующимися в основном на их территории глобальными корпорациями), развитые страны одновременно в качестве ключевых игроков этой же экономики являются основными выгодоприобретателями сложившегося и уже выработавшего свой ресурс мирового порядка.

Любое осознанное улучшение этого порядка – просто в силу его изменения – нанесет материальный ущерб этим странам и потому неприемлемо не только для их крупного бизнеса (не говоря уже о глобальных монополиях), но и для их населения. Поэтому государственный лидер, согласившийся на такое улучшение, объединит против себя все влиятельные силы своего общества и крайне быстро потеряет свой пост, – а потенциальные самоубийцы, как правило, не выигрывают жестокой политической конкуренции и не становятся во главе преуспевающих наций.

Именно корыстью корпораций и народов, с одной стороны, и инстинктом самосохранения (и отнюдь не только политического, но порой и физического тоже) их лидеров, с другой стороны, и объясняется поистине убийственный эгоизм развитых стран, и в первую очередь США, буквально выталкивающий на авансцену мирового развития новых участников. Это

прежде всего Китай, отчасти Индия и Бразилия, возможно, Иран и, наконец, если у нашего руководства хватит интеллекта, Россия. В любом случае мы не только наглядно видим, но и непосредственно участвуем в конце *Pax Americana* .

Между тем, хотя преодолеть нынешний кризис нельзя в принципе из-за его объективного и глубокого характера (это даже не кризис рыночной экономики как таковой – это переход всего человечества в качественно новое состояние), стабилизировать ситуацию вполне возможно – для этого необходимо, как представляется, создать качественно новую глобальную финансовую систему.

Наиболее насущные преобразования, сформулированные еще в ходе кризиса 1997–1999 годов, остаются вполне очевидными, достаточно интенсивно обсуждаются и вполне реализуемы технологически, – если, конечно, забыть о политически блокирующем их противоречии текущим интересам США.

Среди этих преобразований следует выделить в первую очередь:

• обеспечение полной прозрачности движения спекулятивных капиталов (в перспективе – всей деятельности всех глобальных корпораций с созданием глобального сначала наблюдательного, а затем и регулирующего органа – по образцу государственных антимонопольных органов и органов по регулированию рынков ценных бумаг);

• превращение налога на вывод спекулятивного капитала из экстремальной меры (в кризисе 1997–1999 годов применение его аналога одинаково эффективно спасло диаметрально противоположные по характеру своего регулирования экономики Чили и Малайзии – и никого из тех, кто его не применял, то есть вообще никого больше) в нормальный, признанный мировым сообществом инструмент экономического регулирования, применяемый национальными правительствами при определенных, заранее известных и согласованных участниками глобального рынка условиях;

• приведение влияния различных стран на политику глобальных финансовых институтов (в первую очередь МВФ и Мирового банка), в том числе и путем участия в непосредственном управлении, в соответствие их удельному весу в мировой экономике (что означает, в частности, существенное снижение влияния США и рост влияния их стратегического конкурента – Китая);

• обеспечение полной прозрачности работы глобальных финансовых институтов (в первую очередь МВФ и Мирового банка) вплоть до открытой публикации и обсуждения не только принимаемых ими конкретных решений, но и их методических материалов (в том числе на стадии разработки);

• создание органа глобального регулирования, включающего в себя все страны мира, ВВП которых не ниже минимального в нынешней большой восьмерке ВВП Канады – 1,8 трлн долл. в 2014 году (это означает не только восстановление G8, но и превращение ее в G11 за счет принятия в нее Китая (10,4 трлн долл.), Бразилии (2,4 трлн долл.) и Индии (2,0 трлн долл.); при снижении порогового уровня ВВП 2014 года до 1,0 млрд долл. G11 превратится в G15 за счет Австралии, Испании и Южной Кореи (по 1,4 трлн долл.), а также Мексики (1,3 трлн долл.); при снижении порога до 750 млрд долл. произойдет дальнейшее расширение за счет Нидерландов, Индонезии, Турции и Саудовской Аравии и без участия (в отличие от G20) международных финансовых организаций, качественно усиливающих и без того чрезмерную роль контролирующих их США. Однако главное и самое трудное в создании подобного органа глобального регулирования, что весьма убедительно показал накопленный к настоящему времени печальный опыт, заключается в выработке процедуры принятия решений, обязательных для всех его членов, и обеспечении ее неукоснительного соблюдения.

При абстрагировании от конкретных проблем конкретных рынков возникает устойчивое ощущение, что к настоящему времени уровень интеграции человечества вновь, как это уже наблюдалось в начале XX века, существенно превысил возможности его управляющих систем, и человечество опять оказалось перед объективной необходимостью значительного уменьшения глубины интеграции. Таким образом, скорее всего, нам предстоит частичное восстановление управляемости за счет значимого отступления назад в интеграционных (и в целом цивилизационных) процессах и существенной примитивизации хода нашего развития.

На деле реализация данного принципа будет осуществляться при помощи стихийного

перехода от глобализации к регионализации за счет формирования укрупненных макрорегионов, ведущих между собой жесткую, практически тотальную культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию.

При оценке стратегических перспектив современного человечества принципиально значимым представляется то, что фундаментальная проблема современного развития заключается отнюдь не в эгоизме США и даже «коллективного Запада», не в повсеместной нехватке ликвидности, не в выходящем из-под контроля нарастающем кризисе долгов и даже не в системной утрате собственниками контроля за собственными топ-менеджерами. Все проще: дело **в** невосполнимом и неисправимом **отсутствии источника экономического роста США** , а с ними – и всей мировой экономики. Даже оздоровление финансов США (которое в современных условиях уже просто невозможно себе представить), произойди оно вдруг по мановению волшебной палочки, не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что **из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление** (для него попросту нет не то что предпосылок, но даже и никаких возможностей), **а в депрессию – длительную и мучительную** .

Рыночные отношения отходят на второй план

Таким образом, на наших глазах – и с непосредственным участием некоторых из нас – глобальный рынок вполне естественно и закономерно породил глобальные монополии: их в принципе некому регулировать, в силу отсутствия межпланетных сообщений им в принципе не с кем конкурировать – и они в полном соответствии с экономической теорией загнивают.

Отнюдь не только вся мировая финансовая система – вся мировая экономика под истошные крики о намечающемся и уже даже начавшемся выходе из кризиса вот уже скоро десятилетие (официально с августа 2008 года, однако кризисные явления проявились в экономике США в сентябре 2007-го, а возникли и стали наблюдаемыми и вовсе на год раньше) раскачивается на грани глобальной депрессии. В пропасть этой депрессии – может быть, не «великой», как 80 лет назад, но уж точно, как минимум, большой и долгой – одинаково страшно заглядывать и профессиональным фондовым оптимистам, и «соловьям Апокалипсиса».

Тревожным звоночком во время паники по поводу аварии на АЭС «Фукусима» стало прямое и недвусмысленное предупреждение денежных властей США в адрес японского государства, чтобы оно и не думало продавать американские государственные облигации.

Это уже не пугающий рост доли краткосрочных бумаг в общем объеме займов американского государства – это прямое, внеправовое и весьма существенное ограничение их ликвидности, балансирующее, по сути дела, на грани технического дефолта. Недаром крупнейшим кредитором правительства США стала ФРС.

Стандартным позитивным выходом из ситуации загнивания монополий в отсутствие источника внешней конкуренции (а для глобального рынка такого источника попросту не существует) представляется технологический рывок, который ослабляет степень монополизации. Но именно поэтому глобальные монополии стремятся сдержать технологический прогресс – и надгосударственный всеобщий глобальный управляющий класс выполняет эту функцию. Человечество, всего лишь поколение назад вполне обоснованно мечтавшее о космосе и бесплатной энергии, сегодня может рассчитывать лишь на 3D-телевизор, очередной айфончик и «диет-колу».

А раз быстрый позитивный выход через технологический рывок в современных условиях глобального монополизма не представляется возможным, наиболее вероятной становится попытка негативного выхода – через либеральную экономию на спичках и ограничение потребления «лишнего населения», что означает сваливание в депрессионную спираль.

Кризис глобального монополизма непосредственно проявляется через нехватку спроса. Сталкиваясь с ней в условиях, когда генерировать спрос путем увеличения денежной массы становится из-за чрезмерного объема денег уже невозможно, глобальные монополии начинают инстинктивно сокращать издержки. В глобальном масштабе это сокращение потребления населения, которое потребляет больше, чем производит, причем это сокращение, разумеется,

довольно жестко локализуется во вполне определенных странах и социальных группах.

Под ударом прежде всего оказываются отнюдь не нищие: за счет сокращения их и так небольшого потребления (1–2, в лучшем случае 3 доллара в день) в глобальном масштабе много не выгадаешь, а само сокращение будет связано с неизбежными гуманитарными катастрофами и потому окажется политически болезненным.

Наиболее эффективным оказывается сжатие потребления среднего класса, который становится попросту ненужным из-за быстрого распространения сверхпроизводительных постиндустриальных (на данном этапе в первую очередь информационных) технологий.

В прошлые годы средний класс, оказавшийся лишним, последовательно уничтожался в Африке, Латинской Америке и на постсоциалистическом пространстве. Его численность в этих регионах кардинальным образом снижена, а потребность глобального бизнеса в сокращении издержек сохраняется по-прежнему острой. В результате с переходом глобального экономического кризиса в открытую форму приходит очередь среднего класса ядра капиталистической системы – развитых стран, утративших свою сакральную ценность в глазах эмансипировавшегося от них глобального управляющего класса.

При этом представляется принципиально важным, что социальная утилизация среднего класса развитых стран – значительной части пресловутого «золотого миллиарда» – отнюдь не решит проблемы, но всего лишь переведет их в новые (постэкономическую и постдемократическую) плоскости.

Не будем забывать, что современная западная демократия существует от имени и во имя именно среднего класса развитых обществ. После его утилизации на его костях она неминуемо выродится в информационную диктатуру, основанную на массовом, а в идеале тотальном формировании сознания людей.

И путь к этому не так уж и далек.

Давайте проверим сами себя: за счет управления нашим сознанием при помощи информационных потоков большинство твердо знает, что покойный ливийский лидер Муаммар Каддафи был злодеем – просто потому, что глобальные СМИ обвинили его в массовых бомбежках собственных мирных городов и преступлениях по отношению к мирному населению. При этом мы прекрасно знаем, что ничего подобного в действительности не происходило, а нефтедоллары делились с населением хотя и неэффективно (так, за 40 лет правления отнюдь не профессор, но полковник Каддафи даже не удосужился создать собственную оборонную промышленность!), но все же значительно более справедливо, чем, например, в сегодняшней России. Однако, как в известном анекдоте, «осадок остается»: наряду с четким осознанием лживости официальных обвинений мы подсознательно ощущаем, что Каддафи плох и защищать его стыдно.

Таково действие современных информационных технологий даже на критическое, достаточно полно и разносторонне осведомленное сознание, отнюдь не шокированное личными несчастьями, связанными с рассматриваемой темой. В ходе же зачистки среднего класса развитых стран Запада указанное сознание будет практически полностью лишено критичности современной системой образования, запутано разнообразными информационными атаками и приведено в пластичное состояние личными шоками, связанными с утратой уверенности в завтрашнем дне, а все чаще – с разорением. Все эти процессы уже идут полным ходом, просто в силу накопленного западной культурой гуманизма и рационализма они еще весьма далеки от своего завершения.

В глобальном плане массированное формирование сознания приведет при своем линейном продолжении к завершению начинающегося сейчас процесса расчеловечивания: к отказу от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения эпохи Просвещения, и возврату к слитно-роевому ее существованию, может быть, через чудовищные бедствия, решительно ломающие привычный нам психотип.

Правда, первый и исключительно значимый шаг к этому уже сделан исподволь, причем без каких бы то ни было серьезных потрясений – на основе всего лишь расширения и углубления комфорта в процессе формирования общества массового потребления. Декартовское «Я мыслю, следовательно, существую» давным-давно подменено в этом обществе несравненно более комфортной и общедоступной формулой «Я покупаю,

следовательно, существую».

Весьма интересно, что актом, подтверждающим существование личности, оказывается отнюдь не акт потребления, часто (в силу усложнения потребляемых товаров и услуг) требующий усилий и даже творчества, но именно простой и механистичный акт покупки. Конечно, это выгодно для бизнеса, нуждающегося в наращивании именно продаж и вполне равнодушного к потреблению проданного (более того, если купленные вещи не будут потребляться вовсе, например по забывчивости, покупатель купит их второй и третий раз, что принесет коммерсантам дополнительную прибыль). Однако указанная трансформация сознания вызвана, как представляется, отнюдь не только корыстными устремлениями бизнеса.

Важную роль играет и общее упрощение массовой личности, вызванное более глубокими, фундаментальными причинами. Распространение современных информационных технологий, в первую очередь технологий формирования сознания, ведет к упрощению структуры личности, все более превращающейся в примитивное рыночное животное, не способное к усилиям и напряжению воли или, по меньшей мере, не желающее их. Бурное распространение шопинг-терапии, попытка подтверждения своего существования за счет механических покупок заведомо ненужных вещей, за счет даже не потребления (то есть освоения и переработки купленного в соответствии с нуждами своего организма), а простого факта обладания свидетельствует о нарастающей утрате современной личностью общества массового потребления способности к индивидуальному самосознанию.

Отсюда один шаг до растворения в том или ином типе коллектива, – разумеется, растворения неосознанного, сопровождающегося исступленным подтверждением своей уже несуществующей индивидуальности и мнимой, воображаемой уникальности.

Вместе с тем представляется принципиально важным, что сжатие спроса и социальная утилизация среднего класса кардинально сокращают возможности современного массового человека подтверждать самому себе факт своего существования при помощи покупок.

В данной ситуации палочкой-выручалочкой оказывается массовое зомбирование, позволяющее создать ощущение полноценного потребления (и даже полноценного подтверждения своего существования при помощи постоянных покупок) у человека, в силу ограниченности доходов почти не имеющего возможности покупать. *(Движение к этому можно наблюдать, например, в современной Прибалтике и Восточной Европе в целом.)*

Однако подобное успешное формирование массового сознания, строго говоря, делает вполне ненужной саму рыночную экономику. С другой стороны, она во многом уже отменена, причем без каких бы то ни было драматических эффектов. В самом деле, если человеку без особого труда можно внушить, что нанесение на вещь того или иного лейбла в разы повышает ее стоимость (а это положение уже достигнуто и считается само собой разумеющейся нормой), обмен в массовом порядке становится неэквивалентным. А неэквивалентный обмен, то есть, по сути дела, грабеж, возведенный в основу экономических отношений, не просто подрывает, – он отменяет рынок.

С другой стороны, основой рыночных отношений является пресловутая частная собственность на средства производства, однако в крупных акционерных корпорациях развитие современных методов управления практически отменяет ее. Обострение глобального экономического кризиса в 2008–2009 годах с небывалой ясностью продемонстрировало полную беспомощность акционеров (и даже крупных) перед высшим менеджментом соответствующих корпораций. В самом деле, доведших компанию до банкротства или тяжелых финансовых проблем руководителей можно лишь уволить, но заменить их можно будет только такими же (так как современный топ-менеджер является стандартным продуктом), а то и еще худшими кадрами. Все возможное воздействие на них оказывается ограниченным запретом (который удалось реализовать лишь со значительным трудом) выплачивать себе в бонусы государственную помощь, вынужденно предоставляемую корпорациям для их спасения от последствий крайне неэффективного руководства.

Таким образом, собственники корпорации – акционеры – в ходе развития процедур корпоративного управления оказываются лишенными реальной возможности управлять своим собственным имуществом. О какой частной собственности здесь может идти речь?

Она, по сути дела, оказалась отменена, хотя и совершенно не по-революционному: не бородатыми повстанцами с калашниковыми в руках при помощи национализации, но самыми что ни на есть конечеными акулами капитализма – в ходе его последовательно диалектического развития и неуклонного доведения если и не до абсурда, то до своей полной противоположности.

Таким образом, лишаемые своих краеугольных камней – эквивалентности обмена и частной собственности – рыночные отношения повисают в воздухе и постепенно перестают существовать.

И вовремя, что вполне естественно: завершение процессов социальной утилизации среднего класса лишит современную экономику спроса (разумеется, в данном случае под спросом понимается не потребность, а исключительно «платежеспособный спрос» в терминах социалистического хозяйства), а экономика без спроса по самой своей природе объективно является нерыночной. Существование же ее, то есть производство благ, которые будут распределяться даром, а не за деньги, необходимо, так как сохранение рыночного характера производства будет означать его коллапс, физическое уничтожение значительных масс населения, разрушение инфраструктуры и запустение огромных, причем в настоящее время наиболее цивилизованных территорий. Все это является совершенно недопустимым (разумеется, по масштабности разрушения производственных мощностей и сокращения бизнеса, а не по каким бы то ни было гуманитарным причинам) даже для не склонного к сентиментальности глобального бизнеса.

Мир без среднего класса: под «железной пятой»?

На фоне этих фундаментальных пугающих проблем вопрос о судьбе среднего класса может показаться эгоистически мелким, а с другой стороны – вполне очевидным.

В самом деле, производительность новых, в первую очередь информационных технологий резко снижает численность людей, нужных для производства потребляемых человечеством материальных и духовных благ.

Пока главным субъектом политики было государство, оно так или иначе сдерживало технологический прогресс ради сохранения удобной для него социальной структуры. Однако с уничтожением Советского Союза и началом глобализации главным субъектом мировой политики окончательно стал глобальный бизнес (на Западе его полная победа была одержана с отставкой Никсона), а логика фирмы, в отличие от логики общества, требует оптимизации издержек.

В данном случае носителем издержек является средний класс, у которого разрыв между непосредственно производимыми и непосредственно потребляемыми благами является максимальным. (Существенно, что его элементы могут быть необходимыми, но косвенными условиями для производства современных благ, например технологий, что может привести к утрате этих благ после социальной редукции среднего класса, но для фирмы, пусть и глобальной, это слишком сложное и неопределенное умозаключение: ей нужна прибыль здесь и сейчас.)

Поэтому средний класс истребляется глобальным бизнесом в рамках борьбы с расточительностью, – и этот процесс дошел уже и до развитых стран.

Между тем именно средний класс предъявляет критически значимую часть спроса современного мира: редукция этого спроса означает обрушение рыночной экономики в жесточайший кризис спроса и в глобальную депрессию.

Что будет представлять собой современная экономика без спроса среднего класса? Этот вопрос остается открытым.

Вероятно, рынок как средство организации общества исчерпал себя, и современный глобальный кризис является в том числе и кризисом рыночных отношений как таковых.

Важным изменением, свидетельствующим об исчерпанности рыночных отношений, является снижение значимости денег и рост значения технологий. В ряде случаев последние становятся принципиально неотчуждаемыми от их разработчика *(продается, как это все чаще бывает в случае даже программного обеспечения, не сама технология, но лишь право*

пользоваться ею, то есть технологии, как и интеллект, не продаются, но лишь передаются в аренду).

Весьма существенным представляется и трансформация демократии: ее сегодняшний кризис (который будет подробно разобран ниже) – ничто на фоне того, что ждет ее в случае исчезновения среднего класса, ее источника и обоснования.

Вероятно, она заменится жесткой информационной диктатурой, способной во многом оторвать людей от реальности и в значительной степени контролировать структуру их потребностей (что касается общественных потребностей, такой контроль, скорее всего, будет полным). Некоторое предвестие подобной информационной диктатуры (по ее эффективности и тотальности) мы наблюдаем на примере уже длительное время вполне успешно (с точки зрения повседневности) живущей в искусственно созданной реальности Украине: первый блин обычно комом.

Вероятно, человечество возвращается к некоему новому феодализму, в котором огромные массы «лишних» людей будут жить под жестким и не осознаваемым ими информационным контролем на социальные пособия в условиях генерируемых коллективных эмоций и поддерживаемой для обеспечения контроля искусственной напряженности. В определенных ситуациях они могут уничтожаться, хотя в целом их популяция будет поддерживаться для порождения талантов, нужных руководящей элите для обеспечения комфорта, а также участия в управлении и внешней конкуренции.

Однако положение самой элиты в силу ее неизбежной корыстной узости и обусловленной этим неспособности поддерживать необходимый объем знаний и технологий будет крайне неустойчивым и неопределенным.

1.3. Изменение характера конкуренции: социальный инжиниринг как главный образ деятельности

Размывание целостности

Индустриальные технологии объективно требуют максимальной стандартизации всех факторов производства, включая рабочую силу. В их рамках главная производственная ценность человека заключается прежде всего в его стандартных навыках, позволяющих с минимальной адаптацией использовать его на самых разных, опять-таки стандартных, производствах. Профессиональные навыки, столь же одинаковые, как и типоразмеры изделий, способствуют выработке и господству унифицированной, усредненной культуры и, соответственно, внутреннему единству общества.

Это касается всех без исключения особенностей, включая национальные. Крупная промышленность переваривала работников разных национальностей, стирая в своих цехах их культурные различия и переплавляя их в единую общность, не национальную, но классовую по своей природе. Идеология интернационализма отражала этот процесс и, выражая потребность производства в стирании национальных различий, мешающих созданию стандартизированной рабочей силы, была прогрессивной для индустриальной эпохи.

Возникновение и распространение постиндустриального информационного технологического базиса кардинально меняет ситуацию на наших глазах.

Наиболее востребованными становятся (хотя в целом еще не стали) не стандартные навыки механической работы, но творческие способности. Главным условием жизненного успеха являются уже не общие черты и умения, обеспечивающие выполнение тех или иных стандартных функций, но именно отличия, желательно уникальные.

Да, способность выделиться из общей массы давала конкурентные преимущества и раньше, однако в индустриальных условиях потребность в индивидуальности и, соответственно, рыночная ниша, на которую она могла претендовать, являлась незначительной. Преуспеть, то есть найти спрос на себя, могли лишь немногие выделившиеся из общей массы, а для остальных просто не оставалось места. Господствующие индустриальные технологии обрекали их либо на отторжение и люмпенизацию, либо на

возвращение в ряды стандартизированной рабочей силы.

Постиндустриальные, на данном этапе развития **информационные технологии** качественно расширили потребность в отличиях и **превратили особенность не только в главное, но и в общедоступное, встречающее массовый спрос конкурентное преимущество** .

Во многом этому способствовало упрощение коммуникаций, позволившее ориентироваться на почти сколь угодно маргинальный спрос, так как потребителей на значительную часть товаров можно выискивать теперь в масштабах почти всей платежеспособной части человечества: «география умерла». То, что почти любой товар может теперь найти спрос, усиливает рыночное влияние производителей (так как производимое ими «и так возьмут») и способствует превращению рынков в рынки продавцов. Понятно, что это ведет к «загниванию» производителей, освобождающихся от давления требовательной части покупателей.

Принципиально важно, что это касается рабочей силы (и ее обладателей) так же, как и остальных товаров (и их производителей). Если в индустриальном производстве ее конкурентоспособность достигалась за счет стирания отличий, в том числе и национальных, то **в постиндустриальных производствах интересы** той же самой **конкурентоспособности требуют** противоположного: **культивирования** этих **отличий, разнообразных особенностей носителей рабочей силы** .

Эта потребность разрушает общества в их традиционном понимании, в первую очередь мультинациональные , так как объективно обусловленная потребность в отличиях находит прежде всего этнокультурное выражение.

Непонятно, как сохранять (и можно ли вообще сохранить) целостность традиционных внутренне разнородных обществ в условиях объективно провоцируемого информационными технологиями роста сепаратизма всех видов. *Понятно, что это касается не только национального и религиозного, но и культурного сепаратизма, а также разрушительного для обществ навязывания им (обычно под маской политкорректности) приоритета интересов любых меньшинств как таковых (вплоть до сексуальных).*

Благотворительность – лучший бизнес?

Как показывает практика, крупнейшие – на данном этапе развития человечества глобальные – капиталы весьма эффективно предчувствуют, а в настоящее время, возможно, и прямо предвидят будущее (это тем легче им делать, что во многом они непосредственно его и создают). Реакцией на все более очевидную бесперспективность рыночных отношений самих по себе и сворачивание традиционной рыночной экономики как таковой, по-видимому, является последовательный отказ от собственно рыночной активности в пользу создания новых правил и стандартов в виде новых культур. В последние полтора десятилетия он весьма заметен в среде наиболее рациональных и успешных представителей глобального бизнеса.

Наиболее значимым в современном мире становится управление стандартами, правилами, повесткой дня и массовым поведением.

Указанное изменение представляется принципиально важным, так как уже сейчас в корне меняет весь характер жизни и образ деятельности современного человечества, вводя в повседневную практику новые стандарты деятельности. Привычные же нам формы рыночного поведения, погружаясь в качественно новую среду, незаметно для нас и даже самих их участников наполняются новым смыслом, становясь из всеобъемлющих и самодовлеющих зависимыми и частичными. Не меняясь сами по себе, они неожиданно попадают в зависимость от внешних для себя, объективно задаваемых им технологических и иных норм.

Именно создание этих норм становится главным видом человеческой деятельности, непосредственно определяющей большинство других, и основным, наиболее значимым полем конкурентной борьбы. Принципиально важно, что это, как правило, даже не осознается основной массой участников рынка, так как сфера этой борьбы поднимается над ним и начинает вестись уже не за получение прибыли само по себе, а за установление правил ее получения.

Конкуренция из рыночной все в большей степени становится инфраструктурной и технологической.

Принципиально важно, что перенос значительной частью богатейших людей (от Гейтса до Потанина) своей активности в сферу благотворительности, насколько можно судить, ни в коей мере не является формой ухода от дел.

Да, благотворительная оболочка действительно наиболее эффективно защищает капитал от налоговых расследований, и это становится все более актуальным в связи с подымающейся в ходе глобального экономического кризиса в современном мире волны налогового террора. *(Так, уже давно никого не шокирует вполне серьезное обсуждение в некоторых странах Евросоюза введения 50-процентного налога на выведенные в Швейцарию и укрытые таким образом от налогообложения капиталы.)*

Однако главный смысл благотворительности заключается совершенно в ином: благотворительность как форма организации деятельности целых направлений некоммерческих организаций является стратегическим бизнесом, стратегическим инвестированием – не в конкретные производства, а в создание новых стандартов, смыслов, идей и структурообразующих организационных конструкций.

Это самый рентабельный бизнес, качественно новая сфера массовой глобальной конкуренции; СМИ являются для этого бизнеса лишь приводным ремнем, простым инструментом трансляции, навязывания, экспансии новых смыслов.

Непосредственной причиной этого перехода от обычного бизнеса к формированию стандартов общественного поведения через благотворительную деятельность представляется кардинальное изменение современных систем управления.

Обусловленный распространением информационных технологий (и тем более технологий формирования сознания) переход от иерархических систем управления к сетевым кардинально повысил значение бизнеса по формированию стандартов и стратегий, являющихся (в отличие от прямых инструкций и указаний руководства в иерархических системах) рамками и средой существования элементов всех сетей.

Принципиально важно, что указанный переход никогда не закончится полностью: реальное участие в конкуренции будут принимать разнообразные сочетания систем управления обоих типов.

В настоящее время их структурирование довольно интересно: низший исполнительский уровень в основном формируют уже не иерархические, но сетевые структуры, которые и осуществляют непосредственную организацию действий. Однако эти действия определяются и направляются, а сами эти сетевые структуры во многом конституируются традиционными иерархическими структурами, находящимися на втором уровне глобального управления. Но и они далеко не самостоятельны: формализованные, должным образом зарегистрированные и потому прекрасно видимые и популярные традиционные иерархические структуры в основном представляют собой лишь простых исполнителей воли, приводные ремни сетевых структур планетарного уровня, какими являются сгустки глобального управляющего класса.

Степень иерархизации мира в ходе информационной революции, а затем глобализации резко, а для многих и драматически снизилась. Интересно, что размывание иерархий произошло примерно одновременно как в самом низу, так и на самом верху управленческой (и социальной) пирамиды, в результате чего господа действительно вполне диалектически оказались социальным и психологическим подобием рабов. *(Не менее интересно, что занимающие промежуточное положение менеджеры разного уровня «выпали из контекста», что сулит в будущем массу интересных социальных коллизий вроде братания владельца корпорации со студентом-альтернативищиком через голову собственного топ-менеджмента. Впрочем, популярные в США сюжеты с прожженным эстрадным комиком, ставшим или едва не ставшим президентом страны, могут быть эхом и этой коллизии тоже.)*

В практическом плане снижение степени иерархизации систем общественного (а в конечном счете и глобального) управления означает не только снижение роли старых, внешних для личности административных рычагов и рамок управления, но и появление настоятельной потребности в новых рычагах и рамках, органичных для человеческой личности и воспринимаемых ею как свое собственное продолжение, а не как нечто внешнее и чуждое ей.

В рамках сетевой организационной структуры субъект действия ограничивается и направляется не столько приказами (которые теряют эффективность – сначала драматически, а затем уже и юмористически), сколько собственными представлениями и «духом комьюнити». Поэтому новая система управления должна управлять в первую очередь мотивациями человеческой личности и общими правилами, которые она считает естественными и комфортными для себя (а в идеале и самоочевидными, не подлежащими сомнению, подобно незыблемым законам природы).

Развитие информационных технологий и в первую очередь технологий формирования сознания во многом внезапно поставило системы управления человеческими общностями перед необходимостью уверенно, однозначно и притом гибко формировать четкие стандарты поведения, принципы («что такое хорошо и что такое плохо») и основные смыслы человеческой деятельности. Существенно, что делать это надо таким образом, чтобы определять меняющиеся по необходимости состав и приоритеты повестки дня, на основании которой действует и управляющий субъект, и управляемая им организация.

Этой сложной, постоянной и требующей значительной чуткости к ответным реакциям деятельностью в современном обществе занимаются некоммерческие (в значительной степени аналитические, так как среди «сетевых исполнителей» тоже достаточно НКО) организации. Финансирование этих организаций осуществляется, как было показано выше, в основном через благотворительные структуры, в результате чего благотворительность из способа усыпления растревоженной совести стала важнейшей формой глобального стратегического инвестирования.

Рыночные отношения во всем мире во все большей степени заменяются отношениями по формированию глобальным управляющим классом стандартов, норм и правил.

1.4. Преобразование политики: изживание традиционной демократии

Удивительно, как быстро летит время.

Демократия как политический строй сложилась в Древних Афинах в начале VI века до нашей эры – в ходе реформ Солона. Понятие «демократия» активно применялось в целях пропаганды существующего политического строя уже Периклом в V веке до нашей эры (Аристотель, подведший под него прочную до сих пор научную базу, жил спустя целый век после него). И, несмотря на столь почтенный возраст, идея демократии до сих пор сохраняет всю свежесть концептуально нового энергичного призыва, переворачивающего, обновляющего и возрождающего старый затхлый мир!

Такова сила политического интереса.

Демократия как идея наиболее полно и целостно выражает слитное стремление масс и отдельных личностей к праву самостоятельно управлять своей жизнью, самостоятельно определять свою судьбу, – и в этом качестве она перебарывает само время и оказывается постоянной, пусть даже порой исчезающей на поколения и даже века доминантой всей нашей цивилизации.

Уже более двух с половиной тысяч лет мы произносим слово «демократия» и верим в свою возможность создать на ее основе качественно новую, на порядок более эффективную, чем раньше, систему управления. При этом вот уже точно более полутора сотен лет (с момента формирования соответствующих ценностей) мы верим в возможность объединить на основе демократических институтов и традиций личные интересы с общественными, а национальные – с общечеловеческими.

Вера в демократию является незыблемой, приобретшей (по крайней мере в последние полтора века) характер религиозной догмы константой в нашем текучем, стремительно меняющемся мире – и это прекрасно: человек по своей природе нуждается в незыблемых «истинных ценностях».

Однако даже основные демократические институты – инструменты практической, политической реализации незыблемых демократических принципов и идеалов – были созданы почти четверть тысячелетия назад (или, для большей наглядности, более десяти поколений назад), еще в XVIII веке. С тех незапамятных для современного человека времен они лишь

улучшаются и дорабатываются, оставаясь в своей основе неизменными.

Подчеркну: это касается не принципов, а инструментов.

Не только в технологической, но и в социальной сфере важнейшие инструменты даже простого человеческого существования (не говоря уже о развитии) сменились за это время не раз и не два.

Трансформировались кажущиеся незыблемыми основы – семейные отношения, являющиеся фундаментом общественных.

Иным стало и содержательное понимание демократии, о чем пойдет речь в следующем разделе.

А вот политическое продолжение этих неуловимо, но и неумолимо меняющихся основ – институты демократии – претерпели за это время лишь поверхностные, косметические изменения. Они развивались не столько вглубь, сколько вширь, охватывая новые пространства человеческих обществ.

Вопреки многочисленным и авторитетным апологетам достижения современным им человечеством высшего совершенства – от Гегеля до Фукуямы – развитие человечества и его качественное, принципиальное изменение все же продолжается.

Подобного рода изменение неизбежно меняет и требования к организации общественного управления, создавая необходимость трансформации в том числе и его институтов, более глубокой, чем та, к которой мы привыкли и которую считаем поэтому максимально возможной.

Стабильность институтов имеет свою безусловную ценность. Однако в условиях стремительной, ускоряющейся и расширяющейся изменчивости общества она не только поддерживает его устойчивость, являясь одним из конституирующих его элементов, но с определенного момента неминуемо начинает мешать его развитию, противореча объективным требованиям реальности.

Мы приближаемся к моменту, когда демократия, окостеневшая в состоянии религиозной догмы, должна ожить и начать трансформироваться вместе со всем человечеством. Охватывающие мир кардинальные изменения должны ради сохранения демократических принципов коснуться святая святых – обеспечивающих реализацию этих принципов демократических институтов и даже самого понимания демократии как таковой: как явления и как ценности.

Разумеется, эти изменения должны быть технологичными и, как минимум, обеспечивающими решение хотя бы основных проблем, с которыми уже столкнулась демократия в ее традиционном западном понимании (находящаяся сегодня в полноценном кризисе управляемости) и с которыми в своем нынешнем виде она, как убедительно показывает мировая практика, в принципе не в состоянии справиться.

Не следует забывать о том, что демократия представляет собой главную мировоззренческую ценность современной западной цивилизации, наполняющую конкретным политическим смыслом фундаментальное понятие свободы и играющую поэтому ключевую роль во всем созданном Западом современном «мировом порядке». Условность и заведомая практическая недостижимость общепринятых и повсеместно распространенных представлений о демократии лишь подчеркивает ее колоссальную значимость как идеала, структурирующего стремлением к себе всю сумятицу и разнообразие современного мира.

Утрата подобным идеалом не только привлекательности, но даже и правдоподобия, потенциальной осуществимости представляется одним из наиболее серьезных и угрожающих проявлений глобального кризиса. Его обновление и приближение, с одной стороны, к практическим нуждам современного человека, а с другой – к его возможностям, ограниченность которых он осознает все более болезненно, станет ключевым элементом идущей на наших глазах и с нашим участием трансформации всей человеческой цивилизации, надолго вышедшей из относительно стабильного, равновесного состояния.

Что же такое демократия?

Достаточно быструю эволюцию (причем отнюдь не только в нашей стране, но и во всем мире) содержания, вкладываемого в это вроде бы остающееся неизменным понятие, весьма

убедительно иллюстрирует сопоставление двух классических для своего времени энциклопедических определений.

Согласно Малому энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, вышедшему в свет еще в царской России, демократия – это «народовластие, государственная форма, в которой верховная власть принадлежит всему народу».

Однако чуть более чем через полвека Большая советская энциклопедия определяет демократию гораздо более сдержанно и со значительно большим количеством подразумеваемых оговорок. Теперь демократия – это всего лишь «…форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод».

Изменение смысла, вкладываемого в один из наиболее популярных терминов современности, весьма показательно. За не столь уж и долгие годы был пройден (причем далеко не только советской властью) непростой путь от прямого указания на непосредственную принадлежность власти всему народу к признанию этого народа всего лишь «в качестве источника» (и совершенно не факт, что единственного источника) власти, который имеет право не более чем «участвовать» в государственном управлении (а не всецело определять его характер). При этом народ как совокупность граждан отнюдь не обладает по самой своей природе, но лишь «наделяется» (из контекста следует, что государством) «достаточно широкими» (а отнюдь не необходимыми или, упаси боже, неотъемлемыми) правами и свободами.

Сужение понятия демократии и плавный дрейф вкладываемого в него смысла от ценностного к сугубо прагматичному, технологическому, управленческому ярко иллюстрируется наличием в современной практике неявного, но тем не менее весьма жесткого разделения двух принципиально различных пониманий демократии.

Первое понимание носит содержательный характер и акцентирует цель общественного развития и соответственно демократии как инструмента этого развития. В соответствии с ним **демократия** представляет собой **общественное устройство, при котором управляющая система в наиболее полной степени** , возможной в существующих условиях (включая уровень общественного и технологического развития, а также наличие внешних и внутренних угроз рассматриваемому обществу), **учитывает мнения и интересы управляемых** .

Принципиальное значение, как ни странно на первый взгляд, имеет в этом определении именно учет мнений. Ведь молодая, зубастая, агрессивная диктатура, на этапе становления всецело зависящая от своей способности учитывать интересы общества, как правило, учитывает их не хуже, – а часто и намного лучше – постоянно путающейся в собственных разросшихся институтах зрелой демократии.

Однако, отстраняясь от бытующих в обществе мнений, существующих еще в отрыве от непосредственных интересов и потому на период формирования диктатуры еще не представляющих собой непосредственную политическую силу, последняя лишает себя гибкости и адаптивности, закостеневая в структуре интересов, доминировавшей в обществе в период ее возникновения. В результате в последующем она оказывается не в состоянии плавно приспосабливаться к неминуемому изменению общества и, в частности, к неминуемому изменению его интересов, продолжая апеллировать к давно утратившим актуальность ценностям и давно решенным проблемам. Предопределенная невниманием к мнениям косность со временем делает диктатуру неадекватной – и с неизбежностью ведет к ее разрушению.

Разумеется, описанное содержательное понимание демократии является базовым, фундаментальным, однако, как это обычно бывает с фундаментальными положениями, его широта и ценностный характер весьма существенно затрудняют его практическое применение.

Поэтому со временем сложилось, а затем и завоевало наибольшую популярность, практически вытеснив из общественного сознания содержательное понимание, совершенно иное, прагматичное, **формально-институциональное понимание демократии, концентрирующее внимание не на целях, но исключительно на средствах развития общества** . В соответствии с ним демократия сводится к простой совокупности формальных (и потому поддающихся измерению, что очень удобно для выставления разнообразных оценок в

целом для исследований, в особенности количественных) институтов: разделения властей, независимого суда, парламента, выборов, свободы слова, собраний и передвижений, а также ряда других.

Для сохранения адекватности при анализе общественных процессов необходимо ни на минуту не упускать из виду принципиальное различие содержательного и институционального понимания демократии.

Не менее важно помнить, что **демократия как цель примерно соответствует демократии как стандартному комплексу средств** (институтов) **лишь в весьма специфических и редких** с точки зрения мировой истории условиях наиболее развитых обществ исключительно одной – западной – цивилизации. Однако даже и в них, о чем пойдет речь ниже, мы видим неуклонное отдаление демократической практики (выражаемой в этих институтах) от содержательного понимания демократии.

В остальных демократическое содержание общественного устройства может быть обеспечено только иными, формально (то есть с западной точки зрения) недемократическими или в лучшем случае «не вполне демократическими» общественными институтами.

Именно в этом заключается базовая, фундаментальная причина того, что искусственное (не говоря уже о наиболее частом в последнее время насильственном) внедрение демократических институтов в относительно неразвитые (или незападные по своему цивилизационному типу) общества, как правило, ведет не к построению демократии, но к ее разнообразным и разрушительным извращениям.

Классическим примером служат исламские и в особенности арабские страны. Их «демократизация» Западом (разумеется, сводящаяся в основном к насаждению в них западных общественных институтов вплоть до мэрилендских правил дорожного движения, вполне серьезно признанных американцами критерием победы демократии в Ираке в 2003 году) с пугающим постоянством ставила западных «прогрессоров» перед неутешительным выбором между приходом к власти либо религиозных фундаменталистов, либо жестоких светских тиранов. Весьма убедительной иллюстрацией разрушительности слепого и насильственного экспорта демократии является и Россия 90-х годов прошлого века, однако никакие трагедии народов, как показывает опыт, не способны охладить передающийся из поколения в поколение (по меньшей мере уже в третье) энтузиазм западных либеральных вивисекторов и их туземной обслуги.

Разумеется, приверженность западной демократии, все более напоминающая агрессивный религиозный фундаментализм (и приведшая после распада Советского Союза к заметно большему числу войн, чем, скажем, фундаментализм исламский), весомо подкрепляется и сугубо коммерческими интересами глобального бизнеса. Он вполне справедливо рассматривает демократию в ее западном, институциональном понимании как режим наибольшего благоприятствования своей деятельности и потому заинтересован в ее насаждении без каких бы то ни было оглядок на реальность.

И кризис современной демократии, являясь кризисом именно этого, западного, формального ее понимания, отражает более глубокий и масштабный кризис всего современного общества, приспособленного к индустриальным технологиям, и всей современной экономики, основанной на глобальном монополизме.

Информационные технологии, превращая в главное дело человечества формирование его сознания, разрушают фундаментальную, культурную почву демократии, подрывая, как это ни ужасно звучит для нас, саму ее принципиальную возможность.

Разрушение целостности: элита под ударами технологий формирования сознания

Для формирования сознания общества по чисто технологическим причинам нет нужды преобразовывать сознание всего населения. Достаточно значительно более простого и менее затратного варианта: добиваться нужного поведения общества воздействием не на все его слои, но лишь на его элиту (то есть на часть общества, участвующую в принятии значимых для него решений, в формировании его сознания или же являющуюся примером для массового подражания).

Длительные концентрированные и в каждом отдельном случае целенаправленные усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты значительно быстрее, чем сознание общества в целом, и при этом совершенно особым, специфическим образом. В результате оно постепенно начинает коренным образом отличаться от сознания основной части общества.

В ситуации, когда способ мышления и мировоззрение элиты весьма существенно отличаются от наиболее распространенных в обществе, **элита отрывается от него и тем самым утрачивает не просто свою эффективность, но и свою общественно полезную функцию, которая** , собственно говоря, делает ее элитой **и оправдывает ее существование** . Подвергнувшаяся форсированной перестройке своего сознания элита по-другому, чем возглавляемое и ведомое ею общество, мыслит, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает окружающий мир и совершенно иначе реагирует на него.

Это уничтожает сам смысл демократии (лишая оправдания в том числе и существование формально демократических институтов), так как идеи и представления, рождаемые обществом, уже не диффундируют наверх по капиллярам социальных систем, но просто не воспринимаются элитой и соответственно перестают влиять на общественное развитие непосредственно, через изменение поведения этой управляющей системы. В результате потенциал демократии съеживается до совершенно незначительных размеров самой элиты.

До момента коренного преобразования сознания элиты мы видим на довольно многочисленных исторических примерах (как в России, так и в других странах), что относительная эффективность системы управления способна на ограниченные промежутки времени во многом компенсировать слабость или даже отсутствие традиционных демократических институтов.

В начале 30-х годов XX века, когда все развитые страны столкнулись с политическим эхом распространения конвейера – соблазном тоталитаризма, – письма граждан президенту США стали важным инструментом корректировки экономической политики государства. Ф. Д. Рузвельт добился того, что по многим из них направлялись представители президента, которые задним числом изменяли условия коммерческих сделок, чрезмерно ухудшавших положение граждан и создававших при широком применении угрозу неприемлемого обострения социальной ситуации.

Классическим примером стало и получение в начале войны Сталиным письма от безвестного старшего лейтенанта Флерова, в котором тот извещал всесильного и (как подразумевалось пропагандой) всеведущего «отца народов» об исчезновении из мировых научных журналов статей по ядерной физике. Это письмо не просто дошло до адресата – оно было воспринято им и (разумеется, наряду с другими сигналами подобного рода) стало одной из причин развертывания советской ядерной программы.

В самом начале 1991 года одно-единственное письмо (а точнее, способность и желание элиты воспринимать мнения общества) также повлияло на судьбу страны. Мало кто помнит, что Ельцин, будучи хотя и мятежным, но все же первым секретарем обкома, поначалу опасался чуждого ему стихийного забастовочного движения шахтеров.

Перелом произошел, когда в середине января 1991 года на его имя пришло письмо от обычного рабочего. На полутора листках из ученической тетрадки тот очень внятно разъяснял лидеру демократов: все, что нужно шахтерам, – это право продавать по свободным ценам 10 % угля, и они поддержат любого политика, который пообещает им это.

Ельцин воспринял эту идею и, «оседлав» шахтерское движение, превратил его в свой таран против Горбачева.

Сегодня такое развитие событий невозможно. Даже если письмо обычного человека дойдет до окружения лидера, продравшись через сито отдела писем (который докладывает наверх лишь статистику: количество писем и их тематику), руководство, скорее всего, просто не поймет его смысла.

Измененное (относительно господствующего в обществе) сознание элиты заставляет ее и руководимое ею общество вкладывать совершенно разный смысл в одни и те же слова и делать самые различные, порою прямо противоположные выводы из одних и тех же фактов. Современный руководитель информатизированной системы управления просто не воспримет слова обычного человека. Он может повстречаться с ходоками, как Ленин, может даже пойти «в

народ», – но не для того, чтобы что-то понять или прочувствовать самому, а лишь чтобы улучшить свой имидж среди элиты, укрепить популярность в глазах того же народа и поддержать рейтинг – политический аналог рыночной капитализации.

Это достойная, но совершенно недостаточная для всякого разумного и ответственного руководителя цель.

Таким образом, в условиях широкого применения управляющими системами технологий формирования сознания элита и общество, используя одни и те же слова, вкладывают в них разный смысл. Они в прямом смысле слова говорят на разных языках: обладают разными системами ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Они могут дружить, обогащать и поддерживать друг друга, могут вводить друг друга в заблуждение и даже враждовать, но утрачивают способность к главному – к взаимопониманию. Как когда-то писал Дизраэли по несколько иному поводу (о бедных и богатых), в стране в прямом смысле этого слова возникают «две нации».

Эта утрата взаимного понимания (несмотря на усилия значительного слоя социологов, пытающихся перевести мнение общества на доступный элите язык) разрушает демократию. Она подменяется хаотической пропагандой и перманентной информационной войной разной степени интенсивности, которую ведут друг с другом наиболее значимые политико-экономические силы. Мирное время отличается от войны тем, что враги одеты в твою форму.

И общественное сознание – не только цель, но и поле боя.

Разрыв между сознанием общества и элиты усугубляет то, что в информатизированном обществе, то есть обществе, в котором технологии формирования сознания применяются широко, критически значимым влиянием обладает значительно более узкий круг лиц, чем в традиционном доинформационном обществе (хотя сама элита вследствие фрагментации общества и свободы коммуникаций может быть и шире). Это вызвано прежде всего технологическими причинами: одновременной небывалой мобильностью и концентрацией ресурсов. *Классическим примером представляется современный глобальный фондовый рынок: изменение сознания буквально сотни его ключевых игроков (или даже их представителей на бирже) способно коренным образом изменить всю финансовую ситуацию в мире.*

В результате происходит раздробление сознания самой элиты: каждая ее профессиональная часть, естественным образом воспринимая мир прежде всего через призму «профильных» проблем, подвергается своей собственной особой перестройке сознания, что отрывает ее не только от общества в целом, но и от других частей элиты. Дробление элиты делает невозможной даже внутриэлитарную демократию и поддерживает постоянные противоречия не только между элитой и обществом, но и внутри нее самой.

Конечно, эти противоречия можно рассматривать как фактор адаптивности общества, обеспечивающий его гибкость: при возникновении новых проблем недовольные группы элиты могут натравить общество на управляющую систему и, изменив ее, обеспечить приспособление общества к новым реалиям.

Однако такая гибкость обходится, насколько можно понять, неприемлемо дорого, ибо обеспечивается за счет постоянного поддержания (а то и накопления) внутренней напряженности в обществе и в элите по принципу «все против всех». Сохраняющееся непонимание между обществом и фрагментами элиты (в том числе и теми, которые пытаются им манипулировать) делают вероятным последствием любого резкого движения в политической плоскости выход ситуации из-под контроля.

Таким образом, вырождение демократии лишает общество важнейшего «встроенного стабилизатора», примитивизирует его внутреннее устройство и делает его угрожающе нестабильным.

Войны против народов не могут быть публичными

Существенную проблему для демократии в ее современном западном понимании порождает изменение характера войн, которые ведутся уже не столько государствами, сколько сетевыми структурами. Это вызвано меняющимся характером современной глобальной

конкуренции, которая во все большей степени становится межцивилизационной.

Сегодня уже практически не вызывает сомнения, что глобальные монополии, лишившиеся после уничтожения Советского Союза сдерживающей силы в виде биполярного противостояния двух систем, в ходе стихийной и хаотической погони за наживой создали мировой порядок, лишающий уже численно преобладающую и при этом стремительно растущую часть человечества возможности прогресса и потому отличающийся неустойчивостью. Зарождение же и проявление новой глобальной силы, сдерживающей саморазрушающий произвол глобальных монополий, представляется в этих условиях вопросом лишь времени и новых болезненных кризисов.

Весьма интересен с этой точки зрения подход американского политолога Н. Злобина, рассматривающего гражданское общество как основную силу, сдерживающую современное государство и именно за счет этого сдерживания обеспечивающую стабильность общества. Опираясь на ставшие в последние годы традиционными представления о том, что в современном глобализированном мире страны и группы стран занимают роль основных структурных элементов привычного нам общества, – есть страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры, страны-люмпены и так далее, – Н. Злобин высказал кощунственную с точки зрения традиционной внешнеполитической религии Запада, но перспективную с практической точки зрения мысль. С его точки зрения, «международный» (то есть исламистский) терроризм можно рассматривать как стихийное, еще далеко не полностью оформившееся и в силу этого пока еще неизбежно уродливое проявление нарождающегося глобального гражданского общества. Как и в случае традиционного, не наднационального, а внутринационального общественного устройства, это глобальное гражданское общество объективно призвано сдерживать глобальное государство, в роли которого выступают США как персонификация коллективного Запада.

Столкновение с гражданским обществом, пусть даже глобальным, неминуемо приобретает для традиционного государства характер комплексного многоуровневого взаимодействия с сетевыми структурами, в основном самодеятельными, сплетение которых и составляет это гражданское общество. Войны с ним, неизбежные в силу современного состояния развитых стран Запада и неразвитых двух третей человечества, становятся войнами с сетевыми структурами, глубоко интегрированными в общество. Такие войны объективно, по чисто технологическим причинам требуют непубличных, не подлежащих огласке действий – от тайных переговоров до тайных убийств *(предельным выражением последних являлась операция «Феникс», заключавшаяся в массовом уничтожении американцами и обученными ими спецслужбами Южного Вьетнама функционеров партизанского движения; эффективность этой операции оценивалась северовьетнамскими военными исключительно высоко)* .

Понятно, что традиционное демократическое правительство, работающее чуть ли не под телекамеру, не может осуществлять подобные действия просто технологически.

Таким образом, сетевые войны объективно требуют ограничения демократии в виде ее формальных, созданных Западом институтов. Однако не следует забывать, что подобное ограничение возможно лишь при условии высокой идеологизации общества или хотя бы его элиты, так как иначе ограничение демократических инструментов неизбежно ведет к системной коррупции (то есть принятию стратегических решений на основе коррупционной мотивации) и разложению всей системы общественного управления.

Основная проблема заключается в том, что современная западная демократия (за исключением американской и в меньшей степени английской) не терпит идеологизации и последовательно и целенаправленно уничтожает ее, выбивая тем самым почву из-под своих собственных ног!

Проблема концентрации

Помимо информационных технологий, естественными могильщиками современной демократии являются глобальные монополии.

С одной стороны, они обладают колоссальной мощью, в ряде случаев превышающей мощь государств (а в совокупности превышающей мощь любого государства, включая США).

Действуя в глобальном масштабе, они достаточно эффективно диверсифицируют риски (в том числе и юридические) различных типов своих операций, оформляя их в различных местах земного шара, что обеспечивает им не только потрясающую мобильность и экономию на издержках, но и великолепный кругозор.

В отличие от государств, глобальным монополиям почти не приходится тратить средства на выполнение социальных и оборонных обязательств (расходы на содержание своих пенсионеров и наем частных армий для защиты интересов в горячих точках невелики), не говоря уже об обязательствах по развитию тех или иных отсталых территорий и поддержанию инфраструктуры. В силу этого глобальные монополии способны концентрировать в своих руках значительно большие свободные финансовые ресурсы, чем государства, даже если масштабы экономики соответствующих государств превышают масштабы деятельности этих корпораций. А ведь влияние определяется в первую очередь не количеством денег у субъекта влияния в целом, а количеством именно свободных денег, то есть тех, которые можно снять с текущих проектов и быстро переориентировать на решение качественно новых внезапно возникших задач. Соответственно влиятельность глобальных монополий по значимым для них вопросам существенно превышает влиятельность государств, скованных громоздким бюрократическим аппаратом и ограниченных необходимостью тратить огромные ресурсы (как правило, все или почти все имеющиеся) на цели, поставленные в далеком прошлом.

С другой стороны, масштаб собственно коммерческих операций глобальных монополий (даже без учета разнородности этих операций), как правило, существенно превышает порог управляемости. В результате с точки зрения чисто коммерческой и управленческой эффективности они, как правило, серьезно уступают своим меньшим по масштабам конкурентам, в том числе и действующим преимущественно на национальном, а не на глобальном уровне. Чтобы избежать поражения в конкурентной борьбе, которое в конечном счете неминуемо обернется их принудительным разукрупнением, глобальные монополии просто вынуждены опираться не на собственно коммерческую эффективность, а на выгоды, приносимые им исключительным масштабом их деятельности.

Ключевой из этих выгод является возможность злоупотребления монопольным положением, которое из инструмента извлечения сверхприбыли превращается в их случае в условие существования, в инструмент самосохранения (хотя самосохранения, конечно, в исключительно комфортных условиях).

Разумеется, глобальный бизнес злоупотребляет своим монопольным положением практически на всех существующих сегодня рынках, в том числе и на неофициальном, но не исчезающем от этого рынке политических услуг. Это злоупотребление проявляется в организации сильнейшего комплексного давления на политические и административные структуры, медиа, неправительственные организации и общество в целом. В результате глобальные монополии зачастую оказываются наиболее влиятельным фактором политической жизни общества – и демократические институты начинают обеспечивать принятие решений в их интересах, а не в интересах соответствующих народов.

Помимо вырождения демократии в специфическую форму внешнего управления это ведет к параличу управляющей системы, которая не только на глобальном, но и на национальном уровне оказывается лишена возможности принимать решения, ущемляющие интересы глобального бизнеса (лишь в целом интересы отдельных компаний могут приноситься им в жертву достаточно спокойно), что существенно снижает ее дееспособность, а в критических ситуациях и вовсе делает ее бессильной.

Западная демократия и массы

Казалось бы, что проще: демократия, как отмечалось еще в словаре Брокгауза и Ефрона, и есть власть народа!

Но взаимодействие даже самой демократичной власти с этим народом все равно остается крайне разнообразным и во многом определяемым национальной культурой явлением, причем власть оказывается отражением культуры народа.

Хотя многие государства, например Латинской Америки, позаимствовавшие свои

правовые системы (не говоря уже о Конституции) у США, имеют значительно более проработанное и демократичное законодательство, несовершенная практика правоприменения почти никогда не позволяет им даже приблизиться к американскому уровню демократии и защищенности человека.

Однако даже в развитых странах существует по меньшей мере два принципиально различающихся типа отношения власти и народа, а точнее – политика и избирателей.

Избиратели наиболее древней из дожившей до наших дней демократии – английской – стремятся выбирать политиков в соответствии не столько с сиюминутными обстоятельствами, сколько со своими базовыми ценностями и фундаментальными интересами. При этом они неявно делегируют избранным политикам право самим принимать решения от имени избирателей по частным или требующим специальных знаний вопросам, тем самым признавая (возможно, просто в силу традиции, не отдавая себе в этом отчета) их сравнительно большую компетентность, образованность и житейскую мудрость.

Английская школа демократии прямо восходит к Периклу, о котором даже изгнанный им из Афин его политический противник Фукидид писал: «Не столько масса руководила им, сколько он – массой, потому что он приобрел власть, не прибегая к недостойным средствам, и не имел вследствие этого нужды льстить толпе, но, пользуясь уважением, мог и резко противоречить ей».

В силу сложившейся за последние века демократической традиции английский политик вне зависимости от того, понимает он эту свою функцию или нет, поневоле является для общества своего рода учителем, ментором, впередсмотрящим. Занятое же своими повседневными делами общество с охотой отдает ему связанные с этим функции (и неразрывно связанные с ними риски совершить болезненную ошибку).

Совершенно иная модель функционирования демократии сложилась в США, где политик является, по сути дела, рабом избирателей и вынужден слепо следовать их воле. Последние же в силу определенной провинциальности сознания отнюдь не готовы признавать свою некомпетентность в чем бы то ни было и с большой неохотой и подозрительностью делегируют политику полномочия решать по своему усмотрению даже узкоспециальные вопросы, требующие профессиональных знаний.

Воля избирателей при этом, как обычно, выражается непосредственно – на выборах, но политик, чтобы не попасть впросак, вынужден постоянно сверяться с ней, уточняя ее при помощи разнообразных социологических опросов, совокупность которых превращается для него в незаменимую маршрутную карту.

Однако подчиненность политика избирателям и диктат последних не только не решает, но прямо напротив – лишь обостряет вопрос о системе управления, о том, кто же на самом деле готовит принимаемые политиками решения. Аристократическая демократия Великобритании здесь явно не работает – кто же в таком случае определяет мнения масс, диктующих своим политикам?

Ответ лежит на поверхности: масс-медиа, средства массовой информации.

Принципиальным отличием американской демократии от английской является более позднее складывание – в условиях, когда общественное мнение формировалось не хаотическим воздействием множества достаточно случайных факторов (вплоть до отдельных памфлетов), но уже в основном на регулярной основе – газетами. Это во многом предопределило ее более технологичный и прагматичный характер.

Избиратель в американской системе в свое удовольствие крутит и вертит политиком, в полной мере наслаждаясь (если он испытывает такую потребность) чувством непосредственной причастности к прямой демократии, к государственному управлению. Это обеспечивает его довольство, добросовестность и лояльность по отношению к политической системе во многом потому, что он как индивидуум просто технологически не в состоянии осознать степень, в которой его личная позиция, которую он с таким удовлетворением предъявляет политикам, сформирована средствами массовой информации, которые, в свою очередь, не просто контролируются крупным бизнесом, но и являются его неотъемлемой частью.

Конечно, бизнес влияет и на политиков тоже, но это влияние носит локальный, тактический, индивидуализированный характер. Влияя же на редакционную политику медиа,

крупный бизнес (как напрямую, так и через предоставление или непредоставление рекламы) определяет сам набор управляющих сигналов, предъявляемых населением политикам и далее поступающих в систему управления обществом.

Эта схема вполне отвечает характеру американской цивилизации, созданной бизнесом и для бизнеса, в котором обычный отдельно взятый человек является не более чем необходимым для обеспечения успешного функционирования корпораций средством.

Такая приниженная с точки зрения наследующей Возрождению европейской цивилизации роль человека проявляется самым разнообразным образом, сплошь и рядом в мелочах. Например, в том, что цены в магазинах пишутся так, как удобно бухгалтеру, без учета налогов, и никого по большому счету не волнует удобство покупателей, вынужденных либо самостоятельно рассчитывать их и добавлять к объявленной цене, либо слепо доверять продавцу (порой просто не умеющему считать).

Американский менеджмент, в отличие от, например, европейского, жестко и вполне откровенно ориентирован на то, что предотвращение незначительной по своим масштабам ошибки стоит дороже, чем исправление ее последствий. Соответственно, предупреждать ошибки нерентабельно, – и системы управления вполне последовательно, а часто и сознательно закрывают на возможные незначительные ошибки глаза, одновременно с этим создавая довольно эффективные структуры для исправления их последствий. Да, для потребителя соответствующих услуг, в первую очередь для населения, это оборачивается чередой довольно серьезных (по сравнению с Европой, по крайней мере) и часто неожиданных неприятностей, но американское общество действительно создано для бизнеса, а не для потребителя.

Наконец, само сердце США – Манхэттен – совершенно внятно демонстрирует и своей архитектурой, и своим устройством бескомпромиссное и не подлежащее никакой корректировке отношение к человеку как к винтику больших и серьезных социальных машин. Да, винтик должен медленно изнашиваться и, в частности, быть доволен жизнью: отсюда комфорт, оазисы парков (от Центрального парка до совсем крошечных и неизменно уютных сквериков), музеи, благоустройство, борьба с преступностью (сниженной в Нью-Йорке вдвое только за нулевые годы) и интенсивная культурная жизнь. Но для того чтобы понять реальное место человека в ориентированном на интересы бизнеса и обслуживающем их обществе, в городе небоскребов ему достаточно просто посмотреть вверх.

Разумеется, на практике различие между английской и американской моделями демократии скрыто, поскольку поведение во многом диктуется обстановкой, различные фундаментальные мотивации, проявляясь в общих условиях и общих системах текущих интересов, оборачиваются весьма похожими действиями. Поэтому в политике крайности сходятся, отнюдь не переставая при этом оставаться крайностями на уровне внутренних механизмов функционирования и обычаев.

Как нейтрализовать власть безответственных?

Поскольку в институциональной западной демократии избиратель является субъектом и источником власти лишь формально (на деле общество все равно в решающей степени контролируется крупными капиталами – сначала национальными, а теперь уже и глобальными), ответственность избирателя вполне закономерно снижается вместе с его реальной влиятельностью.

Древние греки понимали под народом, которому демократия обеспечивала власть, обладающую имуществом, ответственную и в силу этого вооруженную часть общества. Неспособные защищать его по тем или иным причинам в качестве полноценных граждан не рассматривались и соответственно полнотой прав не обладали.

Борьба за всеобщее избирательное право смогла привести к полному успеху лишь благодаря качественной девальвации этого права: крупный капитал, развиваясь и укрепляясь, взял на себя функции непрямого контроля за массами избирателей.

В современном обществе, когда влияние избирателя на его судьбу оказывается сведенным иногда до нуля (разумеется, с безупречным соблюдением всех демократических

формальностей), практическое, управленческое значение избирательного статуса становится исчезающе низким. Из ответственности он превращается в привилегию – и немедленно расползается по всем без исключения категориям населения (кроме совсем уж не имеющих отношения к соответствующей стране).

В результате этого, если обратиться к Аристотелю, сегодня под демократией понимается то, что он называл отнюдь не случайно забытым термином «охлократия» – власть заведомо безответственной толпы, подверженной страстям (правда, не всегда низменным) и не отягощенной пониманием чего бы то ни было.

Разумеется, толпа по самой своей природе не может быть хозяином собственной судьбы.

Непосредственным инструментом управления ею являются электронные СМИ, эффективность которых в деле формирования человеческого сознания (благодаря комплексности воздействия и возможности непосредственной передачи и закрепления не только эмоций, но даже и ощущений) на порядок выше, чем у всех остальных, включая печатные. В этом отношении современная западная демократия (вместо «охлократия» мы будем все же придерживаться общеупотребительного термина) прямо наследует американской, но отнюдь не английской.

Принципиально важно, что технологии современной мобильности и организации дополнили управление эмоциями управлением общественными структурами, окончательно сформировав принцип единого управления как массовым, так и индивидуальным поведением. Строго говоря, это весьма существенно, на уровне технологии общественного управления ограничило возможности проявления и даже простого осознания личной свободы, по крайней мере, для тех не слишком широких слоев общества, кто обладал ею в индустриальном мире и на ранних этапах глобализации (и особенно кто обладал ею осознанно).

Наиболее влиятельным ядром СМИ являются глобальные электронные медиа: местные и национальные, как правило, лишь ретранслируют их послания, не имея (за редчайшими исключениями) возможности действенно противостоять им и в этом отношении, мало отличаясь от формально управляемых ими народов.

Сутью управляющих посланий, транслируемых глобальными электронными СМИ, то есть непосредственным механизмом управления массами (как и в целом управления в эпоху доминирования технологий формирования сознания), является определение повестки дня и норм поведения, включая нормы действующей морали. Грубо говоря, стержень управления в современных условиях – определение границ заслуживающих урегулирования проблем и расстановка приоритетов этого урегулирования, а также ограничение допустимых при этом методов.

Разумеется, для эффективного управления отбор управляющих сигналов должен быть весьма скрупулезным, и никто лучше самих журналистов не справится с решением этой сложной задачи. Именно в этом заключался принципиальный, неисправимый порок внешней цензуры, приведший с ростом влияния СМИ к ее дискредитации и уничтожению. С точки зрения управления (в том числе глобального управления) гораздо более рациональным, чем использование внешних цензоров, оказалось доверить функции цензуры самим журналистам, заменив ее, по сути дела, самоцензурой. Чеканная формула современных СМИ – и один из наиболее охраняемых секретов современной институциональной демократии – гласит: «У нас нет цензуры, у нас есть редакционная политика. Потому что она более эффективна».

Однако глобальные СМИ, при всей их фантасмагорической мощи, способной трансформировать рынки, государственные границы и представления о морали с одинаковой легкостью, при их неуязвимости, вызванной возможностью выбирать различные юрисдикции для совершения различных операций, – не более чем инструменты современного управления.

Кто же держит эти инструменты в руках?

В целом ряде случаев мы видим в поведении медиа – в том числе кичащихся своей независимостью и непредвзятостью – проявление воли правительств или глобальных корпораций. Оказываясь в сложном положении, участники глобальной конкуренции (которая ведется отнюдь не только на рыночном или политическом поле, но в первую очередь в сфере повестки дня) хватаются за глобальные СМИ как орудие, обеспечивающее решение практически любых проблем. Вполне возможно, что «последним доводом королей», как и в

Средние века, остается артиллерия, однако уже после появления массовых ежедневных газет она мало что стоит без предварительной информационной подготовки, ставшей их первым доводом.

Это признается вполне официально. Так, военная доктрина США еще в середине 90-х годов вполне справедливо предусматривала необходимость завоевания информационного пространства как первого и совершенно необходимого этапа ведения военных действий. Лишь после публичной и, что исключительно важно, необратимой дискредитации объекта агрессии по нему можно начинать наносить собственно военные удары.

Однако медиа используются правительствами и корпорациями в качестве дубинки или артподготовки лишь в случаях серьезных и в той или иной степени неожиданных конфликтов. Конечно, для пропаганды и формирования благоприятного имиджа они используются постоянно, но как уже готовые, сложившиеся инструменты с определенным типом сознания.

Изменение сознания, настроения и повестки дня самих медиа осуществляется государственными властями и корпорациями достаточно редко – в чрезвычайных обстоятельствах. Между тем для понимания природы управления важны не экстраординарные ситуации, требующие особых усилий, а обычное, повседневное, штатное течение событий, когда дела идут своим чередом.

Кто же формирует повестку дня и моральные ограничения для глобальных медиа в обычных, некризисных ситуациях, которые легко забываются, но при этом образуют жизнь? Кто на самом деле определяет нормы поведения СМИ?

Железная пята NGO [2]

Ответ может оказаться неожиданным, но он лежит на поверхности: неправительственные организации. Именно эти структуры, официально бескорыстные, не подчиняющиеся диктату ни государственных, ни корпоративных властей, свободные от собственных интересов и преследующие благо всего человечества (либо, в крайнем случае, его нуждающихся в помощи частей), оказывают на сознание и настроение СМИ решающее воздействие.

Их бескорыстие является пропагандистским оружием, от которого нет защиты, и медиа радостно подчиняются давлению бескорыстия, тем самым превращая его в лучший бизнес.

Будем верить, что большинство неправительственных организаций находит в себе моральные силы остаться бескорыстными и после этого.

Но кто же определяет сравнительную силу и мощь неправительственных организаций? Ведь именно от нее зависит в конце концов то, какое из их требований будет признаваться СМИ более важным – защита прав женщин в исламских странах или пингвинов в Антарктиде, борьба против обрезания девочек, распространения ядерного оружия или противопехотных мин.

Конечно, эффективность во многом зависит от менеджмента. Учебники – и даже жизнь – пестрят сообщениями о невероятных успехах, достигнутых в самых неблагоприятных условиях благодаря исключительному по качеству менеджменту.

Несмотря на популярность (и, безусловно, правдивость) подобных историй, ключевые слова в них – «благодаря исключительному».

Гениальных менеджеров не много, и они далеко не всегда остаются в некоммерческом секторе с его отсутствием миллионных бонусов и иных проявлений корпоративной роскоши. В обычном среднем случае качество некоммерческого менеджмента примерно соответствует общему среднему уровню или даже несколько ниже его – и эффективность определяется деньгами.

Много раз мы видели, как благодаря важности проблемы, трогательной интонации или просто удачному моменту неправительственным структурам удавалось собирать огромные средства на свою деятельность. Однако в целом подобные случаи являются все же исключениями из правил.

[2] С англ. non-government organization – неправительственная организация.

И потому в обычном, массовом, среднем случае финансирование некоммерческого сектора осуществляется крупными спонсорами – корпорациями, государствами и благотворительными фондами.

Брать деньги у первых двух не всегда удобно; пресловутый конфликт интересов может возникнуть, в том числе и внезапно, в самый неподходящий момент и нанести тяжелый ущерб даже незапятнанной репутации. *(Так, исключительно авторитетная в России Международная конфедерация обществ потребителей (КонфОП) через некоторое время после прекращения финансовой поддержки со стороны табачных корпораций приняла довольно существенные средства от борющегося с курением Фонда Блумберга – ситуация понятная, но далеко не у всех вызывающая только сочувствие* [3]*.)*

Поэтому ключевым спонсором неправительственных организаций являются крупные благотворительные фонды, получающие значительные пожертвования и направляющие их непосредственно действующим неправительственным структурам. Последние являются, таким образом, исполнителями воли крупных благотворительных фондов, которые управляют ими при помощи политики финансирования.

А вот уже эти фонды, как правило, финансируются глобальными корпорациями. Конечно, свой вклад вносят и обычные компании национального уровня, и некоторые наиболее обеспеченные государства, но критически значимые средства, – а значит, и решающее слово, – принадлежат глобальным корпорациям.

Именно они, таким образом, в конечном счете правят современным миром – при помощи безупречно демократичных с формальной точки зрения институтов.

Если традиционная рыночная демократия за счет населения отдает непропорционально значительное влияние крупному национальному бизнесу, то глобализация кардинально усугубляет проблему: она не просто отдает бизнесу намного больше власти, но и делает его глобальным, а не национальным.

Таким образом, глобальный бизнес через неправительственные организации и глобальные электронные СМИ с полным соблюдением всех демократических формальностей руководит национальными государствами в собственных интересах, часто будучи даже никак не связанным с соответствующими обществами (не говоря уже об ответственности перед ними).

Это не кризис демократии – о нем лучшие умы Запада писали еще в середине 70-х годов прошлого века.

Это ее конец, ее перерождение в свою противоположность.

Изучение, с одной стороны, глубинных причин того, что демократия обернулась своей противоположностью, а с другой – последствий этого для человеческого общества и места России в разворачивающемся постдемократическом переломе представляется исключительно важным.

Чтобы жить осознанно, надо понимать, что и почему происходит, к чему это ведет и какое место из возможных надо попытаться занять в будущем – как самому, так и всей страной.

Политкорректность – асфальтовый каток унификации

Превращение традиционной формальной, институциональной демократии в простой передаточный ремень глобального бизнеса имеет несколько фундаментальных последствий.

Прежде всего в результате этой трансформации традиционная западная демократия, не меняя свои формы, рамки и институты, утрачивает возможность учитывать интересы и мнения народа хотя бы в минимальной для нормального функционирования общества степени. В частности, как мы видим в ходе глобального экономического кризиса, она впадает как минимум в управленческую импотенцию – утрачивает способность принятия масштабных, стратегических решений, так как в современных условиях они в массе своей объективно требуют ущемления интересов глобального бизнеса.

---

[3] «Индустрия борьбы с табаком: субъекты, технологии, каналы влияния». Доклад. Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти. Научный руководитель П. А. Толстых. М., 2011.

Терпит крах партийная система, ибо все партии, какими бы полярными ни были их позиции поколение назад, увязают, как мухи, в клею пресловутой политкорректности, являющейся всего лишь новой, моральной формой выражения политических интересов и бытовых настроений глобального бизнеса. Однородность интересов глобального бизнеса, создавшего качественно новый субъект исторического действия – глобальный управляющий класс, предопределяет однородность требований, предъявляемых им ко всем «легальным», то есть допускаемым демократическими процедурами и нормами на арену национальной политики, политическим деятелям.

И поскольку прежние демократические институты в качественно новых условиях глобализации предоставляют преобладающую возможность политического самовыражения лишь одной глобальной группе интересов, на уровне национальной политики самые разные организационно-пропагандистские структуры если и не выражают одну и ту же позицию, то во всяком случае оказываются вынужденными действовать в исключительно узком коридоре возможностей. В результате разница между ними становится совершенно несущественной с точки зрения обычного избирателя.

Таким образом, старые демократические институты в новых условиях, по сути дела, убивают содержательную демократию, так как лишают избирателя выбора, предоставляют ему лишь слабо различимые оттенки одних и тех же интересов – интересов глобального бизнеса, которые часто прямо противоречат его собственным интересам. Последние же часто не допускаются не только до политического представления, но и до массового осознания – в силу своего противоречия нормам «политкорректности и толерантности».

Эта однородность политической системы, разные элементы которой представляют интересы одного и того же субъекта и потому трудноразличимы не только в одном обществе, но и в различных обществах, является основой современного кризиса партийной системы.

Конечно, кризис традиционных партий вызван и тем, что их громоздкая организационная структура просто не соответствует гибкому и мобильному характеру современной коммуникации. Если в конце XIX – первой половине XX века массовые политические партии обеспечивали своим рядовым членам даже не досуг, а значительную часть всей среды обитания и всей личной коммуникации, сейчас эту функцию выполняют медиа и информационные технологии. В результате организационная структура и постоянное членство оказываются просто ненужным обременением политически активных граждан, которые вспоминают о партиях, как правило, лишь во время выборов.

Но доминирование интересов глобальных монополий делает контрпродуктивным для современной демократии и это редкое воспоминание. Оказывается, что намерения и действия различных партий различаются лишь по второстепенным, малозначимым для повседневной жизни и насущных интересов избирателя вопросам.

Политическое доминирование интересов глобального капитала, обеспечиваемое институтами традиционной демократии, естественным образом порождает в обществе протест, организующийся по старинке в виде «националистических», а по сути дела патриотических партий. Эти партии опираются на локальный (как национальный, так и региональный) капитал, подавляемый глобальным, а также на расширяющиеся слои населения, погружаемые в нищету из-за роста его активности и подавления конкуренции на национальном и местном уровне.

Однако они обладают заведомо меньшим финансовым ресурсом, терпят идеологическое поражение из-за отсутствия доступа к наиболее эффективным – глобальным – пропагандистским инструментам и потому противоречат наиболее распространенным в обществе системам ценностей (продиктованным при помощи этих инструментов).

Не будучи в состоянии противостоять глобальному бизнесу, представители патриотической идеологии, как правило, оказываются беспомощными и перед обширными в развитых странах группами людей, не связанных с производством и непосредственно зависящих от государственного финансирования. Это бюджетный сектор в широком смысле слова – от госслужащих и полиции до живущих на социальные пособия потомственных бездельников, которые всецело проникаются доминирующей идеологией, поддерживаемой государством всеобщего благосостояния.

В результате патриотические группы оказываются между молотом и наковальней:

противостоя глобальному бизнесу, они получают удар в спину со стороны госслужащих и люмпенов всех мастей, являющихся его удаленной периферией.

Надежность социального контроля в современных развитых обществах привела к почти повсеместному забвению практического смысла демократии.

Как Европа объединялась не для повышения качества жизни, а для ее простого сохранения, чтобы застраховать себя от повторения двух чудовищных мировых войн, так и демократия в процессе своего сознательного создания служит, насколько можно судить, не столько повышению эффективности власти, сколько физическому выживанию ее носителей. Ведь именно она впервые создала надежный механизм замены утративших эффективность властителей без их убийства, лишения свободы или изгнания и ограбления.

Выражением ее современного кризиса стали «цветные революции» – специфические государственные перевороты при внешней поддержке, в ходе которых воля манипулируемой и образующей абсолютное меньшинство массы в соответствии со стандартными демократическими стереотипами становится высшим приоритетом, а всякая законность отметается как мешающая торжеству этой воли.

Степень глубины беззакония зависит при этом от общественной культуры: от простого пересчета голосов до массового террора и широких убийств по этническому принципу (как, например, в Ливии), поддерживаемых «мировым сообществом».

В «цветных революциях» демократические стереотипы, доведенные до абсурда, начинают отрицать сами себя.

Но, разумеется, ограничение демократии осуществляется и менее яркими и привлекающими внимание способами, причем практически повсеместно. В частности, бюрократия жестко ограничивает возможности общества по реальной и значимой, а не косметической корректировке осуществляемой ею политики, а распространяющиеся технологии позволяют все более жестко контролировать и даже ограничивать активность как индивида, так и групп людей.

Строго говоря, в определенном смысле ограничение демократии в ее традиционном смысле объективно необходимо для продолжения технологического прогресса. Ведь подавляющее большинство людей, предпочитая текущее потребление отложенному, в силу этого при демократическом методе принятия решений будет блокировать всякие попытки инвестиций в неизведанное, то есть в создание новых технологических принципов.

В прошлом двигателем технического прогресса была угроза уничтожения в войне; с исчезновением глобальной военной угрозы торможение процесса создания новых технологических принципов стало пугающе глобальным. Возможно, именно поэтому наиболее передовое в социальном отношении современное общество – американское – сопрягло в начале этого века усилия по технологическому развитию с совершенно явными (хотя и имеющими формальное обоснование в виде террористических актов) ограничениями формальной демократии.

Глава 2. Чего мы не знаем

Не только мировая экономика, но и все современное человечество находится в состоянии глубочайшего кризиса – перехода в некое качественно новое состояние, которое в настоящее время все еще не поддается сколь-нибудь убедительному и обоснованному прогнозу.

Хочется верить, что это новое состояние будет равновесным, относительно стабильным и в целом комфортным для преобладающей части человечества, однако опыт последней четверти века заставляет заподозрить коренное изменение самого понятия «стабильность», сводящееся на практике лишь к неизменному постоянству все более разнообразных изменений.

Самый очевидный, самый наглядный (хотя отнюдь не единственный и в конечном итоге необязательно главный) фактор, наиболее глубоко и комплексно преобразующий нашу жизнь, заключается в смене технологического базиса современного человеческого общества. На наших глазах происходит глубокий, всеобъемлющий переход от индустриальных технологий к постиндустриальным (данный термин весьма наглядно выражает, в частности, как мало мы о

них знаем): на первом этапе к информационным и их продолжению, социальным технологиям, а затем, возможно, и биологическим, решительно преобразующим природу, в том числе и самого человека.

При этом, помимо широко популяризуемых и ставших благодаря этому уже традиционными новых технологий (сланцевые и 3D-печать), в соответствии с прогнозами ИПРОГа еще конца 90-х годов бурно развиваются принципиально отличающиеся от обычных технологий классы метатехнологий (использование которых лишает возможности конкурировать с их разработчиком) и технологий high-hume (нацеленных по самой своей природе на изменение человека, а не окружающей среды), социальное воздействие которых по меньшей мере нетривиально.

В результате драматически и часто непредсказуемо меняются даже те фундаментальные параметры общества и действующей в нем личности, которые многие исследователи привыкли считать объективно обусловленными константами.

Принципиально важно, что меняется не только характер действия и соотношение значимости различных факторов – меняются сами эти факторы (причем на всех уровнях общественной жизни – от семьи до надгосударственной конкуренции), вследствие чего во многом трансформируется и облик человечества.

Несмотря на высочайшую степень неопределенности, многие параметры нашего неумолимо приближающегося и стремительно наступающего будущего становятся понятными уже в настоящее время и потому нуждаются в скорейшем объединении в единую целостную систему. Эта грандиозная задача представляется главным, что предстоит сделать общественным наукам (в той, конечно, степени, в которой они действительно являются науками) в ближайшие годы.

Наиболее очевидные изменения и новые закономерности описаны в предыдущей главе, однако зона нашего понимания неминуемо будет расширяться по мере дальнейшей трансформации человечества и по мере наших интеллектуальных усилий. Соответственно, мы будем понимать все больше и больше; для более эффективной и успешной работы представляется необходимым определить и хотя бы бегло описать наиболее важные, узловые зоны неопределенности, на которых следует уже сейчас сконцентрировать будущие исследования. Выявление и четкая фиксация таких зон позволят уже сейчас сформулировать вопросы, ответы на которые будут иметь наибольшее как теоретическое (для познания наиболее вероятного будущего), так и практическое (для подготовки к нему и его корректировки) значение с точки зрения успешного развития как человечества в целом, так и отдельных его частей.

Насколько можно судить, правильная, соответствующая реальному проблемному полю постановка этих вопросов автоматически (просто в силу самого их проявления) становится и планом наиболее перспективных исследований в сфере общественных наук, по крайней мере на их первом, начинающемся в настоящее время этапе.

2.1. Наступит ли новое Средневековье и сохранятся ли сложные технологии?

Самым важным парадоксом информационных технологий представляется в настоящее время то, что мир на глазах становится менее познаваемым (что выражается в том числе в почти всеобщем восторге от теории «черного лебедя», являющейся не более чем художественным признанием этого). Познаваемость мира снижается прежде всего из-за нарастания огромного и продолжающего неумолимо расширяться массива обратных связей, заслоняющих собой предмет рассмотрения, а также превращения в основное занятие человечества изменения не окружающего мира, а собственного сознания.

Снижение познаваемости мира представляется в настоящее время ключевым выражением архаизации человечества, грозным признаком завершения пережитого человеческой цивилизацией (хотя и очень протяженного) линейного участка спирали общественного прогресса. В самом деле, технологический прогресс сам по себе еще в целом продолжается, но уже ведет к регрессу, а не к прогрессу в важнейшей для большинства людей социальной сфере.

Даже не полномасштабное осознание, а всего лишь неосмысленное ощущение этого кардинального изменения привычного нам мира с неизбежностью ведет к соответствующему разрушению всей привычной нам и кажущейся единственно верной и рациональной прогрессистской в своей основе системы мировоззрения.

К чему мы придем, какие социальные рефлексы пробудим столь глубоким изменением перспектив нашего развития, длительным исчезновением привычных перспектив «светлого будущего», искривлением привычного линейного исторического времени, а то и полным сворачиванием его в диалектическую спираль, раньше применявшуюся только к «проклятому и навсегда изжитому» прошлому, в настоящее время остается совершенно непонятным. При этом смутно предощущаемые перспективы таковы, что никакого желания совершать необходимые интеллектуальные и организационные усилия для выявления пока скрытого от нас «дивного нового мира» неумолимо наступающего будущего в современном мире не наблюдается.

Между тем становится все более понятным и очевидным тот факт, что наглядное снижение познаваемости мира (равно как и изменение предмета труда человечества, уже не требующее максимума знаний о максимуме явлений) неизбежно снижает как социальную значимость знания, так и, соответственно, потребность в этом знании. Естественным и, как ни прискорбно, вполне закономерным следствием этого представляется до сих пор считаемое многими случайным, временным и легко устранимым отклонением катастрофическое вырождение науки в поддержание престижного для общества социального уклада. Соответственно, образование столь же неизбежно вырождается из средства подготовки для науки необходимых человеческих ресурсов в средневековый по своей сути и общественной функции инструмент обеспечения действенного социального контроля. *Поэтому, к сожалению, Болонский процесс, ограничивающий доступ к высшему образованию и отбивающий расширением системы тестов у людей способность к мышлению как к таковому является, как это ни прискорбно, не случайностью и даже не реализацией эгоистичных корпоративных интересов сферы образования, а объективной закономерностью, с неизбежностью реализуемой в масштабах всего современного человечества.*

В этой ситуации остается пугающе открытым вопрос даже не только о приращении новых, сколько о способности нашей цивилизации сохранить уже имеющуюся совокупность добытых человечеством знаний и наработанных им умений. Ведь в силу самой своей природы знание в принципе не может сколь-нибудь долго оставаться тайным: не будучи открытым для широких слоев интересующихся людей, постоянно ставящих его под сомнение, постоянно проверяющих и в итоге обновляющих и совершенствующих его, оно неминуемо умирает. Сделанное достоянием относительно узкого круга избранных, знание совершенно неизбежно вырождается из неустанного и самоотверженного поиска сияющей истины в заскорузлые ритуалы и суеверия, все более полно и последовательно отрицающие меняющуюся реальность. В силу изложенного узкие научные школы и обособленные учебные заведения, сохраняемые глобальной элитой в наивной надежде на длительное воспроизводство своего могущества, из-за самой своей изолированности обречены на гибель и вырождение точно так же, как многочисленные и разнообразные жреческие касты прошлого.

Наглядным проявлением остроты проблемы сохранения уже накопленного человечеством массива знаний и умений представляется отчаянная нехватка квалифицированных инженеров, переживаемая даже самыми развитыми странами. Это касается отнюдь не только США, в целом переориентировавшихся с производственных на социальные, информационные и финансовые технологии, но и Германии, притом что в ней профессия инженера традиционно была окружена исключительным общественным уважением.

Для мира само появление указанной проблемы означает вполне реальную угрозу технологической деградации и масштабных техногенных катастроф, способных (в случае утраты существенной части технологий жизнеобеспечения) привести даже к заметному сокращению численности населения нашей планеты.

Еще более существенную угрозу техногенных катастроф создаст и представляющееся сейчас практически неизбежным разделение глобального рынка на макрорегионы. Насколько можно судить, в ходе этого разделения многие возникающие макрорегионы (особенно с учетом естественного в условиях срыва в депрессию падения уровня жизни и в целом сжатия спроса)

не будут обладать рынком достаточной емкости, позволяющим поддерживать многие из существующих сегодня и привычных нам технологий. Среди таких технологий, которые не смогут находить для своей продукции необходимого для их поддержания рыночного спроса, вполне могут оказаться и критически значимые технологии жизнеобеспечения.

Например, многие постоянно обновляющиеся (в силу привыкания к ним болезнетворных вирусов и бактерий) современные антибиотики исключительно дороги и требуют для своего производства масштабных рынков. Сокращение последних может сделать соответствующие производства и, главное, исследования попросту нерентабельными. Результатом этого может стать прекращение процесса исследований и, соответственно, создания новых антибиотиков (нельзя исключить того, что старые лекарства для поддержания рыночного спроса будут выпускаться под новыми наименованиями, но эта иллюзия подействует лишь на потребителей, а не на возбудителей болезней). В результате через некоторое время, за которое возбудители различных заболеваний адаптируются к лекарствам прежних поколений, человечество вновь начнет страдать многими недугами, на которые оно за последние десятилетия относительно комфортного и безопасного существования привыкло не обращать внимания. При этом значительная часть этих недугов легко может оказаться (или со временем стать) смертельной.

Понятно, что систематическое злоупотребление монопольным положением, совершенно естественное для глобальных фармацевтических (и далеко не только их) гигантов, существенно осложнит и усугубит ситуацию. Аналогичный эффект будут иметь и весьма вероятные сознательные действия глобальных монополий, являющихся частью глобального управляющего класса, по закреплению и углублению своего господства в новых условиях не только финансовыми, информационными и политическими методами, но и прямой угрозой прекращения поставок жизненно важных технологий и их продукции.

Сокращение размеров отдельных рынков в сочетании со вполне вероятной в условиях общей дестабилизации активной разрушительной деятельностью глобальных монополий, направленной на демонстративное уничтожение не подчиняющихся им и пытающихся освободиться от их контроля потребителей, создает дополнительные и притом, насколько можно судить, колоссальные, трудно представимые в настоящее время технологические риски.

Весьма вероятно, что часть макрорегионов будет попросту разрушена из-за краха совершенно необходимых технологий жизнеобеспечения; с другой стороны, часть глобальных монополий, скорее всего, сохранит и даже усилит свой контроль за несколькими макрорегионами.

Вместе с тем представляется вероятным бурное распространение и усиленное совершенствование дешевых, простых и общедоступных технологий, длительное время блокируемое глобальным бизнесом и государственными бюрократиями. В силу своей сверхпроизводительности эти технологии получили название закрывающих, так как их применение приведет к закрытию колоссального числа традиционных предприятий с ликвидацией соответствующих рабочих мест и к практически полному краху современных монополий, в том числе и глобальных.

Понятно, что отнюдь не все сложные технологии в принципе могут быть заменены закрывающими и далеко не у всех макрорегионов получится организовать широкое применение даже существующих в настоящее время закрывающих технологий. Поэтому другим важным способом сохранения технологий жизнеобеспечения в условиях, когда рыночная емкость соответствующего макрорегиона окажется недостаточной для их поддержания, станет, насколько можно судить, частичный отказ от рыночных отношений как таковых и переход на распределительные принципы использования указанных технологий и их продукции внутри макрорегиона.

Излишне говорить, что сегодня совершенно неясно ни то, какие макрорегионы и в какой степени пострадают от распада и сжатия рынков и усиления диктата монополий, ни то, как они будут комбинировать три наиболее вероятных типа возможных реакций, описанных выше, ни то, каковы вообще будут очертания будущих макрорегионов.

Не стоит забывать, что различные глобальные рынки, насколько можно предположить в настоящее время, будут распадаться не только на основе разных закономерностей и принципов,

но и на разные по своим географическим границам макрорегионы. В результате этого некоторые формально (а возможно, и на самом деле) существующие государства своими разными рынками продукции и технологий, вполне возможно, будут входить в разные и даже жестко противостоящие друг другу (не говоря об обычной конкурентной борьбе) макрорегионы, что придаст ситуации дополнительный уровень неопределенности и сложности, чтобы не сказать запутанности.

2.2. Сможет ли человечество ответить на гамму разнообразных технологических вызовов?

Одной из наиболее интересных и при этом острых проблем современности представляется будущее технологического развития как такового.

Примерно на рубеже 60-х и 70-х годов XX века человечество перенесло центр тяжести своих интеллектуальных усилий и финансовых вложений в науку с технологий изменения окружающего мира на технологии управления самим собой. *Нечто подобное, хотя и в существенно меньших масштабах (своего рода генеральная репетиция), наблюдалось в конце XIX века. Однако высшие достижения тогдашней психологии, насколько можно судить, были взяты в 30-е годы XX века под контроль различными авторитарными режимами или авторитарными группами (в формально демократических странах) и, выродившись в «тайное знание», погибли или законсервировались.*

Непосредственным выражением этого были, правда, уже не психология и евгеника, но разработка все более разнообразных компьютерных технологий, а также технологий управления массовым и индивидуальным поведением (через управление в процессе работы и развлечений, а также маркетинг).

К настоящему времени выдающиеся технологические наработки, поражающие воображение и получающие широкое практическое применение, проявляются лишь в этих последних сферах, однако и здесь они являются результатом коммерциолизации открытых во время холодной войны технологических принципов.

Открытие же самих этих принципов, насколько можно судить, с завершением холодной войны практически полностью прекратилось.

Главной причиной этого представляется принципиально нерыночный в силу самой их природы характер прорывных исследований: высочайшая неопределенность результата позволяет инвестировать в них значимые средства лишь под угрозой непосредственного физического уничтожения. Завершение холодной войны, ликвидировав данную угрозу, лишило эту нерыночную деятельность единственного действенного стимула.

Не менее важным фактором блокирования открытия принципиально новых технологических принципов является распространение и углубление демократии. Ведь люди склонны отказываться от неопределенного, даже сколько угодно светлого будущего в пользу текущего потребления. Влияя на принятие решений, они, как правило, не позволяют осуществлять масштабное финансирование исследований с не определенным заранее результатом.

Наконец, глобальные монополии, скорее всего, если и не сознают, то в полной мере ощущают тот самоочевидный факт, что технологический прогресс объективно является прямой угрозой их власти и благополучию, и тормозят его, в частности, при помощи института защиты прав интеллектуальной собственности.

В результате технологический прогресс в своем ядре – открытии качественно новых технологических принципов – очевидным образом тормозится, а с учетом фактической ликвидации массовых науки и образования, к которым постепенно идет дело, может и вовсе смениться почти повсеместной технологической деградацией.

Принципиально важно, что этот апокалиптический и вроде бы вполне логичный вывод в настоящее время не подтверждается фактом распространения заметного числа новых технологий, уже преобразующих мир. После долгого перерыва (строго говоря, с завершения холодной войны) в десятые годы они впервые распространились далеко за пределы компьютерной и информационной сферы.

Прежде всего мы видим стремительно расширяющуюся, уже ставшую практически повсеместной интеграцию компьютерных технологий с индустриальными. Такая интеграция качественно повышает эффективность последних даже без их принципиальных изменений. *(Так, еще в далеком 1995 году российский «ЛУКОЙЛ» выдвинул концепцию интеллектуальной скважины, реализация которой принесла весьма впечатляющие результаты.)*

Мало кто заметил, что первыми результатами этого процесса стали мобильная связь во всей своей комфортной многообразности и широчайшее распространение самых разнообразных промышленных роботов, практически вытесняющих труд человека из массового производства. Однако уже следующая получившая широкое распространение технология этого класса – добыча газа и нефти из сланцев – оказала колоссальное преобразующее влияние как на геоэкономику, так и на геополитику.

Генетическая модификация растений стала нормой, позволяющей с высокой степенью надежности (хотя и с непонятными долгосрочными последствиями) выращивать их сорта с заранее заданными свойствами – подобно производству композитов «под имеющуюся потребность».

Критически важным с точки зрения развития глобального экономического кризиса направлением развития технологий представляется переход от механической обработки материала к воздействию на него полями (прежде всего электромагнитными) и к его формированию сразу в нужном виде, проявлением чего стала 3D-печать.

Ее представляющееся неизбежным удешевление и упрощение кардинально изменит всю сферу производства, нашу повседневную жизнь, а главное – мировое разделение труда. Насколько можно прогнозировать в настоящее время, именно она, скорее всего, приведет (наряду с быстрым распространением промышленных роботов) к частичной деиндустриализации Китая (и реиндустриализации Запада, в первую очередь США). По всей вероятности, именно эти процессы станут тем непосредственным фактором, который драматически затормозит развитие Китая и тем самым столкнет весь мир в глобальную депрессию. Ведь Китай уже более десятилетия, подобно Атланту, держит на своих плечах весь экономически развитый мир, столкнет мир.

Представляется принципиально значимым, что технологии 3D-печати изобретены достаточно давно (в конце 80-х годов XX века), их нынешнее бурное распространение и совершенствование связано всего лишь с постепенным истечением срока патентной защиты на различные их виды. Не вызывает сомнений, что в отсутствие потребности в существенном росте производительности труда эта защита, скорее всего, была бы тем или иным способом продлена и эти технологии просто не начали бы распространяться и совершенствоваться.

В связи с этим возникает сильное ощущение, что в последние годы мы присутствуем при качественном ослаблении глобального монополизма как мотива поведения. *(Правда, это отнюдь не обязательно означает ослабление самих глобальных монополий, так как они вполне могут начать переходить в некое иное, нерыночное качество, заменяя рыночные отношения технологическими, или надеяться научиться укреплять свой монополизм и в условиях развития технологий.)*

Возможно, имеет место даже досрочный, до распада глобального рынка на макрорегионы, выход закрывающих технологий на авансцену мирового развития.

Однако нельзя исключить и принципиально иного значения переживаемых нами событий: они могут представлять собой всего лишь дальнее эхо коммерционализации новых технологических принципов, открытых еще во время холодной войны, которое вот-вот окончательно затихнет и, попусту растревожив рынки и не найдя адекватных специалистов для достижения технологического совершенства, постепенно сойдет на нет.

Ответ на вопрос о том, какая из этих гипотез правильная, станет ответом и на вопрос о будущем мировой цивилизации, однако пока этот ответ остается неизвестен, причем в основном из-за того, что мы, как отмечал еще Пушкин, «ленивы и нелюбопытны».

Вместе с тем в настоящее время мы наблюдаем поразительное сочетание одновременного бурного совершенствования и угрожающей деградации технологий, и эта диалектика пока не поддается осознанию в рамках единой теории, потребность в которой драматически нарастает в прямом смысле этих слов с каждым днем.

2.3. Как и на какие макрорегионы разделится мир?

В настоящее время среди обдумывающих тему глобального кризиса, несмотря на невообразимую пестроту взглядов и подходов, практически сложился консенсус по поводу того, что непосредственная причина переживаемого современным миром экономического кризиса заключается в загнивании глобальных монополий.

Данное загнивание проявляется и в долговом кризисе, и в инфантилизме (порой далеко выходящем за грань обыденного бытового идиотизма) государственного и официального корпоративного управления, и в стремительном и всякий раз внезапном надувании (с последующим схлопыванием) разнообразных спекулятивных пузырей.

Сходятся аналитики и в том, что загнивание глобальных монополий, сделав наиболее дефицитным ресурсом и соответственно главной ценностью спрос как таковой, неизбежно приведет к дальнейшему неуклонному росту протекционизма (идущему в развитом мире по меньшей мере с конца 2008 года). Усиление протекционизма, пусть и скрытое и официально отрицаемое и порицаемое, будет продолжаться до тех пор, пока не приведет к распаду единых глобальных рынков на макрорегионы – сравнительно обособленные рынки, то есть в первую очередь валютные и таможенные зоны. По мере своего разделения макрорегионы, как представляется, неизбежно вступят друг с другом в непримиримую и хаотическую конкуренцию по принципу «все против всех», более всего напоминающую реальность межвоенного периода.

Однако в этой вполне стройной и внутренне непротиворечивой картине в настоящее время все еще остается без ответа целый ряд принципиальных вопросов.

Прежде всего, до сих пор совершенно непонятно, в чем заключается наиболее вероятный, то есть базовый сценарий срыва человечества в предстоящую ему глобальную депрессию и, соответственно, распада единых глобальных рынков на макрорегионы. Пока представляется наиболее вероятным, что толчок этому срыву даст замедление развития Китая (а возможно, и его частичная деиндустриализация в случае бурного развития 3D-печати), скорее всего, до 4–5 % экономического роста в год, однако это лишь одно из довольно большого числа принципиально возможных предположений. Понимание же непосредственной причины предстоящего нам качественного перехода и, что представляется не менее важным с практической точки зрения, характера протекания этого перехода пока блистательным образом отсутствует.

Естественно, наиболее острым и пугающим вопросом является то, удастся ли в принципе разделить глобальный рынок (и, вероятно, списать при этом огромную массу безнадежных долгов развитых стран) без разжигания новой чудовищной мировой войны с новыми десятками, а то и сотнями миллионов или даже миллиардами жертв. Открытым остается вопрос и о реальной перспективе применения в этом случае ядерного оружия и других не менее страшных типов оружия массового поражения (включая не запрещаемое никакими конвенциями геофизическое, климатическое и тому подобные виды).

Без стремительной эскалации ставших привычными после уничтожения Советского Союза локальных войн и так называемых конфликтов малой интенсивности, похоже, человечеству уже не удалось обойтись. Однако, как цинично это ни звучало бы на фоне колоссальных страданий десятков миллионов людей, уже ставших жертвами такого рода конфликтов, по сравнению с перспективой новой мировой войны они представляются классическим «меньшим злом» и ужасно высокой, но при этом более чем приемлемой для остального, относительно благополучного человечества ценой.

Соответственно, вопрос о динамике, масштабах, а также характере и жертвах подобных локальных конфликтов также не имеет к настоящему времени не то что правдоподобных ответов, но даже внятной постановки. Не вызывает сомнений, что зоны этих конфликтов по-прежнему будут расширяться (хотя бы из-за общего растущего по мере усугубления глобального экономического кризиса неблагополучия и обострения конкуренции, сталкивающей все новые неразвитые общества в нищету и попросту лишающей их возможности нормального существования). Однако наиболее вероятные направления и

скорость расширения этих конфликтов в целом также остаются пока загадкой. *В частности, обрушение Украины в нынешнюю катастрофу стало такой же неожиданностью для наблюдателей, как и создание Исламского государства как политической и хозяйственной реальности после взятия Мосула, а до того – стремительное развитие войны в Сирии под воздействием международной террористической агрессии извне.*

Полностью открытым и пока не поддающимся осмыслению остается и наиболее важный с практической точки зрения вопрос о границах распространения локальных конфликтов и гражданских войн.

Аналогичная, если не еще большая неопределенность существует во всем, что касается ожидаемого распада глобальных рынков. Масштаб и глубина этого уже начавшегося и вполне отчетливо наблюдаемого процесса пока остаются загадкой.

Не вызывает никакого обоснованного сомнения, что рынки мобильной связи и интернет-услуг, скорее всего, останутся глобальными, как и криминальные рынки, включая рынки нелегальных финансовых услуг, часть которых, подобно криптовалютам, будет обслуживать нужды глобального управляющего класса. *Более того, по всей видимости, одна из причин частичной легализации криптовалют (пока в виде биткоинов) заключается в защите указанных выше рынков от вполне возможных в условиях обострения кризиса ограничительных мер со стороны отдельных национальных государств.*

Вполне понятным представляется и уже фактически произошедшее разделение мира на зоны доллара, юаня и евро (ведущиеся с переменной интенсивностью с начала нулевых годов разговоры о необходимости создания зоны рубля, к сожалению, до сих пор остаются не более чем пустой болтовней, не подкрепленной какими бы то ни было серьезными организационными усилиями). Однако каким именно образом будут разделяться остальные глобальные рынки и будут ли существовать серьезные барьеры для движения рабочей силы, капиталов и даже товаров внутри тех же самых основных валютных зон, пока еще также совершенно неясно.

Нельзя исключить и того, что ликвидация в результате глобальной экономической катастрофы финансовой спекулятивной надстройки (по крайней мере в ее нынешнем абсурдно раздутом виде) приведет к восстановлению в той или иной форме золотого стандарта как некоторого надежного, понятного и достаточно стабильного фундамента хозяйственных отношений. Вполне возможно, что обеспечиваемая золотым стандартом защита от чрезмерных спекуляций покажется измученному ими человечеству (или какой-то его значительной части) неизмеримо более привлекательной, чем ограничиваемые им возможности быстрого наращивания деловой активности.

Крайне важным представляется и также остающийся открытым вопрос о географическом распределении и страновой локализации понятного огромного ущерба от срыва в глобальную депрессию.

Теоретически в наибольшей степени должно пострадать население именно развитых стран: чем выше комфорт, тем болезненнее переход в общежития, не говоря о бараках и землянках. Главное же заключается в том, что именно у этого населения (точнее, у все еще существующего среднего класса развитых стран) разрыв между зарабатываемыми разными способами доходами и текущим потреблением, пока компенсируемый продолжающимся наращиванием разнообразных долгов, является максимальным.

Однако в практической конкуренции эффективность и развитость общественных организмов проявляются, насколько можно судить, прежде всего в умении переложить свои проблемы на чужие плечи, заставить расплачиваться за свои грехи (начиная с переедания и в целом избыточного потребления) заведомо более слабые общества.

Мы вот уже полтора десятилетия наблюдаем, как благодаря филигранному управленческому мастерству и незамутненному стратегическому видению развитые страны (в первую очередь, разумеется, США) успешно избегают кажущегося неизбежным срыва всего мира в глобальную депрессию. Это избегание осуществляется жестокими мерами – за счет дестабилизации и погружения в кровавый хаос все новых и новых еще недавно вполне благополучных стран и даже целых регионов, однако само по себе оно представляется выдающимся, пускай и мрачным, торжеством человеческого гения и проявлением исключительной эффективности применяемых управленческих технологий.

Весьма вероятно, что и в условиях срыва в глобальную депрессию (которого, хочется надеяться, можно избегать еще достаточно долго, но все же ни в коем случае не бесконечно) развитые общества сумеют вновь, как это не раз бывало и в прошлые кризисы, переложить значительную часть своих потерь на остальной мир. В этом случае их некоторое обеднение (с сохранением основ социальной структуры и управляемости, что само по себе представляется важнейшей ценностью нашего тревожного будущего) будет сопровождаться не просто погружением в нищету, но и разрушением значительной части неразвитых экономик, их погружением в хаос и чудовищной дегуманизацией, расчеловечиванием соответствующих обществ.

2.4. Растворение личности в ноосфере?

В силу своей принципиальной новизны и удивительной мощности информационные технологии кардинальным образом меняют многое из того, что еще недавно казалось нам практически неизменным по своей природе.

В частности, весьма драматическим представляется изменение самого типа массовой человеческой личности, наблюдаемое в настоящее время, насколько можно судить, в первую очередь в результате систематического взаимодействия с компьютером в детстве, на этапе ее формирования.

Многократно замечено, что психология профессионалов-компьютерщиков – системных администраторов, программистов и так далее – отличается от психологии обычных людей до такой степени, что существенно затрудняет общение с ними даже тогда, когда оно является жизненно необходимым для обеих сторон (например, на работе). А ведь детство и формирование личности большинства нынешних профессионалов в этой сфере проходило в еще докомпьютерную эпоху, и наблюдаемые отклонения (или, точнее, изменения) являются приобретенными в ходе лишь профессионального, но никак не личностного становления!

Психологи и педагоги самых разных стран и даже культур, анализируя личности современных подростков, сформировавшиеся под влиянием компьютерных технологий и социальных сетей, отмечают прежде всего их высокую пластичность, отсутствие в них устойчивых внутренних структур, формируемых, насколько можно судить, лишь самостоятельными усилиями и глубоким самостоятельным проживанием событий собственной жизни.

Возможность с легкостью получать требуемые эмоции в готовом виде не только не развивает способность к сопереживанию, но и ведет к формированию своего рода социальных аутистов, личностей с ослабленными обратными связями. Отсутствие необходимости в собственных усилиях для получения жизненно важных для всякого человека эмоций лишает личность истории ее собственного роста как ее неотъемлемой части, атрофирует волевые качества (часто даже при наличии упрямства и довольно высокой энергетики) и в целом всю сферу, связанную с ее самосознанием.

«Новые люди» могут быть целеустремленными, энергичными и настойчивыми, однако они, как правило, ставят перед собой цели случайным образом, под хаотичным и быстро меняющимся влиянием внешней среды. Они не столько творят мир для себя и в соответствии со своими целями, сколько приспосабливаются к нему и реагируют на него. Однако главным представляется не это.

Наиболее фундаментальное изменение, порождаемое массовым распространением информационных технологий, становится очевидным, если вспомнить, что ключевым критерием разума как такового является именно способность к сознательному целеполаганию и приложению последовательных усилия для достижения поставленной цели. Ослабление этих способностей вплоть до их полной утраты, наблюдаемое у нынешних детей (повторюсь, принадлежащих к самым разным культурам), интенсивно пользующихся современными информационными технологиями, в стратегической перспективе ставит на повестку дня глобального развития человечества вопрос о самом сохранении разумности человека в ее классической, привычной для нас интерпретации.

Определенные движения последовательному, сознательному и даже энергично

пропагандируемому как «последнее слово» в прогрессе интеллектуальной деятельности отказу человека от использования собственного разума проявляются, как это ни парадоксально, и в сфере научной работы (или, по крайней мере, аналитики). Так, уже в нулевые годы исключительно широкую популярность в самых разных областях науки приобрел так называемый метод форсайта, сводящийся на практике к провоцированию и напряженному ожиданию озарений. Этот метод в силу самой своей природы основан на принципиальном и последовательном отказе от выведения и анализа причинно-следственных связей в пользу фантазий, не осознаваемых в достаточной мере самим их автором и при этом возводимых в перл творения.

Внешне являясь логической попыткой оформления и обоснования, а на самом деле служа простой имитацией принципиально внелогических форм мышления, методология форсайта, насколько можно судить, в силу самой ее природы, как правило, использовалась в корыстных недобросовестных целях – для продвижения интеллектуально сомнительных, но при этом политически выгодных гипотез. Тем не менее само ее появление и, более того, исключительно широкое распространение, как и по-прежнему хорошая репутация, представляется весьма внятным и предельно убедительным признаком последовательного отказа от логического мышления даже в научной сфере. Этот парадоксальный отказ (ибо вся наука до сих пор с неизбежностью опиралась на формальную логику) ярко и полно выражает если и не полное осознание современным интеллектуальным классом, то, во всяком случае, отчетливое ощущение им кардинального снижения значимости этого логического мышления.

Характерным в этом плане является и теория «черного лебедя» Талеба, получившая колоссальную популярность и сводящаяся к возведению собственной неспособности осознать происходящее в перл творения и в признак приобщенности к высшему знанию. То, что еще недавно воспринималось как мобилизующий сигнал крайнего неблагополучия, грозящий опасностями и требующий напрячь интеллектуальные способности для решения новой задачи, теперь – вероятно, не только от лени, но и от отчаяния – трактуется как всеобъемлющая и все объясняющая, исчерпывающая сама по себе научная гипотеза!

Весьма знаменательными в этом плане представляются и наиболее перспективные сегодня технологии быстрой обработки огромных массивов информации big data, позволяющие находить качественно новые закономерности и внутренние взаимосвязи рассматриваемых явлений. Ключевым элементом этой качественно новой технологии научной и в целом интеллектуальной деятельности служит принципиальный отказ от осмысления полученных результатов и поиска их причин.

Открыто и с восторгом неофитов постулируется идея не только непостижимости ряда полученных результатов на данном этапе развития (что, строго говоря, вполне нормально), но и, что самое главное, полной категорической ненужности этого постижения! Сознательный отказ даже от попытки качественного осмысления полученного количественной обработкой данных результата оказывается не просто очередным насаждаемым административными методами стандартом (мало ли что взбредет в головы жертв деградирующей системы образования, дорвавшихся до руководящих должностей), но и действительно, как это ни пугающе выглядит, успешной технологией качественного повышения эффективности интеллектуального труда.

Конечно, концентрация на результате при последовательном игнорировании его фундаментальных причин является почти неизбежной для любой прикладной науки (кичащимся достижениями фундаментальной науки нелишне вспомнить, что она до сих пор не смогла сколь-нибудь удовлетворительно объяснить, например, причины появления электрического тока). И действительно, такая концентрация на результате без попыток его комплексного объяснения и разнообразного анализа временно повышает эффективность прикладной науки, нацеленной именно на решение конкретных проблем и достижение практического, заранее определенного практической необходимостью результата, – в этом нет ни ничего нового, ни ничего странного.

Новое и странное заключается именно в принципиальном отказе даже от попыток фундаментального осмысления получаемых результатов, в утрате основополагающего для человеческой личности, казавшегося естественным для нее интереса к устройству мира, в не то

что неспособности, а в утрате понимания смысла самого объяснения получаемых результатов.

Это производит впечатление некоего качественно нового этапа развития человека, связанного с отчетливой и весьма глубокой деградацией отдельно взятой личности.

В связи с этим не стоит забывать о том, что роботы в принципе могут быть не только компьютерными, промышленными или домашними механизмами или программами, но и социальными, включающими в свой состав формально самостоятельные и сохраняющие индивидуальную свободу принятия решений человеческие личности. При этом последние отнюдь не обязательно должны сознавать свою действительную функцию, – а для повышения эффективности социального робота, частями которого они являются, скорее всего, как правило, должны как раз ни в коей мере не сознавать ее.

Нарастающий инфантилизм и радикальное упрощение, примитивизация личности (давно замеченные и описанные, например, в США, в том числе и на примере их руководителей), превращение ее, по сути дела, в «частичную личность» по аналогии с «частичным работником» эпохи конвейера могут быть признаками включения ее в некоторый надличностный управленческий контур. Скорее всего, мы не можем ощутить возникновение и функционирование этого контура в силу простой ограниченности возможностей нашего индивидуального восприятия и способны лишь описывать его предполагаемое наличие по некоторым косвенным признакам.

Подобный социальный робот может служить интересам той или иной корпорации или, шире, той или иной социальной общности или управляющей системы (вплоть до глобального управляющего класса как некоего целого). Отдельный человек, по всей вероятности, может быть частью одновременно целого ряда подобных социальных роботов подобно тому, как он может быть частью одновременно самых разнообразных коллективов (например, работников своей фирмы, семьи, родителей учеников данного класса, прихожан церкви, членов партии, клуба по интересам и так далее).

Однако не видно никаких очевидных преград тому, чтобы подобный социальный робот приобрел всеобъемлющий характер и расширился до границ даже не отдельных человеческих цивилизаций, а всей планеты. При подобном расширении и увеличении своих масштабов он вполне может соединить человечество с глобальными материальными и биологическими основами его существования в некую качественно новую, но (по крайней мере, пока) недоступную нашему познанию целостность.

В этом отношении, возможно, провиденная Вернадским ноосфера (или являющееся ее частью коллективное сознание) уже наступила – и человеческая личность, все еще по инерции эпохи Возрождения пытающаяся осознать себя в качестве венца творения и смысла мироздания, ужалась до простой функциональной клеточки ноосферы.

* * *

Разумеется, перечень открытых, не имеющих очевидного решения вопросов, встающих перед человечеством в момент его качественного изменения, бесконечно далекого не только от завершения, но даже и от простой ясности, в момент его перехода в некое новое и остающееся в целом непонятным состояние, значительно шире описанного в настоящей главе.

Тем не менее тщательное осмысление и проработка даже довольно узкого круга поднятых проблем способствуют, насколько можно судить, качественному повышению степени определенности нашего развития и, соответственно, степени управляемости (а значит, безопасности и комфортности) наших обществ.

Расширение же по сравнению с описанным круга изучаемых проблем, связанных с происходящей в настоящее время трансформацией человечества и нашим не таким уж и отдаленным будущим, и вовсе, каким бы самонадеянным это ни казалось сейчас, способно привести к восстановлению общественной науки в качестве инструмента поиска истины и обеспечения позитивного прогресса человечества.

Глава 3. Конкуренция глобальных проектов

3.1. Глобальный управляющий класс: новая среда реализации социальных проектов

Кардинальное упрощение коммуникаций в ходе глобализации объективно способствует сплочению представителей различных имеющих глобальное влияние управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, медиа и культуры. Сплочение это происходит стихийно, на основе общности личных интересов и, что самое важное для возникновения всякой общности, единого образа жизни в качественно новый, не знающий и в принципе не признающий границ космополитичный глобальный управляющий класс.

Его появление представляется в настоящее время важнейшим, хотя и крайне слабо наблюдаемым с научной точки зрения следствием глобализации. Характер его стихийного и хаотического функционирования делает его ключевым всемирно-историческим субъектом современности.

Входящие в него и образующие его люди отвечают, насколько можно судить, одновременно трем основным критериям:

• они влиятельны в глобальном масштабе (принципиально важно, что источником этого влияния может быть все что угодно – от контроля за танковой дивизией в ключевом регионе третьего мира до исключительного интеллекта; однако обычно это просто значительные свободные деньги);

• они обладают высоким личным интеллектом, развитым самосознанием (последнее, как правило, не свойственно представителям традиционных иерархических структур) и склонностью к активной деятельности; все это позволяет им осознавать свою влиятельность и сознательно направлять ее на достижение собственных целей;

• они мобильны и коммуникативны, что позволяет им интенсивно общаться, постоянно получать новую информацию, заводить новые знакомства, придумывать и реализовывать новые проекты и обращать все на свое благо.

Перечисленные базовые качества делают глобальный управляющий класс исключительно конкурентной и, что представляется принципиально важным, полностью открытой средой. При соответствии указанным требованиям туда практически невозможно не попасть: это не иерархическая структура, не организация; даже средой его можно назвать с очень большой натяжкой. Это совершенно иное по своей природе: борющийся и постоянно меняющийся, непрерывно обновляющийся клубок хаотически взаимодействующих сетевых структур, отдельных групп и личностей. Это вихрь отношений и взаимосвязей, который, подобно торнадо, неумолимо втягивает в себя всех, кто соответствует его критериям и его потребностям.

И, что является оборотной стороной конкурентности и открытости, данная совокупность социальных вихрей столь же необратимо выталкивает и оставляет беспомощно лежащими на земле всех, кто по любым причинам перестал соответствовать хотя бы одному из перечисленных выше базовых критериев принадлежности к ней.

Глобальный управляющий класс, таким образом, ни в коем случае не является организацией; скорее, это процесс, объективно обусловленный и во многом хаотичный для всех без исключения его индивидуальных участников.

Мы привыкли шутить, что русские в силу особенностей своей культуры осознают себя живущими в государстве, европейцы – в ландшафте, а американцы – в демократии. При всех натяжках этого сопоставления его можно развить и продолжить указанием на то, что члены глобального управляющего класса живут не в тех или иных странах, а в пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны и даже континента расположения. Они не нуждаются в странах – на своих личных самолетах они парят над ними, а их общие (или, по крайней мере, не противоречащие общим) интересы эффективно обеспечивают не столько государственные, сколько частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев не един, он раздираем

постоянными внутренними противоречиями и повседневной жестокой борьбой, но как целое он монолитно противостоит разделенным безнадежно устаревшими государственными границами обществам. Представляется принципиально важным, что противостоит он им не только в качестве одновременного владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи, что, кстати, является убедительной приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или традиционной социальной группе и практически не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, а влияние на него акционеров является благодаря современным нормам корпоративного управления совершенно незначительным. *(Строго говоря, он в совокупности, как целое, является своим собственным мажоритарным акционером, или «мажоритарным акционером самим для себя»: анализ структуры собственности крупнейших международных корпораций выявил их ядро из примерно полутора сотен ключевых корпораций, являющихся собственниками друг друга и контролирующих почти всех остальных.)*

В силу самого своего положения «над традиционным миром» он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой, и в первую очередь традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются кардинальным образом. Верхние части систем государственного управления начинают совершенно искренно воспринимать себя частью не своих народов, но значительно более близкого к ним по образу жизни и значительно более привлекательного по своему совокупному могуществу глобального управляющего класса. Это качественно повышает уровень их жизни и расширяет индивидуальные перспективы; несогласные же уничтожаются или изолируются.

Соответственно, под влиянием притяжения глобального управляющего класса национальные элиты совершенно незаметно для самих себя перестают действовать в интересах наций-государств, созданных в середине XVII века замшелым уже Вестфальским миром (в России в тот момент как раз завершили закрепощение крестьян). Переосмыслив себя и свое место в мире, обретя новую глобальную принадлежность, национальные элиты переходят к управлению этими же нациями в интересах глобального управляющего класса. По сути дела, они переходят на службу к «новым кочевникам» – представителям конгломерата борющихся друг с другом глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством.

Понятно, что подобное управление естественным и совершенно неизбежным образом осуществляется в принципиальном пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках традиционных государств, и, более того, за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления) и носит характер жестокой эксплуатации.

Именно в этом заключается фундаментальная, наиболее значимая причина систематического предательства насущных интересов своих народов элитами даже далеко не самых слабых и деморализованных стран мира.

Это именно та ситуация, которую мы на протяжении последней вот уже более чем четверти века национального предательства наблюдаем в России.

Это именно та ситуация, против которой восстают люди не только в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но даже и в самой цитадели глобального управляющего класса – США, ибо новые властелины мира пренебрегают интересами американского народа с той же легкостью и последовательностью, что и интересами всех остальных народов мира.

Официальные и глобальные СМИ всего мира прилагают титанические усилия для замалчивания этих нарастающих протестов или принципиального извращения их сути не потому, что это вредно американцам или управляющим системам развитых стран, но потому, что это вредно глобальному управляющему классу.

На наших глазах и с нашим непосредственным участием мир вступает в качественно новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная

борьба принципиально нового типа: борьба традиционных обществ, организованных в иерархических государственных формах, разделенных границами, обычаями и разнообразными культурными барьерами, против всеразрушающего господства единого по своей природе глобального управляющего класса.

Это качественно новое содержание с небывалой остротой ставит в каждом отдельно взятом обществе вопрос о солидарности всех национально ориентированных, то есть считающих это общество и его интересы высшей ценностью, сил. Причина проста и очевидна: традиционная разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и религиозными фанатиками утрачивает какое бы то ни было реальное значение перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии «новых кочевников».

Практически впервые в истории противоречия между патриотами разных стран, в том числе и непосредственно конкурирующих друг с другом, утрачивают свое принципиальное значение. Они оказываются совершенно незначительными и второстепенными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, с одной стороны, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей, с другой. В результате появляется объективная возможность создания еще одного, – как ни парадоксально и даже противоестественно это бы ни звучало, патриотического Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением самых разных народов к сохранению естественного для себя образа жизни, благосостояния, культурного потенциала, прогресса и суверенитета.

Ведь человечество, каким бы несовершенным и раздробленным оно ни было, категорически, ни при каких обстоятельствах не хочет становиться на четвереньки.

«Исламская зима»: кто хозяин?

В силу своего неформального, сетевого и слабо структурированного характера, а также органически свойственной для образующих его людей нелюбви (в основном в силу их глубокого индивидуализма) к демонстрации коллективных действий и коллективного могущества глобальный управляющий класс по самой своей природе слабо наблюдаем. Эта малозаметность в сочетании с огромным могуществом и вполне очевидным колоссальным влиянием способствует распространению о нем самых диких слухов и представлений, способных не только свести с ума пытающихся отделить зерна от плевел, а горячечный бред от реальности, но и полностью отбить всякую охоту вообще хоть как-то исследовать этот важнейший феномен развития современного человечества.

В частности, в ноябре 2011 года на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» один из участников обсуждения процитировал ставшие классическими высказывания С. Хантингтона (указавшего на слабую связь членов глобального управляющего класса со странами их происхождения) и Ж. Аттали (в середине 90-х введшего в обращение термин «новые кочевники»). Как это принято на данном форуме, для экономии времени высказывания цитировались в их содержательной части, без указания на авторитетные источники.

В результате следования этому правилу председательствующий – один из наиболее видных российских специалистов по международным отношениям (принципом заседаний данного форума является категорическая анонимность всех высказываний) – в приступе священного гнева (и при полном одобрении российской части собрания, мало знакомой с современной общественной мыслью Запада) обратил внимание аудитории на то, что «борьба с жидомасонским заговором в общем и целом закончена, причем достаточно давно».

Подобный пещерный уровень мышления и характерный разве что для либеральных «десталинизаторов» стиль дискуссии является тем не менее отражением не только личного уровня председательствующего, но и в целом священного трепета, испытываемого представителями российской официальной науки перед слабонаблюдаемыми объектами (да еще и являющимися для многих из них потенциальным источником вожделенных грантов).

Тем не менее отсутствие достоверной прямой информации не должно становиться непреодолимой преградой для исследования глобального управляющего класса точно так же,

как для Кювье не было непреодолимой преградой физическое отсутствие костей доисторических животных, за исключением одного-единственного зуба.

Любое явление, в том числе и деятельность глобального управляющего класса, можно вполне эффективно отслеживать и по косвенным признакам. А уж поломанных зубов для будущих Кювье, в отличие от раннего этапа развития палеонтологии, вокруг и вовсе набросано видимо-невидимо.

В частности, как следует из воспоминаний отставных сотрудников ЦРУ, в 1985 году против общего врага – Советского Союза – сложилась принципиально новая глобальная сеть: техасско-саудовский клан, вполне сознательно способствовавший снижению мировых цен на нефть и тем самым крушению Советского Союза. Саудовская Аравия благодаря участию в этом проекте стала стратегическим союзником США, что кардинально укрепило ее положение в арабском мире.

Этот клан отнюдь не канул в Лету с уничтожением Советского Союза: в 2003 году его активность вполне наглядно проявилась «в негативной форме» в ходе уничтожения Ирака.

Для США эта операция, несмотря на убедительную военно-политическую победу, в целом обернулась болезненным глобальным поражением. Ведь они сначала получили совершенно ненужное обострение отношений со своими европейскими сателлитами по НАТО (едва не приведшее к обретению последними реальной политической самостоятельности), а затем увязли в длительной и дорогостоящей войне. При этом они не сумели в полном объеме взять под контроль нефтяной экспорт Ирака и наглядно продемонстрировали всему миру как слабость своего стратегического планирования, так и ограниченность своих геополитических возможностей.

Саудовская Аравия как государство также потерпела поражение, так как исчезновение светского Ирака, бывшего важнейшим фактором сдерживания Ирана, объективно усилило позиции последнего и позволило ему существенно укрепить свое влияние в исламском мире (несмотря на национальный фактор и то, что шииты остаются исламским меньшинством). Фактическое же разрушение Ирака отдало основную его часть, населенную шиитами, под неформальный контроль Ирана, что качественно укрепило его положение и позволило через Сирию и Ливан сформировать своеобразный «шиитский пояс», соединивший его со Средиземным морем и до разжигания войны в Сирии грозивший дать ему прямой выход на европейские рынки.

Таким образом, уничтожение саддамовского Ирака стало крайне болезненным поражением и для США, и для Саудовской Аравии, но именно как государств. Нефтяные же сообщества обоих, объединенные в техасско-саудовский клан, не просто получили огромные прибыли, но и, опираясь на них, смогли существенно укрепить и расширить свое геополитическое влияние.

Однако впервые в явной форме глобальный управляющий класс проявил себя, насколько можно судить, в ходе серии волнений, восстаний и революций на Большом Ближнем Востоке, в первую очередь в Северной Африке и Сирии, получившей название «арабская весна». Именно его активность, как представляется, породила бросающееся в глаза противоречие между полной неожиданностью для США событий в Тунисе (которые дали старт арабским революциям) и стремительностью их реакции (от использования материалов *Wikileaks* до распространения профессиональных инструкций для революционеров) на события в Северной Африке в целом.

Причина противоречия – в том, что в рамках одной и той же государственной оболочки США сегодня действуют два принципиально различных по своим устремлениям, хотя совпадающих по институтам (а порой и по отдельным людям) субъекта: национальная бюрократия и манипулирующий ею и использующий ее (во многом «втемную») как свой инструмент глобальный управляющий класс.

События в Тунисе стали полной неожиданностью для близорукой, инерционной и во многом «ситуационно реагирующей» на события, а не активно конструирующей их национальной бюрократии.

А вот глобальный управляющий класс, насколько можно понять, интенсивно и эффективно готовил их – и с восторгом воспользовался широкими возможностями, предоставляемыми революционным процессом.

Причины усилий глобального управляющего класса (являющегося практически синонимом современного Запада) по дестабилизации Большого Ближнего Востока (при всей объективной остроте проблем этого региона без этих усилий он сохранил бы свою стабильность, как это случилось, в частности, во время внутриполитического кризиса во многих его странах, вызванного удорожанием продовольствия в 2008 году) многослойны.

На поверхности мы видим традиционную логику борьбы за ресурсы. Здесь в рамках общей тенденции архаизации налицо возврат к логике колониализма, ведшего войны за непосредственный контроль за территориями, в первую очередь за нефтью и водой Ливии (о разбуривании и обустройстве созданным Каддафи государством огромного подземного моря пресной воды обычно забывают).

Кроме того, налицо месть Каддафи за социализм, а точнее – за трату ресурсов на обеспечение социальной справедливости. Принципиально важно, что не за теракт в Локерби, – сами ливийцы считали его ответным шагом, но Каддафи откупился от Запада, выдав непосредственных исполнителей, заплатив деньги и допустив в Ливию иностранный капитал. Это ярко характеризует вполне средневековый характер правового сознания нынешних лидеров «всего прогрессивного человечества»: заплати выкуп – и живи спокойно.

Но при этом не забывай, что ресурсы твоей страны рассматриваются этими лидерами как принадлежащие «всему человечеству», то есть в переводе на обычный язык – глобальным корпорациям, чьи интересы они представляют.

И когда Каддафи платил пять тысяч долларов за рождение ребенка (оплата тысячи долларов медсестре, а шестидесяти четырех тысяч – молодой семье декларировалась, но относительно редко осуществлялась на деле), когда он почти втрое увеличил численность своего народа за счет создания для него человеческих условий жизни, когда он обеспечивал почти бесплатный бензин, бесплатное образование, здравоохранение и электричество, – он превращал себя во врага отнюдь не некоего коллективного глобального Чубайса. Делом развенчивая догмы либеральной пропаганды о том, что бесплатной социальной сферы не бывает, он невольно (ибо в последние годы начал вводить в политику серьезные элементы либерализма, из-за чего его поддержка и ослабла) создавал для нее смертельную угрозу разоблачения ее лжи.

Кроме того, делясь нефтедолларами с народом Ливии, по крайней мере, в заметно больших масштабах, чем мы видим это в России, он лишал этих нефтедолларов западную финансовую систему. Ведь олигарх или коррупционер, разворовывая деньги народа, выводит их основную часть на Запад, в результате чего они попадают в западную финансовую систему и поддерживают ее существование, и потому, пока он обеспечивает приток все новых средств, он полезен глобальному управляющему классу и может рассчитывать на его всемерную поддержку. Если же государственный деятель отдает деньги народа самому народу, эти средства остаются в стране и не подпитывают финансовую систему его стратегических конкурентов.

Таким образом, уничтожение «режима Каддафи» было нацелено не только на прямой захват богатств недр Ливии, но и – если это не удастся – на концентрацию доходов от экспорта сырья в руках кучки компрадоров и коррупционеров, которые все равно никуда не денутся и введут эти средства в финансовую систему Запада.

Современная постмодернистская надстройка традиционной стратегии захвата ресурсов заключается в том, что, если все пойдет наперекосяк и освоение ресурсов станет невозможным, это не причинит управляющей группе никаких сколь-нибудь заметных неудобств: она просто сменит стратегию, несколько отклонит фокус применения своих сил.

Дело даже не в том, что контроль за ресурсами в информационный век важнее их использования. Дело не в том, что тот факт, что нефть не принесет прибыли конкурентам, важнее того, что она вообще никому не принесет прибыли.

Прежде всего она принесет прибыль в качественно новом, информационном смысле: изъятие ресурсов из оборота, создав дефицит, повысит цены – и тем самым повысит спрос на доллар, продлив функционирование их все менее контролируемой закачки в мировую экономику.

Но преследование этой выгоды является лишь частным случаем новой стратегии

глобального управляющего класса – хаотизации.

Исчерпание стратегии управляемого хаоса и ее трагический провал в Ираке оказались плодотворными: показали возможность и эффективность качественно новой стратегии неуправляемого хаоса, которую мы видим в Северной Африке, которую мы увидели в Сирии и которую мы, вероятно, еще увидим не только в Египте и Саудовской Аравии, но даже и в Израиле.

Логика проста: в мутной воде можно поймать более крупную рыбу, хаос дает больше возможностей скачком наращивать власть и богатство, а главное – резко менять траекторию и саму логику развития целых обществ. Эмансипация же глобального управляющего класса от стран его происхождения (кроме, возможно, Швейцарии, Ватикана, Люксембурга, Монако и некоторых подобных государственных образований) снимает всякие ограничения на провоцирование хаоса: до «Пелоруса» с его подлодкой и собственным ПВО не дотянутся ни ливийские солдаты, ни японская радиация.

И в этом отношении трогательный в своей откровенности союз США и Франции с радикальными исламистами (которые составляли основу ливийских повстанцев с северо-востока Ливии – региона, где на полторы тысячи человек населения приходится один известный Западу боевик «Аль-Каиды»), равно как и прямое создание США всех значимых проектов исламских фундаменталистов – от «Талибана» и «Аль-Каиды» до Исламского государства[4], представляется совершенно рациональным. Ведь именно исламистские боевики являются наилучшими хаотизаторами современного мира.

Пока единственной явной и полной неудачей «новых кочевников» стал Алжир: ужас его управляющей системы перед исламским фундаментализмом, террор которого хорошо памятен алжирской элите, дал ей иммунитет перед протестами. А ведь развитие этой страны по тунисскому или египетскому варианту прервало бы поставки газа в Европу и посадило бы ее на энергетический голодный паек. Затем, вынудив европейцев самим делить друг друга на страны первого и второго сорта, безжалостно ограничивая доступ последних к энергии, исламистская «демократизация» Алжира окончательно положила бы конец европейскому проекту в его привычном для нас традиционном виде (возможно, на реализацию этого варианта нацелена и организация США украинской катастрофы).

Однако «арабская весна», на глазах оборачивающаяся «исламской зимой», еще далеко не закончена. Вероятно, серьезные попытки дестабилизации Алжира начнутся в случае успешного уничтожения Сирии, отчаянно сопротивляющейся при помощи России и Ирана. Если же вторая после Югославии и создания раковой опухоли в виде Косова и косовской оргпреступности попытка торпедирования европейского проекта окончится неудачей, неминуемо придет время следующих; вероятно, направление дальнейших действий глобального управляющего класса указывает нацистский государственный переворот на Украине и ее медленное уничтожение.

Блеск и нищета конспирологии

> Если бы мировое правительство существовало, его офис легко было бы найти по очереди желающих занести в него термитную бомбочку.
>
> ***Академик РАН в частной беседе***

«Мировое правительство», на своих закулисных встречах определяющее историю человечества на поколения вперед, принимающее решения о развязывании и прекращении войн, превратившее в своих марионеток не только могущественных монархов и президентов, но даже целые народы, является вечной темой, своего рода символом веры сменяющих друг друга поколений разнообразных конспирологов.

Однако широчайшее распространение веры в существование подобного центра власти лишь подчеркивает ту интеллектуальную импотенцию, клиническим проявлением которой представляется вера в то, что сговор заведомо частных сил, пусть даже имеющих

[4] Запрещено в России как террористическая организация.

трансграничное (а в наше время и глобальное) значение, может переломить объективные процессы развития громадных человеческих обществ.

Конспирология является следствием гиперболизации двух действительно совершенно бесспорных фактов.

Первый заключается в том, что все объективные закономерности человеческого развития проявляются через действия конкретных людей, причем в основе этих действий лежат не просто договоренности, но, как правило, договоренности руководителей этих людей, какими бы случайными и самоназначенными эти руководители ни оказывались.

Грубо говоря, если мировой исторический процесс объективно требует краха Временного правительства, – крах не произойдет до тех пор, пока в Смольном, по старому советскому анекдоту, не разъяснят матросам, что «у нас пива нет – все пиво в Зимнем». Или не организуют его штурм иными, более традиционными для официальной истории методами.

Это тот самый «субъективный фактор» революционной ситуации, о котором писал еще Ленин.

Однако Илья Пригожин совершенно справедливо указывал на своего рода «эффект наблюдателя»: взаимодействие – особенно в неустойчивой среде – носит, как правило, хаотический характер, однако реализованными, успешными могут быть лишь те взаимодействия, которые соответствуют общему направлению развития системы, то есть неким объективным закономерностям.

Грубо говоря, люди – и даже руководители – взаимодействуют достаточно хаотически *(чего стоит хотя бы хрестоматийная дружественная встреча Ельцина, уже ставшего к тому время лидером демократов, с вождем «Памяти» Васильевым!)* . Однако успешными оказываются лишь те из этих достаточно хаотических взаимодействий, которые соответствуют объективной общественной закономерности (вне зависимости от того, сознают это их участники и организаторы или нет). Когда проходит время, бесплодные взаимодействия забываются даже самими их участниками (в том числе и потому, что человеку в силу самой его природы свойственно стыдиться своих неудач), а сторонним наблюдателям они и так были малодоступны. В результате история начинает выглядеть как цепь успешных человеческих взаимодействий, которые при определенном искажении восприятия легко трактовать как заговоры, а объективные исторические закономерности, требующие для своего постижения интеллектуальных усилий, отходят в тень.

Таким образом, то, что конспирологи считают «заговорами, движущими историей», на самом деле оказывается инструментами реализации объективных исторических закономерностей. Бесспорная правда конспирологии заключается лишь в тайном, непубличном характере действия этих инструментов.

Вторым фактом, объясняющим (хотя, разумеется, и не оправдывающим в полной мере) существование конспирологии, является естественность инстинктивной реакции на абсолютизацию традиционным марксизмом роли классовой борьбы в развитии человечества. Такая абсолютизация естественна для любого первооткрывателя: подобно многим иным (стоит вспомнить хотя бы Фрейда с половым влечением), Карл Маркс, подробно проанализировав исключительно высокую роль классовой борьбы в общественной истории, с неизбежным восторгом хотя и не первооткрывателя, но первого полноценного теоретического исследователя абсолютизировал ее.

Между тем не менее важным фактором, по-видимому, является борьба элит, властных группировок друг с другом. Попытка выяснить, что важнее – борьба классов или элит правящего класса внутри него, – представляется заведомо тупиковой, а сама постановка вопроса – не более чем вариантом вопроса о приоритете курицы или яйца. Наиболее вероятно, что классовая борьба и борьба элит внутри правящего класса как фактор общественного развития представляют собой классический пример диалектического единства и борьбы противоположностей. *(Не стоит забывать и о том, что борющиеся элиты в критических ситуациях с охотой опираются на низшие классы, совершая, по сути дела, временное классовое предательство.)*

Тем не менее мощная марксистская традиция, фокусировавшая внимание исключительно на борьбе классов и несправедливо отводившая борьбе элит второстепенную, заведомо

подчиненную роль, в конце концов вызвала в качестве компенсационной реакции повышенное внимание к конспирологии, считающей основной движущей силой истории именно борьбу элит.

Принципиально, что в той степени, в которой конспирология опирается на фактические материалы и учитывает объективные исторические закономерности (как, например, в классических работах выдающегося российского историка А. И. Фурсова), она является полноценной наукой, своего рода органичным и необходимым дополнением традиционного исторического материализма. Лишь последовательный и принципиальный отказ от понимания объективных исторических закономерностей, смещение центра внимания с больших исторических процессов на хаос бесконечно малых взаимодействий (как это зачастую наблюдается в работах Кургиняна) уничтожает конспирологию как науку и превращает ее в спекуляцию, о которой было сказано выше.

Конкуренция вихрей не порождает устойчивой иерархии

Представления о существовании некоего глобального центра принятия решений, устойчивого «мирового правительства» являются неприемлемым упрощением, противоречащим самой сути глобального управляющего класса и объективно обусловленному характеру глобального управления.

Трансграничные управляющие сети, еще до средневековых рыцарских орденов и масонских лож, были, несмотря на старательно определяемые иерархии и тщательно выстраиваемые ритуалы, неформальными по самой своей природе организациями, цель которых полностью определяла набор средств, меняющихся в зависимости от обстоятельств.

Недостаточно гибкие (в том числе и слишком широко известные: анонимность есть одно из условий безопасности) структуры погибали – достаточно вспомнить французских тамплиеров или ассасинов – потомков ас-Сабаха, сметенных монгольским завоеванием. А наличие формальных организационных структур как раз и снижает гибкость.

Сила и мощь современного глобального управляющего класса всецело определяются сочетанием его абсолютной открытости и абсолютной внутренней конкурентности. Именно это сочетание является залогом его тотальности и, соответственно, всеобщности: любая сила, любая группа, обладающая достаточными влиянием и эффективностью, до самого распада глобальных рынков и обрушения современного человечества в новую депрессию втягивается в него, переваривается им и становится в конечном счете его частью.

Даже враждебность к глобальному управляющему классу и его целям не является помехой – достаточно ведения соответствующего образа жизни, исповедования соответствующего (наиболее эффективного в современных условиях) образа действия.

Как только человек утрачивает хотя бы одно из этих качеств – либо влиятельность, вызывающую интерес со стороны других представителей глобального управляющего класса, либо мобильность и энергичность, позволяющие реализовывать этот интерес, – он даже не выталкивается, а автоматически, сам собой выпадает из него, как отключенный от тока электромагнит отваливается от листа железа.

Именно этот безошибочный автоматизм включения в глобальный управляющий класс наиболее эффективных и влиятельных людей и исключения из него утративших свою силу является непосредственной причиной доминирования и сегодняшней непобедимости этого класса.

Внутренняя конкуренция (и соответственно эффективность) поддерживается среди прочего непрекращающейся, непрерывной борьбой почти всех его членов почти со всеми. Объединение в сети, кланы, кластеры, клубки и клубы, многие из которых случайны и непреходящи, некоторые весьма долговечны, а иные порождены предрассудками, является настолько гибким, что напоминает скорее вихри, чем привычные нам организационные структуры (хотя бы и сетевые).

Конкуренция распадающихся, вновь собирающихся, перетекающих друг в друга вихрей! – чтобы описать ее на привычном нам языке структур, придется создать новый раздел неэвклидовой геометрии и обнаружить после титанического труда отсутствие должных

объемов достоверной информации, необходимой для подтверждения или отрицания даже простейших и примитивнейших гипотез.

Сама природа глобального управляющего класса – гибкость и конкурентность – не терпит структурирования, да еще столь косного, как привычные бюрократические управляющие структуры.

Объединение инициативных глобальных управленцев вокруг идей столь же стремительно, как объединение муравьев вокруг капельки меда, – и столь же преходяще, ибо новизна идей исчерпывается (и они поступают на разработку и практическую реализацию следующему, нижнему, корпоративному уровню управления) едва ли не быстрее, чем капля меда в алчущем муравейнике.

Любая внутренняя структуризация, любой регламент, любые обязательные для всех правила и инстанции неминуемо омертвят часть глобального управляющего класса, затронутую ими, и эта часть с неизбежностью выпадет из его состава, пораженная смертельной болезнью бюрократизма.

Любая формализованная структура, кроме совокупности перетекающих друг в друга, изменчивых и никого ни к чему не обязывающих клубов, являющихся всего лишь площадками для выработки зыбкой и постоянно меняющейся повестки дня, неминуемо снизит гибкость и конкурентность глобального управляющего класса и, соответственно, подорвет его эффективность.

Кроме того, в текучей и конкурентной среде невозможен никакой устойчивый баланс интересов, который неминуемо закрепляет собой любая постоянная структура. С одной стороны, это невозможно, потому что сам подобный баланс обязательно изменится, сделав неактуальной построенную на его основе структуру (классическим примером представляется Совет Безопасности ООН, да и вся эта замечательная организация). С другой стороны (и это исключительно интересно), каким бы ни был способ организации структуры, он неминуемо будет вынужденно основан на культуре одной из непримиримо соперничающих мировых цивилизаций.

Хотя бы потому, что универсальных, общечеловеческих культурных кодов, достаточно глубоких и конкретных для того, чтобы их можно было положить в основу действительно эффективной всеобъемлющей организации, как с исключительной убедительностью показывает история последней четверти века, в природе попросту не существует.

И создателям будущего «мирового правительства» придется базироваться на одной из существующих крупных культур, предоставляя тем самым соответствующей цивилизации колоссальное и совершенно нерыночное, не поддающееся рациональному обоснованию и заведомо не приемлемое для всех остальных преимущество.

В самом деле, ведь уже сам выбор принципов структурирования «мирового правительства» неминуемо сделает наиболее значимый элемент среды глобальной конкуренции, то есть само это «правительство», наиболее приспособленным к потребностям той цивилизации, культура которой будет сознательно выбрана или случайно ляжет в основу организационных принципов.

Естественным возражением на это умозаключение является указание на принадлежность основной части современного глобального класса одной-единственной западной цивилизации. Однако она воспринимается как нечто единое лишь на фоне ее противостояния с другими – ранее советской, а в настоящее время поднимающимися китайской и, в значительно меньшей степени, исламской цивилизациями.

Сама же по себе она отнюдь не является монолитной.

На поверхности лежит противостояние, с одной стороны, континентальной европейской и англосаксонской культур, а с другой – иудео-протестантской, по определению Колина Пауэлла (данному Соединенным Штатам), и католической культур. При более глубоком рассмотрении образуются все более дробные деления, все более глубокие пропасти, – и глобальный управляющий класс сохраняет эффективность лишь потому, что даже не пытается выбирать между ними, а принимает в конкурентную борьбу всех; и в разных исторических условиях большего успеха добиваются представители разных культур.

Конечно, в условиях господства рыночных отношений конкуренция в целом ведется в

рамках западной цивилизации, ориентированной на прибыль как меру жизни, но мы видим, как по мере развития на плечах современных технологий процессов глобализации деньги неуклонно теряют значение. А с ними теряет значение и привычная нам западная цивилизация, трансформируясь на своих вершинах – в глобальном управляющем классе – в нечто совершенно новое и непривычное для нас, все чаще пугающе напоминающее раннее Средневековье.

Существенно и то, что, если китайская цивилизация не надорвется в соответствии с жестко проявляющимися на протяжении вот уже тысячелетий циклами своей истории, мы увидим, как глобальный управляющий класс принимает в себя «китайскую волну» точно так же гибко и органично, как до того принимал и все другие национальные волны.

«Хитрым планом» мог бы стать выбор для организационного строительства «мирового правительства» какой-нибудь относительно малораспространенной культуры, «равноудаленной» от всех участвующих в глобальной конкуренции цивилизаций и потому обеспечивающей их равноправие в этом «правительстве». Однако, даже не опускаясь до принципиальной невозможности практического решения этой задачи (так как в глобальном управляющем классе ее попросту некому ставить, как и некому следить за добросовестностью исполнителей), приходится констатировать: она не поддается решению даже теоретически.

С одной стороны, вряд ли существует культура, «равноудаленная» от всех великих цивилизаций: она обязательно будет к кому-то ближе (или станет к кому-то ближе в ходе своей естественной эволюции, объективно ускоряемой предоставлением глобальных преимуществ) и соответственно предоставит этому «кому-то» неприемлемые для остальных преимущества.

С другой стороны, редкость той или иной культуры, ее слабая распространенность, ее неучастие в глобальной конкуренции представляются юридическим доказательством ее неэффективности: если она не распространилась сама собой, значит, она сама по себе не обладает достаточным для глобального успеха потенциалом.

А строить систему мирового управления на заведомо неэффективной базе, опираясь на гарантированных неудачников, даже не столько глупо, сколько нелепо.

Таким образом, создание на базе глобального управляющего класса «мирового правительства» или, точнее, порождение этого «правительства» глобальным классом представляется принципиально невозможным не только в силу того, что любая структуризация и упорядочение сделают этот класс менее гибким и соответственно более косным, создав тем самым угрозу его крушения. Не менее важным является то, что подобная структуризация неминуемо будет строиться на основах, чуждых для какой-либо части этого космополитичного по своей природе класса. Отторгая эту часть и заведомо ставя ее в зависимое положение, эти основы подорвут целостность и, главное, всеобщность, тотальность глобального управляющего класса, являющегося не менее значимым фактором его могущества, чем эффективность сама по себе.

Ведь феномен глобального управляющего класса – образования, по своей мощи невиданного в человеческой истории, – заключается в совершенно уникальном сочетании эффективности и масштабов. До того властные структуры, складываясь в формате организаций (а не конкурирующих внутри себя и друг с другом социальных вихрей), вместе с формой организаций получали и естественные ограничения своего развития, так как всякая организация имеет естественные, заложенные самими принципами ее построения ограничения своего расширения. Расширившись за пределы этих ограничений, она теряет управляемость, становится неэффективной и терпит поражение либо от конкурентов, либо под грузом собственных внутренних противоречий.

Сняв благодаря современным технологиям коммуникации потребность в формальной организации, в формальном структурировании и устойчивой институционализации, глобальный управляющий класс снял тем самым и пределы своего количественного расширения, охватив всю землю и став глобальным в буквальном смысле слова.

Отдаленными предшественниками его представляются построенные по принципу гибкого, неформального управления личные аппараты Рузвельта и Сталина (кажущейся

хаотичности и неопределенности которых вполне справедливо ужасались современные им носители традиционного организационного мышления), а также бериевского Спецкомитета.

Мечта, которой суждено остаться мечтой

У меня есть мечта…
Мартин Лютер Кинг

Казалось бы, изложенное в предыдущем разделе самоочевидно.

Почему же тогда не только штатные пропагандисты и безграмотные «эксперты по всем вопросам», но и выдающиеся мыслители современного человечества и люди, глубоко погруженные в глобальный управляющий класс, не перестают раз за разом и год за годом, несмотря на все срывы, провалы и поражения соответствующих проектов, указывать на формирование институционализованного «мирового правительства» как не только на категорическую необходимость, но и на весьма вероятную реальность?

Прежде всего потому, что тяга к упорядоченности объективна и лежит в самой природе почти каждого человека. Мы с легкостью признаем существование хаоса именно потому, что верим в его недолговечность. Представить себе, что вихревое состояние важнейшего элемента современного человечества – глобального управляющего класса – является нормальным, органически присущим ему и с точки зрения его эффективности и результативности должно сохраняться в течение всего времени его существования, крайне тяжело всякому нормальному человеку. Притом тем тяжелее, чем ближе этот человек стоит к этому классу и чем ближе к сердцу принимает его ценности и интересы.

С другой стороны, представители глобального управляющего класса испытывают все возрастающее раздражение от утраты эффективности национальными бюрократиями. Эти бюрократии вынуждены действовать на административно-политически ограниченных лоскутах единой глобальной экономики и в силу этого заведомо неадекватны последней. Эта утрата не только предоставляет глобальному бизнесу растущие возможности, но и одновременно создает для него все увеличивающиеся проблемы. Естественно, погруженные в текущую деятельность и ориентированные, как правило, на краткосрочные задачи увеличения своих доходов и влияния представители глобального управляющего класса не обращают внимания на диалектическую взаимосвязь своих возможностей и своих проблем, порождаемых объективной неадекватностью национальных бюрократий, и испытывают праведное негодование лишь по поводу последних.

Вероятно, это связано с ростом масштабов деятельности представителей глобального управляющего класса, при котором ущерб от неадекватности национальных регуляторов новым условиям начал превышать прибыль, которую они привыкли извлекать из этой неадекватности.

Последствия их непосредственной, недостаточно продуманной и взвешенной реакции на описанное принципиальное изменение условий могут оказаться трагическими как для них, так и для всего глобального управляющего класса подобно тому, как в начале нулевых годов это произошло в России.

Случай Ходорковского

Классическим примером увеличения масштаба деятельности, которое повлекло за собой принципиальную переоценку ценностей и непродуманную всесторонне попытку устранить те самые управленческие проблемы, которые ранее были источником корпоративных преимуществ, правда на национальном уровне, стала трагедия «ЮКОСа».

Приписываемая Ходорковскому фраза «С нас коррупция началась, на нас она и закончится» при всей своей фактической неточности (достаточно вспомнить, что массовая коррупция стала сознательно развиваться в качестве инструмента макроэкономического регулирования – для защиты российскими производителями национального рынка – примерно с лета 1990 года) весьма внятно характеризует этот качественный перелом.

«ЮКОС», приобретенный в ходе залоговых аукционов «Менатепом», был

обычной олигархической корпорацией, пока его руководство не осознало качественно новой возможности развития бизнеса: привлечения крупного иностранного капитала за счет существенного повышения капитализации компании. В России «ЮКОС» действительно был пионером этой самоочевидной сегодня и стандартной для цивилизованной части мира модели развития бизнеса, что позволило корпоративным пропагандистам заговорить о «юкосизации всей Руси», а самой компании дало существенные конкурентные преимущества.

В результате ее расширение шло опережающими других темпами, что в сочетании с органически присущей именно этой компании слабостью системы отношений с государством (которые не носили системный характер и ограничивались в основном случайно сформировавшимися личными отношениями ее руководства) привело к максимальной болезненности именно для нее неэффективности государственного управления.

Увеличение масштаба деятельности компании превратило государство в ее неизбежного партнера – и неспособность последнего принять разумное и рациональное решение и, главное, выполнить уже принятое решение стало оборачиваться для нее огромными потерями. В то же время катастрофически низкое качество *government relation* не позволяло ее руководству эффективно прогнозировать поведение аппарата государственного управления.

В результате страдающее от неэффективности государственного управления (и в первую очередь правительства России) руководство «ЮКОСа» осознало повышение качества этого управления как собственную корпоративную задачу – и со всей искренностью и серьезностью взялось за ее решение.

При этом, видя перед собой явную, очевидную и крайне раздражающую в силу этого любого носителя здравого смысла неэффективность, они не задавались вопросом о политических причинах ее длительного сохранения. Находясь в упоении от собственной стремительно расширяющейся (в ходе личного обогащения) власти, они в принципе не задумывались о том, что извлекающие статусную и политическую ренту из некачественной работы государственного аппарата высокопоставленные чиновники могут оказаться сильнее их.

Добросовестно и тщательно проанализировав деятельность правительства, руководители «ЮКОСа» выявили ее непосредственный управленческий источник – то, что председатель правительства не назначает и не увольняет образующих это правительство министров, что дает им возможность не исполнять его указаний и тем самым саботировать деятельность правительства как единого управленческого механизма.

В соответствии с этим пониманием была сформулирована четкая и ясная задача: разработать и внедрить в российскую государственность механизм, при котором министры были бы вынуждены подчиняться премьеру. Ограничением этого механизма стала недопустимость формального изменения Конституции в силу его трудоемкости и, соответственно, чрезмерно высокой даже для олигархической компании стоимости.

В результате, вероятно, тщательных изысканий было найдено решение: переход к парламентской республике по французскому типу, в которой сохраняется сильный президент, но он служит правительству противовесом и не имеет возможности непосредственно и постоянно вмешиваться в его дела. Представляющий же победившую на парламентских выборах партию премьер формирует правительство и непосредственно управляет его деятельностью.

Сформулировав эту задачу, руководство «ЮКОСа» немедленно и в лоб взялось за ее решение: провозгласило необходимость перехода России к парламентской республике, продемонстрировав тем самым трагическое непонимание политического значения, казалось бы, сугубо управленческих факторов.

Понятно, что задуманное из исключительно управленческих соображений изменение механизма государственного управления России существенно ослабляло бы фактически царские полномочия президента и, с другой стороны, резко повышало бы политическую значимость премьера. Премьером в то время (весной 2003 года) был Касьянов, который как раз перестал быть сугубо «техническим» деятелем и начал все более наглядно демонстрировать свой честно заработанный и уже довольно значительный политический вес.

В результате стремление руководства «ЮКОСа» к снижению своих издержек за счет повышения качества государственного управления приобрело вид подготовки заговора для свержения (или, по крайней мере, резкого ограничения возможностей) президента В. В. Путина. Поскольку Касьянов в свое время был близок к олигархическим представителям старой ельцинской «семьи», в частности, к уже низвергнутому в то время «черному человеку» российской политики – Березовскому, данный заговор выглядел как предельно откровенная и наглая попытка реванша этих сил.

Известно, что в критических условиях объяснять что-либо бывает уже поздно, тем более, что руководство «ЮКОСа», насколько можно судить, до последнего момента не понимало в полной мере, что происходит, и не подозревало о том, что своими действиями невольно и неосознанно, но поставило перед руководством страны единственный вопрос, по которому в принципе не бывает никаких значимых компромиссов, – вопрос о власти.

Результат известен: разгром одной из лучших в то время по качеству хозяйственного управления российских компаний и большое число человеческих трагедий (включая несколько смертей – сегодня, по всей видимости, можно назвать как минимум, с одной стороны, Р. Цепова, а с другой – В. Алексаняна). Чуть более отдаленным, но также следствием этого процесса стала скоропалительная отставка в начале 2004 года второго к тому времени по качеству после Е. М. Примакова (хотя и с катастрофически большим отставанием) премьера России – Касьянова с длительным параличом правительственных структур в ходе скоропалительной и непродуманной разрушительной «административной реформы».

Естественной реакцией на несоответствие территориальной ограниченности сферы компетенции каждой национальной бюрократии и глобального характера объекта регулирования – глобальной экономики – представляется надстройка национальных бюрократий до глобального уровня. То, что глубина противоречий (не только коммерческих, но и культурных, что намного важнее) на этом уровне существенно превышает все, что можно представить себе на уровне национальном и даже региональном (например, в Европейском союзе), принципиально отвергается перед лицом всепоглощающей потребности эффективного глобального регулирования, осуществляемого в собственных целях.

Грубо говоря, корысть глаза застит и не позволяет осознать, в частности, фундаментальность противоречия между функциями регулятора рынка и ролью ключевого игрока этого же рынка (мы привыкли наблюдать этот феномен на порой душераздирающем примере американского государства).

Будучи не в силах осознать характер своего противоречивого положения (хотя бы потому, что подобное осознание прямо противоречит его непосредственным коммерческим интересам), глобальный управляющий класс в своих инстинктивных действиях повторяет шаблоны, как это ни странно, советской бюрократии. Он пытается решить проблему созданием соответствующего специализированного учреждения, в данном случае – универсального глобального регулятора в лице мирового правительства. При этом искренне предполагается, что данное правительство будет государственным по форме и коммерческим по духу, то есть, формально служа интересам всего человечества и выступая в роли глобального регулятора, на деле будет обслуживать интересы ключевых игроков регулируемых рынков – глобальных монополий.

Данное противоречие, как представляется, в принципе невозможно осознать изнутри него, – просто потому, что подобное осознание прямо противоречит собственным коммерческим интересам осознающего.

Таким образом, глобальный управляющий класс стремится к институционализации, обуреваемый собственной корыстью и соображениями удобства, а также в силу фундаментальных представлений, унаследованных им из предыдущей эпохи иерархических систем управления. Нереализуемость его коллективных желаний столь же мало волнует его, как волновала она сатрапов далекого деспотического прошлого. Его также совершенно не волнует, что формирование мирового правительства (сколь угодно неформального и гибкого) на его собственной базе существенно ограничит его нынешнюю гибкость и адаптивность и тем самым

драматически снизит его собственную эффективность.

О снижении конкурентоспособности речи при этом не идет, так как глобальный управляющий класс в принципе не имеет субъекта хотя бы потенциальной конкуренции, на голову превосходя по своему качеству все остальные субъекты управления.

Однако, осуществляя глобальное регулирование, он непосредственно и постоянно сталкивается с объективными тенденциями, частично используя их, а частично пытаясь их перебороть, что на деле оборачивается их корректировкой. Институционализация глобального управляющего класса поневоле повысит его косность, какой бы низкой она ни была, и ослабит его возможности не только по корректировке объективных тенденций, но и по их постижению (как сознательному, так и интуитивному), объективно повысив тем самым возможности поневоле противостоящих ему национально, патриотически ориентированных управляющих систем.

Строго говоря, стремление глобального управляющего класса к институционализации в форме мирового правительства выражает общее противоречие между стремлением к гибкости и адаптивности и столь же объективно обусловленным стремлением к стабильности и надежности, характерным для любой управляющей системы. Внешние конкурентные условия предъявляют требования к гибкости, в то время как собственные интересы управленцев вызывают постоянное и усиливающееся по мере приближения к гарантированному благополучию стремление к стабильности. Ослабление внешнего конкурентного давления позволяет стремлению к стабильности возобладать, что ведет к окостенению системы, что мы весьма наглядно наблюдали на примере краха Советского Союза.

Глобальный управляющий класс имеет встроенную защиту от подобного краха в виде принципиально открытого, гибкого, конкурентного метода своего формирования. Однако эта конкуренция носит исключительно внутренний характер; никаких внешних угроз для него после победы над советской цивилизацией и его эмансипации от развитых государств не существует. Формирующаяся же китайская глобальная элита, скорее всего, будет включена им в свой состав (более того, этот процесс, насколько можно судить по ряду разнообразных косвенных признаков, уже идет полным ходом).

В отсутствие категорического императива в виде внешнего принуждения к гибкости глобальный управляющий класс может постичь характерная для управляющих систем трагедия окостенения, которая возобладает над его внутренней конкуренцией, – и популярность идеи мирового правительства, при всей своей заведомой принципиальной нереализуемости, весьма выразительно отражает эту новую тенденцию, впервые за всю эпоху глобализации дающую шанс национальным правительствам.

* * *

Подробно описав современный глобальный управляющий класс, можно переходить к отдельным проектам, по необходимости развивающимся и реализующимся в его рамках и внутри него как в их неизбежной социальной среде.

3.2. Консервация американского доминирования на едином мировом рынке

Наиболее мощным участником современной глобальной конкуренции является американская бюрократия, одновременно выражающая противоречащие друг другу интересы глобального управляющего класса и американского общества.

Импичмент Никсона видится в настоящее время моментом окончательного возобладания транснациональных корпораций (еще до складывания глобального управляющего класса в его нынешнем виде) над собственно американским обществом, однако его собственные интересы периодически проявляются в американской политике, как, впрочем, и самостоятельные интересы американской бюрократии.

Глобальные монополии, в особенности наиболее значимая финансовая их часть (хотя даже многие горнодобывающие компании получают основную часть прибыли не от продажи

добываемого сырья, а от оборота выручки на финансовых рынках), кровно заинтересованы в сохранении сложившегося к настоящему времени status quo. Они готовы пойти в прямом смысле слова на любые действия ради консервации нынешней системы единых глобальных рынков, на которых почти безгранично доминируют американские или же тесно связанные с ними корпорации развитых стран Запада.

Это их органичная и наиболее комфортная среда обитания, в значительной степени сформированная в последние десятилетия их собственными, без всякого преувеличения, титаническими усилиями.

К сожалению, она разрушается, и этот процесс носит объективный характер. Представители глобальных монополий, связывающие свое будущее с бесконечной пролонгацией сложившейся ситуации, демонстрируют не только пагубное непонимание жизненно важной для них реальности, но и критически опасный для них интеллектуальный уровень, не позволяющий им осознавать происходящее и рассчитывать на сколь-нибудь приемлемое будущее.

Правда, в ряде случаев представители глобальных монополий занимают столь странную и неразумную позицию по сугубо корпоративным причинам – просто в силу специализации своих компаний. Например, глобальные инвестиционные банки, за редким исключением, объективно ориентированы на операции в рамках глобального рынка. Поэтому они обречены ради сохранения самих себя в привычном и естественном для себя виде стремиться сохранить единство и целостность этих рынков любой ценой и любыми способами – даже вопреки всем доводам здравого смысла и все более очевидным тенденциям их собственной эволюции.

Сжигание безнадежных долгов в пламени третьей мировой войны

Ключевой проблемой для представителей глобального финансового бизнеса, объективно самим характером своих операций заинтересованных в сохранении единых глобальных рынков, является проблема невозможности погасить накопленные долги (именно она воспринимается как главная и непосредственная угроза, способная в принципе разрушить среду обитания этого бизнеса).

Последовательно реализовывавшаяся США стратегия экспорта нестабильности, переросшая затем в стратегию экспорта хаоса, как было показано выше, практически выработала свой ресурс и к настоящему времени наглядно исчерпала свои возможности.

Судя по действиям американской бюрократии в отношении Исламского государства и украинской катастрофы, заметная часть американской и глобальной элиты вполне осознанно и целенаправленно стремится к разжиганию третьей мировой войны, которая станет вполне достаточным (и единственным легитимным) основанием для массового списания долгов США, а возможно, и других развитых стран Запада.

Ведь просто отказаться от своих долгов или их значительной части (как Никсон отказался от обязательств обменивать доллары на золото по фиксированному курсу) США не могут, так как прежде всего это будет их полной дискредитацией и станет актом уничтожения тех самых глобальных финансовых рынков, которые стремится сохранить ориентированная на сохранение status quo часть их национальной и глобальной элиты. Кроме того, значительная часть их долга принадлежит Федеральной резервной системе, образованной частными банками, и утрата ими своих наиболее надежных и ликвидных активов может привести к их банкротству и уничтожению всей финансовой системы США в ее современном виде.

В то же время отмена своих долгов в результате чудовищного катаклизма мирового масштаба будет оправдана и объяснена самим этим катаклизмом, что позволит США сохранить свою репутацию и доверие участников глобального рынка. Если этот катаклизм, как и в прошлые разы, не затронет их территорию непосредственно, дело вполне может ограничиться временным введением чрезвычайного финансового режима, который позволит банковской системе обойтись потерей не критически значимых для нее активов и санацией, но не разрушением.

Разумеется, этот подход слишком страшен, чтобы возобладать прямо сейчас, но еще несколько лет назад он представлялся вообще невозможным. В настоящее же время стратегия

экспорта хаоса, логически развиваясь и на глазах теряя свою эффективность, может вполне последовательно и внутренне непротиворечиво подвести руководство США к осознанию необходимости крупномасштабного военного катаклизма, по своим масштабам сопоставимого с мировой войной.

Разумеется, угроза сколь-нибудь масштабного применения ядерного оружия (и даже простых «грязных бомб» из радиоактивных материалов) создает серьезный психологический и политический барьер для принятия соответствующего решения. Однако развитие высокоточного оружия и влияние на потенциальных участников конфликта уже через несколько лет, как представляется, сможет дать руководству США необходимые для принятия соответствующего решения гарантии.

Побочными целями разжигания третьей мировой войны, помимо списания неприемлемых долгов (понятно, что для политического руководства страны эта цель вряд ли когда бы то ни было может быть признана основной), скорее всего, будут кардинальное и долговременное ослабление потенциала стратегических конкурентов США, которыми они в настоящее время осознают Европейский союз и Китай, и недопущение тесного союза между ними за счет долговременной дестабилизации нашей страны.

Стоит повториться: при всей кошмарности подобных замыслов некоторые действия американского руководства при создании и оказании поддержки Исламскому государству и организации общественной катастрофы на Украине по своим масштабам и последствиям производят впечатление выходящих за рамки рутинной стратегии экспорта хаоса и могут быть подготовкой некоторой части американских элит к развязыванию в будущем третьей мировой войны.

Метатехнологии: смешение правил игры

Другим способом сохранения сегодняшнего доминирования США на глобальных, в первую очередь финансовых, рынках представляется использование происходящего сейчас изменения ключевого инструмента и признака господства.

Как было показано выше, символом и инструментом достижения успеха вместо никак не связанных со своим владельцем и потому с легкостью отчуждаемых от него денег постепенно становятся неразрывно связанные с их разработчиком и потому весьма слабо поддающиеся отчуждению технологии.

Сохранение господства в условиях нарастания кризиса старой организации рынков может быть обеспечено за счет кардинального изменения правил игры, точнее – массового применения хозяевами этих рассыпающихся рынков управленческих и производственных технологий, преобразующих саму ткань этих рынков и меняющих отношения между их участниками. Последние (или, по крайней мере, их поведение) должны быть переформатированы этими технологиями таким образом, чтобы начать поддерживать сохранение глобальных рынков и доминирование США на них даже в ущерб своим собственным и при этом вполне осознаваемым ими интересам.

При всей сложности и даже парадоксальности этой задачи в ней не видится ничего принципиально невозможного: ее практическое решение представляется связанным прежде всего со стремительно распространяющимися в последние годы метатехнологиями.

Специфика этого класса технологий заключается в том, что они не позволяют их пользователю конкурировать с их разработчиком, объективно в силу самой их природы ставя его в зависимость от последнего. Это обеспечивается, как правило, за счет неустранимого, принудительного, обусловленного технологическими, а не организационно-управленческими факторами открытия всего процесса управления перед структурой, предоставляющей используемые технологии.

Наиболее яркий и полный пример подобного влияния – использование удаленных хранилищ данных. Гейтс говорил об этом как о стоящей на пороге революции еще в 1997 году, однако массовая и практическая реализация произошла лишь в 2010-е годы – с повсеместным распространением облачных технологий. Понятно, что создавшая и обслуживающая такое удаленное хранилище данных структура получает прямой и ничем не ограниченный, кроме

собственной добросовестности и этичности, доступ к информации пользователей.

При этом, например, социальные сети нисколько не скрывают, что используют указанную информацию и даже превращают ее в значимый источник своих доходов (продавая разнообразные профили пользователей); при этом непременная оговорка об использовании лишь обобщенных и полностью анонимизированных данных носит, насколько можно судить, неизбежно условный характер.

Аналогичной властью над пользователями (хотя и значительно более сложно реализуемую по технологическим причинам) обладают, как представляется, владельцы дата-центров и крупных хостингов, а также сервисов электронной почты и других электронных сервисов, контролирующих огромные потоки информации.

Не стоит забывать и того, что современное программное обеспечение (за исключением разве что Linux с его открытым программным кодом) имеет огромную часть закрытых кодов, происхождение и назначение которых, строго говоря, остается неизвестным, так как принципиально не раскрывается разработчиками. По некоторым оценкам, в программном обеспечении Apple закрытый программный код достигает 80 % от общего объема, а в программном обеспечении Microsoft – 50 %. Представляется вполне очевидным, что в принципе это скрытое программное обеспечение, занимающее значительное место, отнимающее огромные мощности соответствующих программ и стоящее огромных усилий разработчиков, может быть не результатом каких-либо странно неустраняемых небрежностей, а инструментом слежения за пользователем, сбора и систематизации его персональной информации.

Вряд ли случайным является, например, введенный в Китае запрет на использование продукции компании Apple рядом категорий государственных служащих и высокопоставленных менеджеров государственных компаний – притом что эта компания производит свои гаджеты непосредственно в том же Китае!

Важным инструментом контроля за пользователями технологий является технологически неизбежная возможность удаленного управления. *Скажем, современные высокоточные станки с числовым программным управлением, как правило, связаны с сервисными центрами своих производителей через Интернет. Серия весьма странных и трудно объяснимых в обычных обстоятельствах аварий на российских оборонных предприятиях после обострения отношений с Западом в 2014 году заставила отечественных специалистов рассматривать эту связь как потенциальный инструмент не только сбора информации, но и внешнего перехвата управления производственными процессами.*

Самое же важное заключается в том, что все большая часть современных технологий не продается пользователю, а передается ему в своего рода аренду. *Так, вместо покупки современных редакторов Windows на сайте Microsoft можно по существенно меньшей цене купить право их использования в течение нескольких лет.*

Понятно, что в случае создания сколь-нибудь значимых проблем для разработчика и владельца технологий (или просто возникновения у последнего соответствующих подозрений) доступ к технологии у «проблемного пользователя» может быть по тем или иным причинам (вплоть до банальной ссылки на технические трудности) аннулирован, – и он лишится возможности продолжать свою деятельность.

Метатехнологии: принудительное обновление

Виды метатехнологий отнюдь не исчерпываются описанными выше своего рода шпионскими технологиями, основанными на прямом и принудительном доступе разработчика или владельца используемой технологии к информации пользователя.

Важной их категорией представляются технологии, основанные на объективной необходимости постоянного обновления используемого продукта.

Понятно, что даже простой конфликт, не говоря уже о попытке конкуренции в той или иной форме с разработчиком подобных технологий, лишит неосмотрительного пользователя доступа к новым версиям технологии, что может сделать его попросту неконкурентоспособным. *В частности, новые версии технологий часто являются совсем*

несовместимыми или, по меньшей мере, лишь частично совместимыми со старыми. Например, новые версии многих программ легко используют продукцию их старых версий, но подготовленные в них материалы сплошь и рядом оказываются недоступными для пользователей старых версий.

Технологии формирования сознания должны постоянно обновляться, так как и общественное, и индивидуальное сознание в силу своей высокой гибкости приспосабливается к воздействию на себя и вырабатывает своего рода иммунитет к внешним воздействиям (человек ко всему привыкает).

Отсечение той или иной управляющей системы от новых версий соответствующих технологий приведет к утрате ею способности управлять, и контролируемые ею общественные процессы неизбежно выйдут из-под контроля. Это может привести к самым разнообразным, но в целом негативным последствиям.

Представляется весьма существенным, что контроль за постоянно принудительно обновляющимися технологиями может означать тем самым и контроль за натуральными ресурсами, непосредственно связанными с обеспечением жизненных потребностей человека.

Например, антибиотики должны постоянно обновляться, так как болезнетворные микроорганизмы, эволюционируя, вырабатывают привыкание к ним. Разработка и клинические испытания новых видов и тем более поколений антибиотиков являются исключительно сложным и дорогостоящим делом, в принципе непосильным большинству стран мира. Соответственно, возможность прекращения поставок новых лекарств означает прямую и явную угрозу физического уничтожения.

Современные высокопроизводительные сельскохозяйственные культуры, особенно генно-модифицированные, выведены таким образом (насколько можно судить, вполне сознательно), что не дают пригодных для посева семян. Сельхозпроизводители вынуждены постоянно покупать у создателей соответствующих сортов и семена, и разнообразные средства ухода для растениями (выпускаемые также только производителем соответствующих семян) и тем самым находятся у них в полной зависимости: прекращение продаж будет означать автоматическое прекращение сельхозпроизводства.

Принципиально важно, что для поддержания высокой эффективности сортов современных сельскохозяйственных культур к ним надо постоянно добавлять гены дикорастущих растений при помощи скрещивания с их дикими предшественниками. Чтобы иметь возможность делать это, необходимо иметь хранилища генофонда – масштабные коллекции семян диких растений, которыми обладают в настоящее время менее двух десятков государств.

То, что крупнейшая коллекция создана под покровительством все того же Гейтса на Шпицбергене, позволяет предположить внимание глобального управляющего класса к этой теме и готовность его к активным действиям (вплоть до диверсионного уничтожения альтернативных коллекций диких семян для закрепления своей монополии).

*** * ***

Подводя итог, следует зафиксировать: широкое распространение метатехнологий открывает эпоху принципиально новых не финансовых, а сугубо технологических форм господства, основанных на полном контроле не за богатствами людей и организаций, а через контроль за инфраструктурой их деятельности, непосредственно за самой этой деятельностью (по крайней мере в ее наиболее важных, критически значимых формах).

Распространение этих технологий кардинально меняет характер взаимодействия между людьми и организациями, формы и закономерности экономического и в целом общественного развития. Поэтому массовое применение этих технологий может, приведя к принципиальной перестройке самих норм и правил рыночной деятельности, изжить нынешний кризис глобальных рынков или по крайней мере законсервировать их на долгое время, сохранив и даже многократно усилив доминирование на них глобальных монополий, в первую очередь базирующихся в США.

Замена сравнительно равноправных рыночных отношений технологическими

отношениями, ставящими пользователей технологий в полную и всеобъемлющую зависимость от их разработчиков и владельцев, как представляется, в принципе **может стать механизмом преодоления современного кризиса глобальных монополий** и еще большего, уже не количественного, а качественного укрепления их власти.

Процесс этот, насколько можно судить, уже начат: одним из подтверждений являются масштабные и постоянные вложения частных капиталов в государственные ценные бумаги США (пусть даже и недостаточные относительно растущих потребностей последних), продолжающиеся даже тогда, когда они являются гарантированно убыточными. Согласие участников рынка на убытки ради безопасности – яркий пример массового нерыночного поведения, вызванного контролем США за инфраструктурой мировых рынков (из-за чего в любой момент может рухнуть почти любой рынок, кроме рынка их государственных бумаг) и, что представляется даже более важным, **за инфраструктурой принятия решений значимыми участниками этих мировых рынков** .

Данный проект в настоящее время представляется магистральным, базовым для глобального управляющего класса, однако в силу его качественной, принципиальной новизны (и, что не менее важно, непрозрачности) и внутренней сложности спрогнозировать его последствия в настоящее время не возможно. Неминуемая частичность анализа, органически присущая представителям бизнеса (пусть даже глобального) в силу самого характера их деятельности, в конечном счете обрекает проект построения технологической диктатуры на провал. Однако любая попытка оценить то, каким именно он будет и когда (а главное, на каком этапе реализации) произойдет, в настоящее время преждевременна.

3.3. Наднациональное управление единым мировым рынком

Данный проект сводится к созданию в той или иной форме «мирового правительства», объективная невозможность которого и объективная же неизбежность стремления к которому даже самых разумных представителей глобального управляющего класса подробно разобрана в разделе 3.1.

Наиболее серьезная попытка создания единого глобального центра финансового управления, своего рода финансового Госплана, по выражению Сороса, была закончена скандальной отставкой Стросс-Кана с поста директора-распорядителя МВФ (еще более скандальной из-за того, что в итоге с него были сняты так громко и торжественно выдвинутые обвинения).

Помимо фундаментальных предпосылок создания единого органа управления глобальным рынком, описанных выше, представителями глобального управляющего класса движет и повседневная, сугубо техническая потребность в обеспечении стабильности. Ситуация на мировых рынках, строго говоря, все больше напоминает конец XIX – начало XX века в США, когда самостоятельно, на свой страх и риск и по собственному усмотрению осуществляемая крупнейшими банками США кредитная эмиссия стала фактором дестабилизации единого американского хозяйства. Ее растущие масштабы объективно требовали создания единого финансового регулятора, координировавшего эмиссию и страховавшего риски отдельных банков.

Поскольку американская государственность, исторически вызревавшая и учреждавшаяся снизу, к тому времени так и не созрела до самостоятельного создания такого регулятора, он был, несмотря на отчаянное сопротивление общества, учрежден самими банкирами как «банк банков» – Федеральная резервная система (ФРС).

Представители глобального управляющего класса не могли не видеть аналогии глобального финансового рынка с американским финансовым рынком столетней давности с той разницей, что место крупных американских банков на нем занимали национальные банки крупнейших и наиболее значимых стран.

Создание глобального регулятора для глобального же рынка является строго логичной идеей, не учитывающей лишь одного существенного фактора: политической независимости национальных банков. По сути дела, они являются ключевым элементом государственного суверенитета, которым отнюдь не были готовы жертвовать представители наиболее

влиятельных государств и в первую очередь США.

Именно американская бюрократия, ориентированная на реализацию национальных интересов США (разумеется, и своих собственных), похоронила идею создания глобального регулятора, наиболее далеко продвинувшуюся к своему осуществлению за все время своего существования.

Уже было решено, что новый регулятор (своего рода глобальный банк национальных банков) будет создан на базе МВФ (что представляется вполне логичным). Уже были определены основные правила и принципы его функционирования и регулирования им эмиссии национальных валют (воплощение которых в жизнь привело бы к катастрофе в целом ряде даже сравнительно развитых стран, однако, весьма вероятно, продлило бы за счет этого существование глобального рынка в его современном виде). Уже был найден взаимоприемлемый руководитель нового глобального регулятора – директор-распорядитель МВФ Стросс-Кан.

Практическая подготовка необходимых для запуска нового глобального проекта массивов документов приобрела такие масштабы, что в нее была непосредственно вовлечена даже российская бюрократия. Ведь обычно она в силу своей то ли некомпетентности, то ли зависимости не допускалась в рамках «большой восьмерки», когда та еще существовала, до рассмотрения конкретных проблем глобальных финансов. *(Стоит напомнить, что тогдашние министр финансов Кудрин и председатель Банка России Игнатьев лишь один раз были приглашены на совещание руководителей денежных властей «большой восьмерки», после чего на них перестали тратить время, приглашая руководителей денежных властей, не входивших формально в «большую восьмерку», но зато непосредственно влиявших на глобальные финансы Китая и Индии. По всей видимости, их министры финансов и председатели национальных банков обладали необходимым для серьезных дискуссий уровнем компетентности. Кроме того, вероятно, они обладали минимальной самостоятельностью, позволявшей им самим принимать решения об управлении финансами своих стран и соответственно создававшей необходимость убеждать их или, по крайней мере, выяснять их мнение.)*

Однако, несмотря на все влияние и мощь глобального управляющего класса, в том числе и в сфере формирования сознания национальных элит, он не смог переломить инстинкта самосохранения американской бюрократии, в первую очередь связанной с ФРС.

Ведь представлялось совершенно очевидным, что создание глобального регулятора подорвет в первую очередь именно ее позиции, так как в настоящее время она, будучи формально национальным регулятором с исключительно национальной сферой ответственности, в силу американского доминирования является на самом деле глобальным регулятором. Исключительно важная ее особенность заключается при этом в ее принципиальной и полной свободе от ответственности за любые последствия ее деятельности, наступающие за пределами США.

Таким образом, ФРС наиболее полно и ярко выражала своей деятельностью и своим положением сущность «американского противоречия» между исполнением одновременно роли ключевого участника глобальных рынков и их же наиболее влиятельного арбитра.

Создание глобального регулятора задумывалось и осуществлялось как способ в том числе и снятия этого противоречия, но за счет драматического сужения реальных функций, возможностей и степеней свободы ФРС. При этом весьма важно сознавать, что ограничение произвольного, корыстного и в принципе безответственного влияния США на жизнь формально независимых и суверенных стран (каким было бы, в частности, ограничение возможностей ФРС в пользу глобального финансового регулятора) воспринимается в американской политической культуре как не имеющий никаких оправданий злостный и злонамеренный подрыв суверенитета США.

Подчинение американских институтов каким бы то ни было внешним, в том числе международным структурам (даже находящихся под преобладающим влиянием США) представляется крайне раздражающим и обычно неприемлемым для американского общества. Даже на формально юридическом уровне США остаются одной из немногих стран мира, в которых национальное законодательство имеет абсолютный приоритет над нормами международного права, пусть даже и одобренными американскими же законодателями. В

данном случае проблема была усугублена тем, что влияние на глобальный финансовый регулятор оказывала бы часть американской бюрократии, не связанной непосредственно с ФРС.

Таким образом, ФРС и влияющие на ее решения финансовые группы оказались бы в абсолютном проигрыше, а американская бюрократия в целом – в относительном (так как ее влияние на глобальный регулятор сдерживалось бы другими участниками глобального рынка, в отличие от ее влияния на ФРС, каким бы слабым оно ни было).

Тем не менее на аппаратно-политическом уровне представители глобального управляющего класса, стремившиеся к освобождению глобального регулирования от американского влияния и к его самостоятельной институционализации, одержали убедительную победу. Подготовка к созданию глобального регулятора шла полным ходом – и представителям ФРС, как и американской бюрократии, пришлось пойти на беспрецедентный политический скандал, по сути дела, масштабную спецоперацию, чтобы сорвать эту подготовку.

Действительно, на следующий же день после ареста Стросс-Кана всякая подготовка к созданию глобального регулятора полностью прекратилась, как будто никогда не велась, а соответствующая тема полностью исчезла из всех официальных документов, как будто ее и не было.

Более того, администрация президента Обамы весьма быстро и жестко очистилась от представителей традиционных для американского государственного управления представителей инвестиционных банков (насколько можно понять, их руководство поддержало идею оскопления американской государственности созданием глобального регулятора), которые были заменены на выходцев из других инвестиционных банков США.

Это свидетельствует о том, что идея создания глобального регулятора отложена вновь, по всей видимости, до следующего витка исторического развития, а с учетом весьма вероятного предстоящего распада глобальных рынков, скорее всего, навсегда.

3.4. Распад мирового рынка и обслуживание взаимодействия его элементов

Разумеется, представители глобальных монополий и непосредственно выражающего их интересы глобального управляющего класса изучают процессы развития современного человечества значительно более тщательно и всесторонне, чем представлено, например, в предлагаемой вашему вниманию книге. Это связано не только с их практически неограниченными финансовыми ресурсами, но и с бóльшим, чем у большинства аналитиков и исследователей, интересом к будущему развитию человечества.

Прежде всего, это вызвано, как представляется, тем, что они обладают повышенной жизненной активностью, непосредственно участвуют в борьбе за власть и влияние и что для них недооценка значимых тенденций может привести не к потере денег или возможностей, как для большинства обычных людей, а к полному жизненному краху. Главное же заключается, насколько можно судить, в том, что в силу своего огромного влияния они имеют шанс весьма существенно скорректировать практическую реализацию объективных закономерностей общественного развития или вовсе сформировать принципиально новые общественные тенденции (так как благодаря своему могуществу многие из них искренне считают себя демиургами, творцами будущего для всего остального человечества). В любом случае понимание будущих перспектив может обеспечить им по крайней мере возможность заранее скорректировать поведение огромных хозяйственных организмов, которыми они управляют и которые в целом представляются значительно более инерционными, чем небольшие фирмы или обычные домохозяйства.

Из-за специфического интереса к будущему представители глобального управляющего класса не могут не сознавать если не неизбежности, то, по крайней мере, высокой вероятности распада глобальных рынков во вполне обозримой (уже среднесрочной) перспективе.

Когда жизненные интересы представляемых ими структур страдают от такого распада, они объективно, под влиянием выполняемой ими общественной функции, вынуждены либо последовательно игнорировать эту перспективу, либо напрягать все силы в, скорее всего,

тщетных попытках не допустить ее реализации.

Однако некоторые глобальные структуры в силу своего образа действия, истории функционирования и коллективного сознания не только совместимы с распадом глобальных рынков (строго говоря, это относится и к любой другой объективной или кажущейся таковой закономерности), но и способны воспользоваться ими для своей выгоды или укрепления. Это ставит их в качественно иное положение – не обреченных на заклание жертв (пусть даже пока еще и неизмеримо мощных и процветающих), но фактических хозяев истории, способных оседлать исторический процесс и превратить его в объективный и потому неодолимый источник своего усиления.

Далеко не весь глобальный бизнес ориентирован исключительно на деятельность в рамках расширявшихся международных рынков, доведенных им до состояния глобальности. Значительная его часть исторически зарабатывала свои сверхприбыли за счет организации взаимодействия между разрозненными, отделенными друг от друга рынками, искусно играя на их обособленности. По терминологии М. Л. Хазина, если первые являются «банкстерами», то вторые – «купцы», и благодаря самой специфики своей деятельности они представляют значительно более «старые», а следовательно, более скрытые и более стратегически ориентированные капиталы.

Для последних распад глобальных рынков на макрорегионы не только не станет катастрофой, но, напротив, вернет их в исторически привычную среду функционирования. В ней они просто в силу накопленного опыта (в том числе неосознанного, существующего в виде ритуалов и традиций) не будут иметь себе равных или, как минимум, получат существенное конкурентное преимущество, которым не обладают в настоящее время на ставших привычными нам глобальных рынках.

Данная часть глобального бизнеса ассоциируется с условной «группой Ротшильдов», которая несколько лет назад (что представляется весьма знаменательным и, возможно, является предвестием предстоящей смены правил игры) нанесла символическое поражение «группе Рокфеллеров», осуществив широко разрекламированное асимметричное объединение активов (пусть и совершенно незначительных для обеих групп). Она объективно ориентирована на разделение глобального рынка на максимально возможное число относительно устойчивых макрорегионов просто потому, что, чем таких регионов будет больше, тем сложнее будет взаимодействие между ними и тем большие прибыли и влияние сможет принести организация и использование этого взаимодействия.

Стоит отметить, что данная группа глобального бизнеса объективно представляется стратегическим союзником России, причем вне зависимости от внутреннего состояния нашей страны, от ее устремлений и идеологии, от ее силы или слабости. Ведь сама заинтересованность в максимальном количестве макрорегионов создает у представителей этой группы потребность в успешном создании Россией собственного макрорегиона при помощи тех или иных проектов реинтеграции той или иной части постсоветского пространства.

К сожалению, в свое время при зондировании тогдашнего российского руководства представители данной группы глобального бизнеса, насколько можно судить, попросту не смогли найти в нем ответственных и влиятельных партнеров, обладающих стратегическим видением и потому способных на сознательное партнерство. Попытка установить понятные для руководителей нашей страны сугубо коммерческие отношения привели к стратегически неудачному сотрудничеству с ТНК, а затем «Роснефть» переориентировалась на входящую в «группу Рокфеллеров» ExxonMobil. Лишь введение западных санкций против России и снижение мировых цен на нефть если и не подорвавшие, то во всяком случае существенно приостановившие данное сотрудничество, создали возможность (которая, увы, все еще остается только возможностью) для выстраивания осознанного стратегического сотрудничества с нашей страной.

Если эту возможность удастся реализовать, она может открыть перед российским обществом новые заманчивые перспективы именно в условиях обрушения мира в глобальную депрессию.

Однако к настоящему времени признаков реализации или хотя бы осознания этой возможности российским руководством не наблюдается – и потому создание самостоятельного

российского макрорегиона, по всей видимости, пока не является для указанной группы глобального бизнеса самостоятельно значимой целью. Гораздо более важной и приоритетной для нее задачей в современных условиях постепенно становится сохранение жизнеспособности китайского макрорегиона (в том числе и за счет всемерного развития стратегического сотрудничества с Россией). Россия благодаря агрессивной позиции Запада, фактически развязавшего против нее гибридную войну на уничтожение, постепенно все в большей степени превращается в «надежный стратегический тыл великого Китая».

3.5. Возвращение Китая в центр мира

Стремительное и неуклонное возвышение Китая представляется главным, наиболее важным и значимым событием всей международной истории после уничтожения Советского Союза. Развиваясь в разы быстрее остального мира на протяжении небывало длительного времени, он повысил свой удельный вес в мировой экономике с 1,7 % в 1990-м до 13,1 % в 2014 году (по рыночному курсу валют, учитывающему страновые риски и, как правило, несколько занижающему долю незападных стран), в 2007 году обогнав Германию и в 2010-м Японию. По официальным прогнозам, к 2020 году (а в реальности до 2018-го) Китай даже при намеченном весьма существенном замедлении роста опередит по масштабам экономики США и станет глобальным лидером; при оценке же национальной экономики по паритету покупательной способности он уже опередил США.

Уже в течение длительного времени Китай является далеко не просто «мастерской мира». Предъявляя огромный, постоянно растущий и все более разнообразный спрос не только на сырье, но и на инвестиции и на все более сложные технологии и при этом сам являясь для все большего числа стран и целых регионов мира источником критически значимых инвестиций и технологий, он, как Атлант, держит на своих плечах всю современную глобальную экономику, пока не давая ей сорваться в самую разрушительную в истории человечества депрессию.

Пекинский консенсус и национальная цель

Имея за своими плечами 4700 лет почти непрерывной письменной истории, китайский менеджмент по старинке предпочитает решать проблемы, а не по-европейски уживаться с ними, по-американски перекладывать их на других или по-российски превращать их в источник личного обогащения.

Фундаментальные принципы китайской социально-экономической политики были оформлены в рамках окончательно сформировавшегося в конце нулевых так называемого Пекинского консенсуса (в противоположность широко известному Вашингтонскому консенсусу, оформленному в конце 80-х годов). Пекинский консенсус ориентирован на обеспечение государством развития своей страны в интересах собственного народа, а отнюдь не в интересах глобального бизнеса (на что был объективно нацелен Вашингтонский консенсус).

Наиболее существенными элементами Пекинского консенсуса (который в виде окончательной формулы, несмотря на свою самоочевидность и широкое использование этого термина, до сих пор все еще не зафиксирован) в настоящее время представляются следующие:

1) последовательное обеспечение управляемости общественных процессов в интересах общества в целом, приносящее частное в жертву целому, тактические интересы – стратегическим, а сиюминутные – долговременным (как правило, корыстно трактуемое в рамках западной политологической традиции как авторитаризм);

2) постепенность и широкое обсуждение всех предполагаемых преобразований во всех значимых для общества сферах, обеспечивающее психологическую и культурную адаптацию к ним на каждом этапе их подготовки и реализации;

3) гибкие инновации и эксперименты с постоянной интенсивной и последовательно стимулируемой государством обратной связью, позволяющей оперативно выявлять недоработки и неучтенные препятствия и, соответственно, успешно корректировать планируемые преобразования;

4) обязательное всестороннее научное обеспечение управления обществом, максимально широкое привлечение ученых на всех этапах деятельности государственного аппарата;

5) развитие рыночных отношений исключительно в интересах общества под контролем государства и при необходимости с его прямым участием при последовательном ограничении рыночной спекулятивной стихии, не позволяющем ей превратиться в угрозу для общественного развития в целом (в западной политологической традиции «государственный капитализм в противовес социалистическому централизованному планированию и либеральной рыночной экономике»);

6) принятие государством на себя реализации всех необходимых обществу функций, которые общество по тем или иным причинам не в состоянии выполнить самостоятельно; при этом по мере развития общества (в том числе за счет постоянных усилий самого государства) часть этих функций последовательно передается ему;

7) максимально возможный в каждый отдельно взятый момент времени учет мнений и интересов общества («демократия традиционного общества», ориентированная не на институты как некую самостоятельную ценность (при том, что они неминуемо очень быстро начинают преследовать собственные интересы), а на удовлетворение общественной потребности);

8) максимально возможное в каждый отдельно взятый момент времени (в том числе и с точки зрения соображений сохранения управляемости) развитие человеческого потенциала общества во всем его богатстве и разнообразии.

Потрясающие (в том числе и своей длительностью) успехи китайского общества вселяют в него чувство законной гордости и уже сделали подлинной национальной идеей «возвращение величия китайской нации». По сути дела, под этим понимается возвращение Китаем себе в современном мире того центрального, доминирующего и основополагающего положения, которое он занимал на протяжении основной части своей истории в ориентированном на него регионе.

Надо отметить, что, в соответствии с современными даже весьма осторожными оценками специалистов, в конце XVIII века китайская экономика составляла более трети всей мировой. При этом она опережала по своим масштабам лишь немного отстававшую от нее в то время индийскую экономику. Однако единого мирового хозяйства в то время еще попросту не существовало – и в своем регионе по отношению к своим соседям Китай был абсолютным хозяйственным и культурным центром, по праву называвшим себя Срединной империей (более точно переводится «центральной»).

Однако представления о возможности сколь-нибудь существенного приближения к этому положения в настоящее время далеки от реальности в первую очередь в силу вполне очевидных трудностей Китая, которые, по всей вероятности, в полной мере проявят себя уже в 2017–2019 годах.

Некоторые ключевые внутренние проблемы Китая

Вот уже около полутора десятилетий (с самого начала 2000-х годов) сменяющие друг друга руководители Китая бьются над снижением зависимости его экономики от экспорта, всеми силами стремясь нарастить внутренний спрос до такой степени, чтобы в дальнейшем развиваться в основном за его счет.

Это является отнюдь не административно-политической блажью или жаждой суверенитета ради суверенитета, а результатом осознания жгучей, категорической необходимости. В самом деле, неуклонное нарастание глобального кризиса все более сдерживает спрос развитых стран, вынуждает их постепенно усиливать протекционизм и тем самым все более существенно ограничивает возможности дальнейшего наращивания китайского экспорта. Обрушение же мира в новую, неизбежно разрушительную депрессию и распад глобальных рынков (и даже их части) на макрорегионы и вовсе существенно сократят и драматически для Китая дезорганизуют почти всю международную торговлю.

Принципиально важно, что переориентация с экспорта на внутренний рынок болезненна и экономически, и политически, так как объективно весьма существенно снижает рентабельность соответствующего бизнеса. В сочетании с нарастающим торможением экономического роста

(неизбежным не только из-за ограниченности внешнего спроса, но и из-за сугубо внутренних ресурсных ограничений вследствие растущей нехватки воды, почвы и энергии) это разрушает надежды китайского общества, на протяжении жизни целого поколения привыкшего практически каждый день жить ощутимо лучше, чем вчера.

Естественно, наиболее болезненным образом переживают связанное с этим крушение своих надежд самые активные социальные группы, выигрыш которых от развития Китая был максимален и остается таковым по сей день. Они жаждут продолжения улучшения своей жизни, по крайней мере, прежними колоссальными темпами (в том числе при необходимости даже за счет социальной деградации основной, более пассивной части населения).

Это стандартный и объективно обусловленный самой природой человеческого общества либеральный подход, и именно для блокирования его (а не только для снижения коррупционных издержек, становящихся непосильными по мере замедления экономического роста) китайское руководство всерьез занимается реальной, а отнюдь не только пропагандистской демократизацией. Интересы широких народных масс представляются единственным действенным фактором, способным сравнительно эффективно сдерживать алчность бизнеса и обслуживающих его разнообразных групп интеллигенции.

Политическое поражение либеральной части современного китайского руководства на XVIII съезде КПК в 2012 году представляется в свете изложенного не только не случайным, но и строго закономерным. Тогда лидер либералов Ху Цзиньтао не смог сохранить, вопреки казавшемуся непоколебимым обычаю, власть над военными структурами после своего ухода с высшего поста в государстве. При этом из всех представителей либералов в высшем органе руководства страной (постоянном комитете ЦК КПК) остался лишь один – премьер Ли Кэцян. И дело не только в его действительно выдающихся способностях и высочайшей административно-политической репутации: в силу самой своей должности он автоматически будет назначен крайним в случае представляющихся весьма вероятными (причем по вполне объективным причинам) проблем в социально-экономическом развитии Китая.

Сокращение имеющихся у общества ресурсов и уменьшение питаемых им надежд при всей своей болезненности объективно требует значительно большего внутреннего равенства и, соответственно, демократии, действенно ограничивающей естественное желание либералов передать ограниченные ресурсы «наиболее эффективным» собственникам и менеджерам.

Ныне уже практически забытые протесты в Гонконге, насколько можно судить, в значительной степени выразили стремление либерального клана китайского руководства взять реванш за политическое поражение, но, как и предпринятая в 1989 году на Тяньаньмэнь схожая по своему духу (хотя и с совершенно иными внешне– и внутриполитическими последствиями) попытка, оказались не в силах не то что изменить, но даже существенно скорректировать направленность развития Китая.

Тем не менее, насколько можно судить в настоящее время, для сдерживания естественно порождаемых в целом успешным социально-экономическим развитием общества либеральных устремлений частичной демократизации совершенно недостаточно. Более того, по вполне объективным причинам жизненно необходимо усиливать общий контроль за обществом. Китай, в отличие от США и Евросоюза, в настоящее время все еще не наладил всеобъемлющую систему косвенного контроля за общественным сознанием. Поэтому ужесточаться неминуемо будет прямой контроль, который, в отличие от косвенного, неизбежно ощущается людьми, особенно творческими и образованными, и всегда воспринимается ими весьма болезненно: как ограничение неотъемлемых свобод личности (пусть даже и сознающей, что ограничение ее свобод осуществляется не по произволу, а в насущных интересах общества).

Помимо естественных социально-политических напряжений, это, как представляется, весьма серьезно затруднит организацию массового свободного творчества, которой китайское руководство со свойственными ему тщательностью и старанием занимается еще с начала 2000-х годов. Разумеется, не в силу каких бы то ни было сентиментальных соображений, а по сугубо прагматическим причинам: именно такое творчество в современных условиях является категорически необходимой предпосылкой реальной борьбы за лидерство в постиндустриальной экономике. Между тем коллективистская культура Китая (как и ряда других стран Азии) по самой своей природе весьма последовательно отторгает творчество и

творцов, хоть и благоприятствует изощренному копированию и улучшению уже достигнутых и общественно признанных результатов.

Задача организации в Китае массового созидательного творчества (в первую очередь, разумеется, научно-технологического), возможно, в принципе не поддается решению, так как общество не в силах существенно изменить свою собственную культуру даже при осознаваемой им крайней необходимости. Однако объективная потребность в ужесточении контроля за деятельностью людей для более равномерного распределения имеющихся в каждый момент ресурсов (а социальное неравенство в Китае давно достигло американского уровня) еще более усложняет ее.

Потребность решить крайне трудную задачу, одновременно лишая себя необходимых для этого социальных ресурсов, естественным образом порождает колоссальное внутреннее напряжение, причем в Китае оно усиливается психолого-демографическим фактором, вызванным сочетанием национальной культуры с решительными реформами недалекого прошлого.

Жесткое ограничение рождаемости в крестьянской культуре, воспринимающей рождение девочки как несчастье, привело к огромному перекосу в пользу рождения мальчиков. Уже сейчас как минимум несколько десятков миллионов молодых китайцев физически лишены возможности найти себе какую бы то ни было жену, что объективно весьма существенно повышает уровень внутренней агрессии в обществе. Отмена этого правила приведет к росту рождаемости и усилению нагрузки на окружающую среду.

С другой стороны, в активную жизнь входит поколение «маленьких императоров» – избалованных единственных детей, над которыми как над единственным продолжением рода тряслись многочисленные родственники и которые привыкли совершенно искренне считать себя пупом Вселенной.

И венчается сложная, многомерная и в целом пугающая демографическая ситуация естественной сменой поколений в руководстве страны, на глазах становящейся мировым лидером: критическая значимая часть средних и высших позиций уже занята выпускниками западных по типу воспитания личности вузов. Это отнюдь не патриоты, которых мы привыкли видеть во главе Китая, а всего лишь пресловутые «эффективные менеджеры», которые стремятся к личным достижениям, а отнюдь не к общему благу. Поколения их предшественников по мере своих сил служили Китаю просто потому, что это Китай: новые же поколения руководителей, насколько можно судить, служат Китаю лишь потому, что это выгодно, и, по всей видимости, только до того времени, пока это остается таковым.

Уже преемник Си Цзиньпина будет, если ситуация по каким-то причинам не изменится кардинальным образом, принадлежать к их кругу.

А ведь замена лидеров, сражающихся за будущее своего народа, пусть даже и добросовестными, но всего лишь отличниками, жаждущими не результата для всех, а хороших отметок для себя, не просто снижает эффективность государственного управления. Как весьма убедительно показывает пример многих стран Европы и в особенности Израиля, подобная трансформация руководства по вполне объективным причинам делает его в целом контрпродуктивным и скорее всего служащим интересам не своей страны, а глобального бизнеса или обслуживающей его международной бюрократии.

И в сегодняшнем Китае, несмотря на всю его тысячелетнюю традицию организации государственного управления, эта угроза представляется уже совершенно реальной.

Объективные и в целом неумолимо нарастающие трудности юго-восточного соседа и вероятный крайне болезненный для него провал его глобального проекта исключительно важны для России прежде всего из-за нашей собственной чудовищной слабости. Трудно поверить, но в конце 40-х Маньчжурия была заселена так же редко, как и нынешнее Забайкалье. Дальнейшее принципиальное игнорирование объективных потребностей развития азиатской части России может в стратегической перспективе привести к ее утрате в силу естественных хозяйственных и демографических процессов, даже без сознательного вмешательства китайского государства.

Между тем стихийный китайский патриотизм, порождаемый очевидными успехами национального развития, на глазах укрепляется. В частности, китайское общество все более массово и все более энергично возмущается разворовыванием и разрушением богатейших

ресурсов России отечественной бюрократией. Когда китайский патриотизм станет нельзя более кормить массовым ростом уровня и качества жизни в самом Китае, объективная проблема нарастания внутреннего напряжения может быть решена путем сбрасывания излишней агрессии вовне, в том числе и на нас. Принципиально важно, что такое решение проблемы (хоть и временное) может быть реализовано без какой бы то ни было формальной причастности к этому китайского государства.

Избежать этой опасности вожделенным для современного Запада конфликтом или хотя бы охлаждением отношений с Китаем (к требованию которых сводилась, например, уже полностью забытая сейчас из-за своей нелепости и неадекватности пресловутая перезагрузка американо-российских отношений) невозможно. Напротив, Россия должна всеми силами крепить стратегическое партнерство с Китаем, улучшать понимание друг друга и наращивать интеллектуальные контакты, чтобы взаимопомощь в вопросах стратегического прогнозирования и управления постепенно превратила бы наше партнерство в прочные союзнические отношения. При этом надо полностью отдавать себе отчет, что такое развитие событий может быть обеспечено лишь вопреки осознанной и твердой позиции китайского руководства, стремящегося ради независимости избегать любых союзов с кем бы то ни было.

Тесная координация с Китаем нужна еще и потому, что социально-экономическая модернизация России в случае своего успеха объективно ограничит китайский импорт: мы многое вновь станем производить сами, а от многого будем вынуждены отгородиться разнообразными внешнеторговыми барьерами. Это лишит многие китайские корпорации и массы небольших семейных предприятий привычной и ставшей уже необходимой для них прибыли. В целом это станет болезненным ударом по Китаю, который не приведет к опасному ухудшению наших отношений лишь в том случае, если к тому времени они будут по-настоящему близкими и прочными.

В настоящее время, как и на протяжении всего предшествующего периода китайских реформ, успехи китайского общества объективно, вне зависимости от чьих бы то ни было усилий, являются оглушительной пощечиной России. Ведь рыночное развитие Китая началось в условиях, практически по всем параметрам значительно худших, чем наши, и опиралось при этом прежде всего именно на нашу, советскую, модель как экономики, так и управления.

В то же время китайские трудности объективно представляют для нас серьезную, почти смертельную стратегическую угрозу.

Вместе с тем и Китай как сейчас, так и во всем обозримом будущем, без преувеличения, отчаянно нуждается в мощной и стабильной России как в партнере, на которого можно положиться, и как в стратегическом тыле (в историческом противостоянии с Западом). Однако следует со всей определенностью понимать, что, если последовательный и принципиальный отказ российской бюрократии от развития нашей страны и нашего общества не позволит нам выполнить эту функцию, мы превратимся не более чем в простой кусок еды на китайской тарелке.

Сетевой характер китайской цивилизации

Качественным фактором поддержания конкурентоспособности и жизнеспособности современного Китая являются особенности китайской культуры и истории, существенно облегчающие и упрощающие реализацию одного из непопуляризуемых, но при этом непременных условий успешного развития в современном мире – создания неформальной глобальной управляющей сети на основе преимущественно собственных ресурсов.

С одной стороны, даже если полностью игнорировать весьма знаменательный опыт средневековых китайских мореплаваний, «вскрытие» Китая колониальными державами в последней четверти XIX века, создав в нем колоссальные социальные проблемы, привело к массовой эмиграции китайцев. *Ее интенсивность была такова, что вынудила, например, США ввести жесточайшие иммиграционные ограничения ради сохранения этнокультурного баланса американского общества (да и просто рабочих мест).*

Способствовали эмиграции и длительная война с Японией, и продолжительная гражданская война, тем более что обе сопровождались чудовищными массовыми зверствами

(вроде нанкинской резни или блокады Чаньчуня) , и итоговая победа коммунистов. При этом с началом экономических реформ эмиграция практически не наказывалась *(как из демографических, так и, насколько можно понять, из стратегических соображений)* : скажем, семья студента, уехавшего учиться за границу и не вернувшегося оттуда, не подвергалась сколь-нибудь значимым репрессиям.

Понятно, что длительный опыт жизни не просто «в рассеянии», но и в постоянной тесной связи с зарубежной диаспорой не просто существенно облегчает формирование транснациональных хозяйственных сетей, но во многом и предопределяет его. *В этом отношении китайцы весьма близки евреям и армянам, а скорее всего, значительно превосходят их.*

Даже само слово «эмигрант» на китайском языке означает не «отрезанный ломоть», как на нашем, а, напротив, – «мост на Родину». Таким образом, эмиграция изначально воспринимается китайской культурой (в том числе современной политической культурой управления) не как сборище потенциально опасных врагов или несчастных «изменников Родины», но как зарубежное продолжение Китая, как способ непосредственного распространения его влияния далеко за пределы страны.

С другой стороны, во многом благодаря наработанной за столетия культуре эмиграции **китайское общество является сетевым по самой своей природе** , что в полной мере выражается афоризмом, на наших глазах постепенно превращающимся в формулу государственного управления: «Китай не огражден государственными границами; Китай там, где живут китайцы».

Весьма существенно и то, что одной из исторически присущих Китаю форм самоуправления и самоорганизации являются тайные общества; эмиграция качественно усилила историческую традицию по их созданию и сделала многие из них транснациональными, а затем и глобальными.

Формирование эмигрантами из Китая собственных замкнутых сообществ, живущих по собственным законам и не допускающих внешнего вмешательства в свои дела, прямо предопределяет неформальность управляющих систем. Эта **неформальность общественных связей является одной из важнейших черт** не только эмигрантской, но и **всей китайской культуры** , в том числе до сих пор и культуры государственного управления.

Китайская цивилизация накопила колоссальный исторический опыт именно неформальных взаимодействий и не собирается отказываться от него, ибо он является одной из ее ключевых особенностей, **одним из ее принципиальных конкурентных преимуществ** . *Исторические описания даже формально непримиримых противоборств* [5] *кишат эпизодами не только совместных действий вроде бы принципиально противостоящих друг другу сил, но и, что представляется даже более важным, согласованными действиями этих сил, предпринимаемыми по умолчанию. В этих действиях ненавидящие друг друга и жестоко воюющие друг с другом стороны достигают общей цели без всяких даже теневых контактов, демонстрируя тем самым высочайший уровень взаимопонимания.*

Так, по воспоминаниям китайских официальных лиц, приведенных Г. Киссинджером в его книге «О Китае», обстреливая тайваньские острова через день, а не постоянно, власти континентального Китая тем самым передали тайваньским властям сигнал о нежелательности их отступления с островов (которые не были приспособлены для обороны, так как находились у берегов континентального Китая, далеко от Тайваня). Это было необходимо властям КНР для поддержания напряженности и вовлечения в конфликт США в целях сохранения возможности влиять на них и через управление конфликтом манипулировать ими. Руководство Тайваня поняло этот сигнал правильно и пошло навстречу своим коммунистическим врагам, не выведя свои войска с островов, несмотря на потери.

Сетевой и неформальный характер управления, свойственный китайской культуре, не только качественно повышает эффективность китайского государства (так как неформальные сети, включая даже преступные, сравнительно легко превращаются в проводников его

---

[5] См., например: *Ю. Чжан, Д. Холлидей.* Неизвестный Мао. – М.: Центрполиграф, 2007.

политики), но и накладывает на него дополнительные, порою весьма обременительные обязанности.

Так, когда после видимого успеха экономических реформ (на первом этапе заключавшихся, по сути дела, в привлечении денег эмигрантов в континентальный Китай для развития в нем предпринимательской деятельности) китайскому государству удалось обеспечить серьезное влияние на общины эмигрантов, ему, по всей видимости, пришлось длительное время использовать это влияние отнюдь не для достижения каких-либо содержательных целей своей политики. Главной его задачей вполне неожиданно для него оказалось, насколько можно судить, миротворчество: недопущение резни между враждующими общинами выходцев из различных регионов континентального Китая, которые оказались соседями в различных, в том числе и фешенебельных, районах США и некоторых других тихоокеанских странах.

Тем не менее уже в начале 2000-х годов как крупные диаспоры за пределами Китая, так и основные тайные общества, за исключением Фаньлунгун, довольно эффективно и, разумеется, скрытно контролировались китайскими властями.

Наличие разветвленных и в основном неформальных китайских глобальных сетей (как коммерческих, так и технологических и политических) **позволяет рассматривать само нынешнее руководство Китая как глобальную финансовую управляющую сеть** , потенциально равнозначную пресловутым группам условных «ротшильдов» и «рокфеллеров», а вполне может быть – и им обоим. Практически полная непрозрачность, затрудняющая понимание ее образа действия и мотивацию, цивилизационные отличия, а также молодость в качестве участника организованных Западом международных рынков (исключающая наличие даже исторических исследований ее особенностей) существенно повышают ее эффективность.

Поэтому, несмотря на стратегический союз с «группой Ротшильдов», китайский глобальный капитал вполне может еще до начала кризиса Китая или в его ходе достичь самостоятельности и стать как минимум одной из трех доминирующих сил современного мира.

В то же время китайская глобальная финансовая управляющая сеть, пользуясь терминами Гегеля, является таковой все еще «в себе», но отнюдь не «для себя»: она далеко не полностью осознает как свои возможности, так и ограничения, накладываемые на нее растущей ее мощью.

Это объективно обусловлено невероятной скоростью ее развития и в особенности усиления. Возвышение Китая, его выход на авансцену глобальной политики были и остаются стремительными, далеко опережающими все мыслимые планы. *Не стоит забывать, как еще в середине 2000-х годов китайское руководство безуспешно пыталось снизить темпы экономического роста хотя бы до 8 % во избежание «перегрева» экономики.* В результате рост влияния Китая далеко опередил возможности его управляющих структур даже не по использованию, а хотя бы по пониманию этого влияния.

Сегодняшнее китайское руководство напоминает актеров, которые, благодаря длительным титаническим усилиям прорвавшись на первый план, чтобы играть главные роли в пьесе, совершенно неожиданно для себя обнаружили, что пьеса-то не написана, и придумывать ее предстоит им самим прямо по ходу стремительно разворачивающегося действа.

Китайские аналитики признают, что сознание современной китайской управляющей системы в целом драматически отстало от расширения сферы ее влияния и увеличения совокупной мощи последнего. В результате она, влияя в ходе решения своих текущих задач на весь мир не осознаваемым ею образом, вызывает столь же не представимые ею заранее и оказывающиеся неожиданными (а часто и болезненными для нее) обратные воздействия.

Этот **феномен «внезапной обратной связи»** представляется одной из основных проблем современной китайской управляющей системы, совершенно неожиданно для себя оказавшейся **ключевым глобальным игроком со все еще региональным сознанием** .

Специфика китайской культуры, жестко утилитарной, прагматичной и склонной воспринимать (в том числе неосознанно) некитайскую часть человечества как варваров, способствует упрощению трудного положения китайской элиты путем постановки китайской глобальной мощи исключительно на службу решения текущих собственно китайских проблем. Учет глобальных последствий своих действий (кроме грозящих китайским интересам

непосредственно) в этом случае не производится принципиально: основной недостаток просто начинает ощущаться если не как достоинство, то просто как одна из характерных естественных черт, имеющих полное право на существование.

Это существенное упрощение ситуации для китайского управления уже в ближней перспективе угрожает превращением его в потенциально разрушительный фактор для Китая, а значит, и для всего мира.

Ситуация качественно усугубляется тем, что китайское общество воспринимается Западом и базирующейся в его странах преобладающей частью глобального управляющего класса как смертельно опасный противник, подлежащий сдерживанию, изматыванию, но затем непременно уничтожению.

В самом деле, как ключевой участник глобализации Китай быстро и прочно вошел своим бизнесом (в том числе государственным) и довольно значительным числом своих представителей в глобальный управляющий класс. Однако в силу органической близости китайской элиты к своему народу (пугающе меньшей, чем еще полтора десятилетия назад, но увеличивающейся по мере успехов борьбы с коррупцией и в целом неприемлемой по меркам глобального бизнеса) она не предала интересы Китая и осталась его частью. Руководство Китая не стало, в отличие от элит многих других стран, частью глобального класса, управляющей своей страной и своим народом в интересах этого класса.

Насколько можно судить в настоящее время, это было воспринято глобальным управляющим классом как неприемлемый вызов и смертельно опасная угроза, которую просто нельзя терпеть.

Снятие патентной защиты с 3D-печати, ее довольно быстрое совершенствование и, соответственно, все более широкое распространение представляются не просто проявлением и доказательством склонности глобальных монополий к поддержанию технологического прогресса как такового. С сугубо практической точки зрения это признак того, что китайская элита не принята глобальным управляющим классом и приговорена им к уничтожению (по крайней мере в качестве глобально значимой силы). Ведь представляющаяся неизбежной революция 3D-печати перенесет производство относительно простых изделий непосредственно к местам их потребления и откроет эру комплексной и масштабной реиндустриализации США и Запада за счет деиндустриализации нынешних экспортных экономик, в первую очередь Китая.

Кстати, в аналогичном положении неприятия глобальным управляющим классом (и по схожим ценностным причинам), насколько можно судить, совершенно неожиданно для себя оказалось и политическое руководство России во главе с В. В. Путиным, против которых развязана, по сути дела, война без правил, включающая даже вполне официальное распространение самой откровенной клеветы. Ставшее нормой в отношении представителей российской и государственной элиты (после открытой и официальной организации Западом нацистского государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года), оно было попросту немыслимо даже в самые напряженные времена холодной войны.

В этом плане представляется весьма существенным то, что США сумели подорвать вялотекущую реинтеграцию постсоветского пространства Россией при помощи организации нацистского переворота на Украине и формирования нацистской (по сути – агрессивно русофобской) государственности. Украина успешно превращена в кровоточащую язву Европы, подобную Косово, но качественно большую по своим размерам и качественно более разрушительную по последствиям своего разложения для будущего Европейского союза.

Руководство России, как это ни прискорбно, не смогло противодействовать США в этом направлении. Более того, во главе Евразийского экономического союза еще до украинской катастрофы был поставлен либерал Христенко. Принадлежность к либеральному клану, насколько можно судить, объективно превращает его в принципиального и последовательного противника реинтеграции постсоветского пространства с каким бы то ни было участием России.

Однако украинская катастрофа создала качественно новую реальность, в которой российский интеграционный проект не только не противоречит китайскому и ни в коей мере не конкурирует с ним, но и гармонично дополняет его и, более того, объективно является его

частью. Это было осознано обеими сторонами и зафиксировано на интенсивных российско-китайских переговорах на высшем уровне в 2015 году, что качественно укрепило и расширило возможности долговременного и эффективного объединения российских и китайских усилий в глобальной конкуренции. Хотя это объединение осуществляется на основе исключительно прагматических мотиваций, оно имеет и внятную идеологическую основу – патриотизм, понимаемый как лояльность своему народу в противовес современному либерализму как лояльности исключительно глобальному бизнесу.

Важнейшим направлением российско-китайского стратегического партнерства в настоящее время представляется создание сухопутного торгового пути из Китая – «экономического пояса Великого шелкового пути» – с фактической интеграцией территорий, по которым он проходит.

В частности, следует вернуться к идее создания в Крыму дистрибуционной торговой базы китайских товаров, ориентированных на поставки в Грецию, на Балканы и в Восточную и Центральную Европу в целом (разумеется, с гарантиями сохранения демографического баланса в Крыму).

«Морской шелковый путь», также развиваемый Китаем, как прекрасно понимает его руководство, может быть в любой момент перерезан военной и политической мощью США, однако наличие его сухопутного дублера сделает такие попытки бессмысленными и, соответственно, крайне маловероятными. Кроме того, «экономический пояс Великого шелкового пути» позволит качественно повысить его пропускную способность и, соответственно, не только гарантировать, но и кардинально расширить доступ Китая на идеальные для него рынки беднеющей Европы.

Постоянство соответствующих экономических связей позволит создать тем самым основу для восстановления Евразии как единого хозяйственного организма, эффективно блокировав попытки США не допустить реализации этой концепции (никогда не стоит забывать, что это была, по всей вероятности, главная причина организации государственного переворота на Украине и в целом украинской катастрофы).

Важным направлением российско-китайского сотрудничества представляется и создание единой незападной финансовой инфраструктуры на всех уровнях (от системы межбанковских расчетов – аналога SWIFT – до собственной системы международно признаваемых рейтинговых агентств). При этом участие России в этом проекте, помимо обеспечения необходимой технологической поддержки (в настоящее время доступной Китаю не во всех сферах), станет крайне важной для остальных потенциальных участников этой инфраструктуры гарантией от потенциальной угрозы китайского доминирования в ней и, соответственно, ее использования в эгоистичных китайских целях.

Это позволит не просто надежно защитить незападные экономики от нестабильности глобальной рыночной стихии и гарантированно оградить их от разнообразных финансовых диверсий, мошенничеств и угроз, но и качественно ослабить глобальный управляющий класс, выведя из-под его власти и контроля огромную и неуклонно увеличивающуюся часть мировой экономики. Понятно, что ослабление глобального управляющего класса и защита национальных экономик от спекуляций с его стороны приведут к соответствующему росту влияния участников данной незападной финансовой инфраструктуры, в первую очередь России и Китая.

Интересным проектом, обсуждаемым китайскими специалистами как потенциальная возможность, является превращение юаня в международную резервную валюту на основе введения его золотого обеспечения. Это кардинально повысит международный спрос на него, качественно расширив и углубив при этом влияние Китая, за что (при отсутствии необходимых встречных мер валютного регулирования) придется заплатить укреплением юаня и, соответственно, болезненным снижением конкурентоспособности китайской экономики.

Для решения этой задачи необходимо добиться качественного снижения зависимости Китая от экспорта, по крайней мере, на рынки развитых стран (правда, это снижение уже началось осуществляться с их стороны в принудительном порядке, в рамках ограничений, незначительных лишь на первом этапе, доступа китайских товаров на свои рынки). Принципиально важно, что превращение юаня в международную резервную валюту,

равноправную американскому доллару, уничтожит гегемонию США и, соответственно, качественно ослабит их позиции в глобальной конкуренции. В настоящее время такое развитие событий – единственный способ гарантированно избежать третьей мировой войны, усердно разжигаемой заметной частью связанного с США глобального управляющего класса для списания их заведомо безвозвратных долгов.

Цикличность китайской истории и невозможность глобального проекта

На протяжении своей 4700-летней практически непрерывной письменной истории Китай регулярно переживал периоды возвышения и падения.

Строго говоря, принципиальное отличие от других цивилизаций заключается не в самой цикличности развития (диалектику, в конце концов, никто не отменял), а в способности Китая неуклонно, раз за разом выживать в своих падениях – это и позволяет проявиться данной цикличности вполне наглядным и однозначным образом.

Расцвет цивилизации, как правило, сопровождался быстрым накоплением впечатляющих богатств и столь же впечатляющим усложнением социума. Первое вело к росту социальной напряженности, так как бесправные и удерживаемые на грани выживания низы начинали требовать своей доли общественного пирога (при этом разнообразные тайные общества, опирающиеся на беднейших крестьян, но имеющие заметное политическое влияние, исторически являются такой же естественной и неотъемлемой формой самоорганизации китайского общества, что и семья).

Второе способствовало усложнению и разбуханию бюрократии, которая становилась слишком масштабной и потребляла чрезмерную часть общественного продукта, но при этом в силу сложности своей структуры запутывалась в себе самой и утрачивала эффективность.

В результате естественный рост протестов накладывался на столь же естественное падение эффективности управления, его качественное удорожание и рост интриг внутри него, что создавало полноценный болезненный кризис, иногда разрешаемый внешним завоеванием.

При этом качество китайской культуры (включая, разумеется, управление и производство) было настолько высоким, что завоеватели, будь они варварами-маньчжурами (как в случае последней династии), или соседями, или восставшими крестьянами, не заменяли ее своей, но старались максимально использовать, вливая свое вино в китайские имперские мехи и весьма быстро перерабатываясь в соответствии с их стандартами.

Китайская культура, включая механизм управления, таким образом, переваривала все внутренние и внешние разрушающие влияния, сохраняя себя в целости и медленно совершенствуясь, несмотря на действительно чудовищные социальные катаклизмы и колоссальные жертвы.

Как шутят некоторые синологи (но, разумеется, всего лишь только шутят в расчете на не интересующуюся темой аудиторию), первая безупречно мирная передача власти за всю историю случилась в Китае в 2002 году, «возможно, из-за общего эмоционального шока, вызванного терактами 11 сентября».

Накопление значительного количества внешних вызовов и внутренних диспропорций позволяет предположить, что в настоящее время Китай приближается к моменту качественного перелома, традиционной смены тенденции от возвышения к новому провалу и погружению во внутреннюю смуту.

Самые разнообразные показатели – от динамики экономического развития до перерождения правящей элиты из патриотов в менеджеров и смены общественной психологии, а также ряд профессиональных синологов указывают на 2017–2019 годы как на период возможного драматического внутрикитайского катаклизма.

Разумеется, он далеко не предопределен, и Китай теоретически все еще может не только преодолеть, но и попросту не допустить его. Вместе с тем по ряду направлений своего развития – и далеко не только по рассмотренным выше экономическим, экологическим и социально-психологическим параметрам – Китай вплотную приблизился к пределу своих возможностей, кажущемуся объективным.

Прежде всего, бурное, уверенное и, что не менее важно, независимое развитие Китая

поневоле превратило его во второе по значимости и влиянию государство мира после США.

Естественное и вполне рациональное стремление обеспечить безопасность своего развития от возможных американских ударов властно диктует ему превращение во вторую сверхдержаву. Приступив к формированию нескольких крупных авианосных соединений («флотов» по американской терминологии), а также созданию надежного транспортного трансъевразийского пути на европейский рынок, Китай встал на этот путь и начал уверенное и быстрое движение по нему.

Возвышение Китая, превращение его во вторую мировую державу и происходящий на наших глазах возврат от однополярного мира тотального американского доминирования к новой биполярной системе (при которой история человечества заключается в основном стратегическом противостоянии сколь угодно тесно связанных друг с другом экономически США и Китая, сдерживаемом акторами второго уровня в виде Евросоюза, Японии, Индии и, если удастся, России) автоматически превращает его (прежде всего на основе Пекинского консенсуса) в альтернативу американскому пути развития и Западу в целом, в некую новую надежду для всего мира.

Парадокс заключается в том, что самому Китаю это категорически не нужно: играть роль примера для всего человечества он не хочет и не может в первую очередь потому, что оно ему глубоко безразлично.

Китайская скромность (до самого последнего времени руководители официально провозглашали Китай бедной страной, ссылаясь на ВВП на душу населения, и получали на этом основании соответствующую помощь со стороны ООН) и категорическое нежелание играть какую бы то ни было глобальную роль вызваны далеко не только завещанным Дэн Сяопином стремлением экономить силы для развития и избегать конфликта с американскими «хозяевами мира» до тех пор, пока в этом конфликте Китаю не будет гарантирована победа.

Значительно более важным является то, что Китаю действительно глубоко безразличен весь остальной мир: китайская культура предельно китаецентрична, и лидерство в мире, населенном варварами, является несчастьем и трагедией и потому в принципе не может быть целью.

Поэтому китайские специалисты маскируются и стремятся накопить силы, не ввязываясь в преждевременные конфликты, когда отрицают претензии Китая на глобальное лидерство и отказываются даже обсуждать конфликты, не затрагивающие непосредственно интересы Китая (правда, по мере развития последнего и расширения его влияния таковых становится все меньше).

Глобальное лидерство действительно не является и просто не может быть целью носителя китайской культуры по той же причине, по которой большинство нормальных взрослых ни при каких обстоятельствах не может прельстить лидерство в группе дошкольников.

Стремление Мао Цзэдуна к превращению Китая в лидера третьего мира и к популяризации своих идей за пределами своей страны было не более чем проявлением давно изжитого современным Китаем постколониального синдрома, стремления доказать (в первую очередь самому себе) свое равноправие с «великими державами». Цель была достигнута (причем мирным путем – успешным социально-экономическим развитием), и о ней благополучно забыли.

Китай по самой своей природе смотрит не вовне, а внутрь себя. Стремительное расширение его влияния, в значительной степени вызванное погоней за истощающимся спросом, а затем и ресурсами, поставило его в глубоко противоестественное, противоречащее всем диктуемым его культурой склонностям положение, чреватое постоянным и весьма болезненным внутренним напряжением.

Хотите смутить китайца – выразите ему свой восторг уверенным продвижением Китая к глобальному лидерству. *Когда это сделал президент В. В. Путин, китайские комментаторы буквально разрывались между желанием не обидеть его (что они понимали как свою тяжкую политическую ошибку) и необходимостью исправить допущенную им ошибку содержательную: Китай думает о себе, а отнюдь не об отношении к себе окружающего мира, по-прежнему глубоко безразличного ему.*

Вместе с тем Китай не может и игнорировать окружающий мир. Одним из парадоксов его

стремительного возвышения является качественное усиление внешних влияний на него, – и китайское руководство с середины нулевых годов прекрасно отдает себе отчет в том, что не может не то что контролировать, но даже просто прогнозировать реакцию остального мира на свои успехи.

Развиваясь в соответствии со своими внутренними потребностями, Китай осуществляет мощную и разнообразную экспансию, изменяя окружающий мир. Однако в силу культурно обусловленной замкнутости на себе и своих интересах он глух к нему и просто не может в полной мере оценивать последствия своих действий для мира и, соответственно, его ответную (в том числе и стихийную) реакцию на собственные действия.

Сначала китайские специалисты полагали это «болезнью роста», результатом слишком быстрого увеличения масштабов деятельности Китая, которая временно опередила его аналитические возможности. Однако сохранение данной ситуации на протяжении вот уже почти целого десятилетия порождает подозрения в том, что не универсалистская, а этнически ориентированная культура Китая сдерживает (по крайней мере пока) его возможность понимать представителей остальных культур и прогнозировать их массовое поведение, в том числе и в значимых для Китая направлениях.

Это создает трудности для повседневного развития, но самое главное – ставит вряд ли преодолимую в принципе преграду его превращению в мирового лидера.

Помимо того, что Китай не хочет им быть, он по тем же самым культурным причинам и не может им быть, ибо мировой лидер невозможен без универсальной ценности, которую он предлагает всему остальному миру и которую тот в принципе может принять.

Этноцентричность китайской культуры, ее принципиально ориентированный на саму себя категорически немессианский характер попросту исключает возможность ее превращения в глобальную альтернативу универсалистским и экспансионистским идеологиям вроде западного либерализма, арабского политического ислама или остающегося потенциальной возможностью коммунизма.

Китай существует для китайцев, а китайцем при всем желании нельзя стать, им можно только родиться. Поэтому Китай, подавая всему миру пример успешного развития (вопреки давлению глобального бизнеса) на основе своих собственных сил, остается лишь примером и не может объединить мир вокруг себя в альтернативный проект.

Национализм китайской культуры ставит жесткую и вряд ли преодолимую преграду возможности превращения Китая в глобального лидера: ему нечего предложить остальному некитайскому миру в силу собственного равнодушия к нему. Этот мир, строго говоря, не представляет для него непосредственного интереса и потому не может быть превращен в его гармоничное продолжение.

Другое ограничение, рассмотренное выше, – сдерживание свободы творчества рамками культурно обусловленного коллективизма, о котором уже говорилось выше. Китайское руководство вот уже скоро полтора десятилетия прилагает титанические усилия для преодоления этого барьера, но нет никакой уверенности в том, что народ, пусть даже сколь угодно великий, сможет преодолеть ограничение, накладываемое на него его собственной повседневной культурой.

Между тем, не начав в массовом порядке самостоятельно открывать новые технологические принципы и создавать на основе этих открытий свои собственные технологии, Китай не сможет стать полностью независимым от Запада.

Не создав собственных технологий, он будет вынужден пользоваться технологиями своих конкурентов, что не позволит ему ни освободиться от их влияния, ни победить их в глобальной конкурентной гонке. Постоянное совершенствование новых технологий порождает технологический монополизм: их обладатель получает основную часть доходов от их использования, а главное – удерживает всех пользователей (даже контрабандных, не платящих за их применение) в рамках своей технологической парадигмы и связанных с нею стандартов (в том числе управления), не позволяя им разрабатывать оригинальные подходы и самим получать связанную с этим сверхприбыль.

Ограничение доходов, с одной стороны, и доступных технологических решений, с другой, надежно удержит Китай в зависимости, символом которой стала так называемая ловушка

высоких технологий. Это значит, что, не решив задачу обеспечения массовой свободы творчества, Китай не сможет стать полностью суверенным и будет (хоть и слабо по сравнению с другими странами) зависеть от своих стратегических конкурентов, которые в силу сохранения технологического монополизма так и останутся более развитыми и богатыми, чем он.

Таким образом, беспрецедентно долго и успешно развиваясь, Китай стремительно идет к положению глобального лидера, не желая этого и не имея возможности стать им в полной мере – ни в культурно-политическом, ни в технологическом плане.

Эта поразительная ситуация драматического противоречия реальности не только с желаниями, но и с возможностями крайне опасна для него.

Стремясь к достижению независимости от Запада, к окончательному искуплению своего длительного колониального позора и к возвращению естественного для своей культуры положения наиболее мощной цивилизации мира, Китай не может предложить человечеству войти в свою цивилизацию в силу ее этнического, а не политического или идеологического характера. Тем самым он создает предпосылки для стратегического противоречия, причем не с одним лишь глобальным угнетателем в лице глобальных монополий или «золотого миллиарда», но со всем остальным миром во всем его бесконечном разнообразии.

С другой стороны, его движение к могуществу может стать успешным лишь в случае достижения технологического суверенитета, что требует (для обеспечения массового свободного творчества) определенного преодоления собственной культуры, скорее всего, невозможного.

Таким образом, стремительное и уверенное возвышение Китая наталкивается сегодня не только на недостаточность его экологического потенциала или совокупного спроса, который может предъявить человечество на его товары, но, что значительно более серьезно, на ограниченность его собственной цивилизационной природы, на барьеры, воздвигаемые его собственной культурой.

Столкновение с этими барьерами, вынуждая Китай пытаться преобразовать собственную социально-психологическую природу, грозит ему огромным и пока не осознаваемым в полной мере перенапряжением, способным в очередной раз привести эту великую цивилизацию, разумеется, к временному, но от этого отнюдь не менее болезненному и разрушительному (в том числе и для всего остального мира) краху.

Таким образом, существует значительный риск того, что в 2017–2019 годах Китай обрушится в глубокий системный кризис, что, скорее всего, приведет к быстрому (хотя и не молниеносному) срыву человечества в глобальную депрессию.

Данное развитие событий представляется наиболее вероятным, хотя, разумеется, невозможно полностью исключить другие сценарии (в частности, срыв мировой экономики в глобальную депрессию до 2017 года по причинам, не связанным непосредственно с Китаем, или удержание глобальной финансовой стабильности при помощи тех или иных экстраординарных мер в течение некоторого времени и после снижения темпов его экономического роста ниже представляющихся в настоящее время пороговыми 4–5 % в год).

3.6. Глобальный халифат

Современные технологии, особенно технологии формирования сознания, парадоксальным образом вселяют новые силы и придают новую жизнеспособность архаичным социальным организмам, которые:

• в силу своей примитивности попросту не воспринимают многие разрушительные технологии, разработанные для сдерживания современных социальных механизмов (так, традиции – лучшее оружие против пропаганды), и защищены от ряда современных вызовов (так, пренебрежение правами человека позволяет запретительно жестоко и в целом действенно карать за наркоторговлю и участие в организованной преступности);

• эффективно используют (в том числе в отношении своих собственных членов) современные технологии, воздействие которых усугубляется неготовностью и неадаптированностью к ним традиционных обществ;

• получают стремительно расширяющуюся социальную базу в силу возникновения

технологически обусловленного и практически непреодолимого социального разрыва между обществами и внутри развитых обществ и увеличения благодаря этому доли людей, не имеющих жизненных и социальных перспектив.

Эта новая жизнеспособность перерождается в совокупность качественно новых вызовов, бросаемых современной западной цивилизации целым рядом архаичных социальных организмов, носящих либо андеграудный (включая как культурные, так и преступные разновидности андеграунда), либо религиозный характер.

Наиболее серьезным представляется исламский вызов, носящий выраженный идеологический характер, последовательно и сознательно отрицающий фундаментальные ценности современного западного общества.

Ислам является самой молодой из великих религий мира, что в значительной степени предопределяет как его наибольшую агрессивность и склонность к экспансии, так и социальную ориентированность. Последняя открыла для него колоссальное «окно возможностей». После того как коммунистическая идеология, дискредитировав себя односторонним выходом Советского Союза из холодной войны, перестала выполнять в мировом масштабе функцию общественно-политического выражения органически свойственного человеку стремления к справедливости, ислам смог не только занять значительную часть этой ниши, но и существенно расшить ее.

Собственно, именно выполнение данной функции и вывело ислам за пределы чисто религиозного феномена, придав ему политический характер и превратив в существенный фактор глобальной конкурентной борьбы.

Сегодняшний ислам отличает открытость, облегчающая его экспансию и роднящая его с идеологией: мусульманином может стать всякий человек, практически без исключений, пожелавший этого и выполняющий предписанные (достаточно простые и во многом комфортные) правила.

Ужесточение глобальной конкуренции, отбрасывая «за черту надежды» все большее количество граждан и целые социальные группы развитых обществ и все больше неразвитых стран как таковых, удобряет почву для успешного распространения ислама, который дает новую надежду и новый смысл жизни людям, выброшенным глобализацией за пределы конкурентоспособности.

Ведь, оказавшись неконкурентоспособными, люди и целые народы лишаются самого смысла существования в финансово-экономической парадигме западной цивилизации. Осознавая, что они никогда уже не будут не то что богатыми, но даже просто обеспеченными, они остро нуждаются в альтернативных западным и потому достижимым для себя ценностям.

Важнейшая из них – справедливость, основанная не на рыночном успехе, а на стихийном понимании природного равенства людей и на осознании необходимости предоставления им равных возможностей.

Уход с арены мирового идеологического противостояния коммунизма сделал религию (за исключением протестантизма как идеологии как раз рыночной эффективности и рыночной справедливости) единственным поставщиком этой нерыночной, утешительной, альтернативной справедливости.

Миф об исключительности социальной ориентированности ислама развеивает пример католических священников Латинской и Центральной Америки, которые в 80-е годы стали не менее активной и мощной силой социальных преобразований, чем разнообразные левые повстанцы и политические партии.

Однако католическая церковь слишком институционализирована и централизована для проведения по-настоящему гибкой и агрессивной экспансии. Под угрозой масштабной утраты влияния она смогла реформировать себя в 60-е годы XX века, приблизив священников к пастве (что и обусловило их активную общественно-политическую позицию), однако для прямого и систематического вмешательства в дела общества она осталась неприемлемо забюрократизированной. Мешает ей и государственное оформление, так как в случае прямого действия по реализации ее религиозных догм в той или иной стране государство Ватикан может получить серьезные дипломатические проблемы.

Даже собственно религиозную экспансию католическая церковь ведет крайне вяло и

неэффективно, лишь в отношении еще более пассивных и к тому же во многом дискредитировавших себя конкурентов (каким, например, является Русская православная церковь).

Ислам принципиально отличается от католицизма не только нерастраченной пассионарностью, во многом унаследованной от национально-освободительных движений 50–70-х годов и разочарования, которое они принесли своим народам после их впечатляющих побед. Его ключевое отличие заключается в обусловленной его исторической молодостью неформальной и гибкой сетевой структуре управления с низкой степенью бюрократизации и высокой способностью к адаптации. Наконец, отсутствие догматической окостенелости и разнообразие течений позволяют неофиту выбрать наиболее близкое себе, что также облегчает экспансию.

Исламский фундаментализм имеет не только экономические (поражение целых стран и регионов в глобальной конкуренции), но и демографические причины. В ключевом источнике современной исламской экспансии – Саудовской Аравии – десятки детей каждого арабского шейха также являются шейхами, получают высокое содержание и прекрасное образование, но в рамках традиционного общества не имеют сферы приложения своей энергии. При этом они болезненно переживают деградацию национальной экономики и наглядное ухудшение ее положения относительно США, доминирование которых неуклонно усиливается.

В аналогичном положении оказывается население территорий, страдающих от аграрного перенаселения (в том числе российский Северный Кавказ), а также не обладающих достаточными для участия в международном разделении труда производительными силами.

Население этих районов оказывается горючей массой, к которой надо лишь поднести две спички – вождей (с этой ролью вполне справляются отпрыски обеспеченных арабских семейств, даже не принадлежащие к знати) и деньги.

Финансирование исламской экспансии в конечном счете осуществляется за счет нефтедолларов арабских стран. Это подразумевает не только щедрый и достаточно устойчивый, но вместе с тем и по-коммерчески основанный на результате, то есть достаточно эффективный, характер этого финансирования. Ведь нестабильность, объективно порождаемая исламским фундаментализмом, пугает мировые рынки и оказывает повышательное влияние на цену нефти, что поддерживает доходы инвесторов из богатых стран – экспортеров нефти.

Поэтому именно ислам как наиболее конкурентоспособный участник мировой идеологической борьбы заполнил основную часть идеологического вакуума, возникшего из-за поражения коммунизма.

Он смог дать людям, утратившим перспективы в рамках рыночной парадигмы развития и рыночной идеологии, новую, более справедливую и более человечную по отношению к ним систему ценностей, гарантированно доступных как им самим, так и их потомкам.

Он смог создать новую мировую общность, открытую для всех людей и народов, отверженных миром наживы и капитала, самодовольно и похабно торжествующим на костях голодающих миллиардов. Эта общность создает основу для солидарности и совместной защиты неотъемлемых человеческих, но повсеместно попираемых прав; потенциально она является своего рода профсоюзом отверженных.

Но самое главное, насколько можно судить в настоящее время, заключается в том, что политический ислам действительно создал реальную возможность новой социализации и социальной перспективы, хотя и специфически альтернативной, для энергичных людей, отторгнутых западной цивилизацией (и особенно неразвитыми обществами с их резко сократившимися возможностями для самореализации), а также для значительного слоя людей, нуждающихся в истовом служении высшим ценностям.

Ислам, как некогда коммунизм, дал возможность пассионариям всего мира и всех социальных слоев применить свои силы и найти себя в деле переустройства, в том числе и социального, несправедливо устроенного мира. А так как несправедливость мироустройства с началом глобализации возросла самым наглядным образом и, с другой стороны, мусульманский мир не обладает обюрокраченным Центральным комитетом, способным дискредитировать себя и тем самым все свое дело, его быстрое распространение представляется вполне естественным и закономерным.

Сегодня ислам как активная политическая сила, осуществляющая идеологическую экспансию и влияющая на развитие соответствующих обществ, действует не только в регионах своего традиционного распространения, но и практически во всех развитых обществах. И если в Европе ислам распространяется преимущественно в среде затопивших и буквально смывающих Старый Свет иммигрантов из арабских и африканских стран, то его распространение среди афроамериканской части американского общества, исторически попросту не имевшей мусульманской религиозной традиции, носит выраженный социальный и даже социально-политический характер.

Кроме того, экспансия ислама идет не только вширь, но и, если можно так выразиться, вглубь: в среде самих мусульман стремительно растет доля разнообразных экстремистских течений. Этот процесс особенно заметен в России, деидеологизация которой при очевидной разрушительности имплантированных в нее обрывочных западных ценностей сделала ее легкой добычей исламских миссионеров. Значительная их часть подготовлена под идейным воздействием ваххабитов и ориентирована на вытеснение традиционного «домашнего» ислама, граничащего с простым соблюдением обычаев национальной культуры, агрессивным стремлением к максимальной регламентации жизни мусульман вплоть до вовлечения их в джихад.

Таким образом, как участник глобальной конкуренции ислам представляет собой грозную силу, являясь наряду с Западом и Китаем третьей ключевой силой в развертывающейся в современном мире конкуренции цивилизаций.

В то же время ряд неустранимых слабостей исламской цивилизации обрекает ее хотя не на окончательное поражение в глобальной конкуренции, но, во всяком случае, на сохранение на вторых ролях в гарантированно подчиненном положении.

Главная из слабостей представляется оборотной стороной гибкости (отсутствие организованности и способности не то что реализовывать на практике, но хотя бы даже разрабатывать долгосрочные стратегии). В экономическом и технологическом плане представители исламского мира также демонстрируют удручающе низкий уровень эффективности; за 40 лет относительно дорогой нефти они смогли обеспечить лишь рост потребления, не создав ни собственных технологий, ни даже сколь-нибудь развитых диверсифицированных экономик.

Слабость мусульманской экономической модели наиболее наглядно, как представляется, иллюстрирует пример самой мощной в экономическом плане исламской страны – Саудовской Аравии. Чудовищная неэффективность ее сохраняющейся сырьевой ориентации, усугубленная демографическим бумом, проявилась в динамике ключевого показателя развития экономики – величины ВВП на душу населения. После головокружительного роста в 15,7 раза за 10 лет (с 1,2 тыс. долларов в 1971 году до 18,8 тыс. долларов в 1981-м) последовало падение до 6,4 тыс. долларов в 1988 году и 7,5 тыс. долларов в 1998-м. Рубеж в 10 тыс. долларов ВВП на душу населения был преодолен лишь в 2004-м, а 20 тыс. долларов – в 2011 году; в 2014-м данный показатель составил 24,5 тыс. долларов.

Еще нагляднее болезненность этого падения проявилась в сопоставлении с США, в котором ВВП на душу населения, несмотря на все перипетии мирового и национального развития, неуклонно рос из года в год. В 1971 году ВВП на душу населения в Саудовской Аравии составлял 23 % от американского. Взлет мировых цен на нефть и соответственно масштабов саудовской экономики привел к тому, что в 1980 и 1981 годах душевой ВВП этой страны превосходил американский соответственно на 40 % и 35 %. Но уже в 1986 году он составлял лишь 36,5 % американского, в 1988–1989 годах опустился до уровня ниже 30 % от него и после всплеска до 32–34 % в 1990–1992 годах колебался в пределах 23–29 % на протяжении 1993–2004 годов. Лишь в 2005-м он вновь превысил уровень 30 %, в 2008-м и потом с 2011 года – 40 %, но так никогда и не достиг даже половины американского уровня, а в 2015 году удешевление нефти сделает ВВП Саудовской Аравии на душу населения ниже трети американского уровня.

Подобное невнимание к ключевым факторам современной конкурентоспособности – управлению и технологиям – кроется, насколько можно судить, не столько в психологии ряда народов (так как современный ислам не только многонационален, но и в рамках единой

религиозной парадигмы поликультурен), сколько в самом позиционировании современного ислама.

Его приверженцами в силу объективных причин становятся люди и общества, не нашедшие себе места в ужесточающемся мире, не выдержавшие глобальной конкуренции. В результате объединяющий и впитывающий их исламский мир вбирает в себя и их качества, не давшие им победить в глобальной конкуренции, и начинает проигрывать свою коллективную игру по тем же причинам, по которым каждый из его членов уже проиграл свою индивидуальную.

Команда, каждый член которой доказал свою неэффективность, может стать эффективной либо в результате могучего преобразующего воздействия со стороны работающего на нее тренера (которого по отношению к исламской цивилизации в целом просто не существует), либо в результате кардинального изменения правил игры.

Наиболее энергичные представители исламского мира пытаются изменить правила глобальной игры за счет террора и даже добиваются в этом значительных результатов, наиболее ярким проявлением которых следует признать создание и функционирование Исламского государства. Однако эта попытка самоубийственна, так как современная война (в том числе ведущаяся террористическими методами) является в первую очередь войной технологий, включая технологии социальные.

И «Талибан», и «Аль-Каида», и Исламское государство создавались, направлялись и эффективно использовались (а Исламское государство используется и по сей день) США для решения своих стратегических целей. Они добивались и добиваются успеха лишь до тех пор и в той мере, в которой они обслуживали интересы своих создателей. Несмотря на всю враждебную риторику и эпатажные символические действия, они служили, служат в настоящее время и будут служить интересам своих стратегических противников.

При этом они укрепляются и расширяются, провозглашаемые ими цели и ценности становятся все более универсальными и привлекательными для потенциальных участников (в том числе и принадлежавших изначально к иным, не исламским цивилизациям).

Однако все их успехи с неизбежностью могут быть только локальными, ибо они в силу неразвитости собственных социальных и управленческих технологий остаются в целом управляемыми и контролируемыми. В отдельных эпизодах они могут выходить из-под контроля и даже наносить вред своим хозяевам (как, например, с убийством американского консула в Бенгази, хотя нет уверенности, что это не было частью внутриамериканской политической игры или борьбы), но эти эпизоды так и обречены оставаться отдельными и служить лишь укреплению и совершенствованию технологий контроля и управления ими.

Индивидуальная или групповая попытка изменить правила глобальной игры, какой бы энергичной и продуманной она ни была, в конечном счете обречена на поражение из-за фатального недостатка ресурсов.

Религиозная экспансия, в том числе и подкрепленная эффективным террором, является несравнимо более масштабной и коллективной по своей природе попыткой изменить эти правила, что позволяет ей достигать впечатляющих, но неизменно частичных успехов. Ведь окончательный баланс борьбы все равно подводится не в андеграунде и не среди маргинализованных частей человечества, а в высших, управляющих слоях развитых обществ и определяется либо по-старому – деньгами, либо по-новому – технологиями, в том числе технологиями организации, управления и формирования сознания.

Исламский же мир располагает лишь растущим числом по-прежнему дурно управляемых людей и деньгами от экспорта нефти, значение (а в последние годы и величина) которых в целом снижается. При этом религиозный образ действия, насколько можно судить на примере самых разных религий и цивилизаций, дополнительно к слабости интеллектуальных и управляющих систем туманит разум, мешает ясному пониманию происходящего и заставляет размениваться на достижение второстепенных, а порой и вовсе вредных с точки зрения глобальной конкуренции целей.

Демографический фактор не позволит исламскому миру потерпеть окончательное поражение, но ресурсная недостаточность не даст одержать победу и даже начать играть в развитии человечества и в мировой политике самостоятельную роль.

Скорее всего, после обрушения человечества в депрессию и распада глобального рынка на макрорегионы исламские фундаменталисты смогут создать некоторый аналог халифата, значительно превышающий территорию, контролируемую Исламским государством в настоящее время. Однако представляется очевидным, что они так и не смогут обрести самостоятельность и будут оставаться кровавой игрушкой в руках глобального управляющего класса и, в частности, руководства США. Осознать собственные интересы и начать их реализацию в качестве отдельного от американского глобального проекта, а не в качестве американского уничтожения или дестабилизации стратегических конкурентов США они, по всей вероятности, не сумеют.

Наиболее концентрированным выражением несамостоятельности исламского мира представляется систематическое использование его лидерами валюты своих основных стратегических противников в качестве средств накопления. Исламский мир может финансировать борьбу с США, включая террористические акты, но, пока он будет делать это долларами (а еще точнее – нефтедолларами, оборот которых полностью контролируется США), речь будет идти не о борьбе ради победы, а о мелком торге ради локальных уступок, ибо победа будет смертельна. А ведь еще Макиавелли учил, что «всякий несмертельный удар смертелен для того, кто его наносит».

Перед этой сохраняющейся и, по всей вероятности, неосознаваемой зависимостью перед Западом меркнет даже животный парализующий ужас, испытываемый лидерами богатых исламских государств перед угрозой «ударов возмездия» со стороны США по построенным ими роскошным дворцам, на противовоздушную оборону которых они не нашли ни денег, ни времени.

Таким образом, исламский мир как целое и как некий смутный прообраз самостоятельного глобального проекта обречен быть хаотичной и неорганизованной силой, способной убеждать, убивать, насиловать и даже побеждать, но не победить, вдобавок ко всему манипулируемой своими стратегическими конкурентами и направляемой ими на решение собственных локальных задач.

Строго говоря, именно так он и развивался до сих пор. Стратегический союз Саудовской Аравии и США возник в первой половине 80-х годов на основе идеи противостояния вторгнувшемуся в Афганистан СССР. При этом, преследуя религиозно-идеологические цели, Саудовская Аравия пошла на ощутимые материальные потери (масштаб которых был описан выше), снизив мировые цены на нефть, что привело ее к прямой финансовой зависимости от США.

Финансирование палестинцев, включая их военизированные организации, шло в силу этой зависимости под ощутимым влиянием США, которые мирились с ним ради финансирования борьбы против Советского Союза, а затем использовали конфликт на Ближнем Востоке в своих глобальных и даже внутриполитических целях. Так, перед президентскими выборами в США 2000 года внезапное обострение, казалось, уже потушенного конфликта нанесло удар по Клинтону, хотя тот вместе с Арафатом успел получить Нобелевскую премию мира.

В Косово и в целом в Югославии с начала 90-х годов мусульмане использовались американцами как инструмент сдерживания стратегического конкурента – Евросоюза; в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – как средство создания дополнительных проблем для другого стратегического конкурента – Китая.

Террористические акты 11 сентября 2001 года (если принять не выдерживающую никакого сопоставления с реальностью официальную версию) оправдали вхождение США в Среднюю Азию и стали своего рода эмоциональным мостиком для создания в американском обществе мотивации к последующему нападению на Ирак, необходимому для подтверждения американского глобального лидерства, и снижению мировых цен на нефть.

Характерно, что после них исламский фундаментализм и, в частности, исламский террор стал проблемой исключительно Европы и Азии, но не США. И в настоящее время «арабская весна» и погружение в хаос стремительно расползающегося все на новые регионы Большого Ближнего Востока служат инструментом создания проблем стратегическим конкурентам США, и не более того.

Глобальный проект ислама весьма эффективен на уровне пропаганды и вербовки, но в реальном мире он является всего лишь одним из авангардов той террористической по сути войны, которую США в интересах стабилизации глобальных рынков ведут против всего остального человечества.

3.7. Европейская трагедия. Зачем нужен реальный опыт европейской интеграции?

Символическому падению Берлинской стены исполнилось более четверти века – вот уже скоро две трети того времени, которое Моисей водил евреев по пустыне. Представляется, что это вполне достойный срок для подведения хотя бы предварительных итогов евроинтеграции, притом что они представляются уже вполне бесспорными.

Сегодня уже вполне очевидно: европейский проект, казавшийся многим образцом для всего мира (о чем говорят соглашения об «ассоциации», подписанные с Европейским союзом такими странами, как Иордания, Марокко, Мексика, Чили и даже ЮАР), остался в самом лучшем случае региональным проектом интеграции. Правда, он действительно обеспечил заблаговременное (в те времена, когда о предстоящей глобальной депрессии еще никто и не думал) формирование крупного и относительно устойчивого макрорегиона.

При этом сейчас уже не вызывает сомнения, что значительная часть надежд на «возвращение Восточной Европы в Европу» не оправдалась (как и надежда на интеграцию Южной Европы), и понять причины этого представляется совершенно необходимым. С другой стороны, все надежды конца 80-х, которые в принципе могли реализоваться, уже гарантированно воплощены в жизнь – и теперь крайне важным понимать, что будет происходить с нашими на глазах становящимися все более опасными и агрессивными партнерами по бизнесу в дальнейшем.

Опыт европейской интеграции важен и потому, что Европейский союз по-прежнему остается наряду с США и Китаем одним из трех мировых экономических центров силы. Этому положению совершенно не мешает его сохраняющаяся политическая подчиненность США. Более того, мы видим в ходе нарастающих по масштабам военных операций и организации нацистского переворота с последующим развязыванием гражданской войны на Украине, как его страны (и даже далеко не всегда в шкуре НАТО) все более выпячиваются вперед американцами в ходе их военных, политических, информационных и экономических агрессий.

Для российского общества исключительно важно и то, что Европейский союз, несмотря на введенные им санкции и демонстрацию откровенно неадекватной враждебности и агрессивности, все еще остается крупнейшим торговым партнером России. Соответственно, представляется необходимым сохранять уверенность в том, что с ним можно будет поддерживать коммерческое сотрудничество и в отдаленной перспективе (хотя грузоперевозки начали переориентироваться на занятую работой, а не нравоучениями Юго-Восточную Азию задолго до украинской катастрофы).

России следует понимать и то, будет ли вражда к ней, доходящая до насаждения животной русофобии, оставаться в «интегрирующейся» Восточной Европе ключевым критерием демократизма, будет ли Польша (не говоря уже о странах Балтии) считать себя, когда ей придется выбирать, кем быть – 28-м членом Евросоюза или 51-м штатом США, и будет ли развитая часть Европейского союза продолжать растаптывать собственные интересы ради демонстрации коллективной ненависти к нашей стране и все чаще – к нашему народу.

Еще более важна культурно-идеологическая составляющая интереса к Европе и ее опыту. Ведь именно в нашем обществе, причем в самых широких и разнообразных его слоях, все еще жива идея Европы как средоточия, квинтэссенции цивилизованности и демократичности как высшего выражения «свободы, равенства и братства». Россия с 1987 года, то есть вот уже более четверти века, живет в условиях национальной катастрофы, именуемой «либеральными рыночными реформами». В условиях еще более быстрой, чем в развитых странах, варваризации мы отчаянно нуждаемся в том, чтобы нашему стремлению к цивилизованности и культуре было на что опереться не только в прошлом, в становящихся все более туманными и мифологизированными воспоминаниях о Советском Союзе, но хотя бы и в настоящем, в

современной Европе, и все более остро тревожимся из-за того, что вместо еще недавно казавшихся незыблемыми европейских ценностей все чаще опираемся на воздух.

Европа со времен Древнего Рима и Карла Великого пережила целый ряд интересных интеграционных проектов, и значение нынешнего Евросоюза заключается не столько в его актуальности, сколько в сравнительной гуманности: не будем забывать, что прошлый общеевропейский проект был реализован Гитлером, а позапрошлый – Наполеоном, отказавшимся от активной политической деятельности лишь после физической гибели большинства пригодных к военной службе французских мужчин.

Поэтому Европа необходима России в том числе и как символ и прививка гуманности, даже полностью растоптанной ее собственной повседневной политической практикой. Ее все более очевидная неспособность и, более того, откровенное нежелание выполнять эту функцию также требует углубленного изучения, так как представляется наиболее концентрированным и наиболее ярким выражением угрозы, нависшей в наше время над человеческой цивилизацией.

Выравнивание уровня развития европейских стран не удалось

Уже с середины нулевых годов не вызывает практически никаких сомнений, что **европейская интеграция и расширение Европейского союза способствовали не преодолению, но** , напротив, **усугублению его внутренних проблем** .

Ключевая проблема Европейского союза заключалась и заключается в глубочайшей внутренней дифференциации, связанной не только с уровнем развития экономик входящих в него стран, но и с внутренней культурной разнородностью. Носители разных культур, даже таких близких, как французская и немецкая, по-разному реагируют на одни и те же управленческие воздействия, что существенно затрудняет унификацию управления. Что же говорить о странах Средиземноморья! Ситуация кардинально усугубилась в 2004 году, когда единая Европа расширилась, по сути дела, за пределы своих культурных границ, однако в силу налагаемых политкорректностью ограничений этот вызов не только не нашел должного управленческого ответа, но даже не был осознан. *(Хотя высокопоставленный представитель Европейской Комиссии и заявлял автору данной книги, что «у нас нет никаких проблем с Болгарией и Румынией, потому что мы не верим никакой информации, которая исходит из этих стран».)*

Динамика подтягивания южно– и восточноевропейских экономик к уровню развитых членов Евросоюза в 1992–2008 годах, наиболее концентрированно выраженная в нижеследующих таблицах, производит глубокое впечатление.

Индекс дифференциации Восточной Европы рассчитывается упрощенно: как разница (в разах) ВВП на душу населения тех из пяти стран Восточной Европы, для которых имеется статистика с 1980 года (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия), по которым этот показатель является в каждом рассматриваемом году наименьшим и наибольшим.

Индекс дифференциации Евросоюза выражает степень его внутренней неоднородности по уровню экономического развития, показателем которого избран национальный ВВП на душу населения. Рассчитывается как среднеквадратическое отклонение величин ВВП (на душу населения соответствующих стран от уровня Франции, принятого за единицу), взвешенных по доле национального ВВП в общем ВВП Евросоюза (или всех рассматриваемых стран – при оценке дифференциации стран Европы в нынешних границах Евросоюза).

Серой заливкой выделены данные по странам, не являвшимся в соответствующие годы членами Евросоюза.

Данные по Чехии за 1980–1994 годы были без каких бы то ни было разъяснений изъяты из базы официальных данных МВФ в 2010-х годах, и в данной таблице (с. 195–196) курсивом выделены эти данные из редакций базы официальных данных МВФ прошлых лет.

Относительно низкие результаты Германии до ее воссоединения вызваны учетом ее в современных границах (включая ГДР; пересчет показателей нерыночной экономики по рыночным обменным курсам валют объективно ведет, как правило, к их занижению).

Индекс дифференциации Европы в пределах современного Европейского союза, насколько можно судить, занижен для 1980–1992 годов и (в меньшей степени) 1995 года из-за

отсутствия статистики по ряду стран.

Относительно высокие результаты Румынии в социалистическую эпоху при общеизвестно низком уровне жизни вызваны сверхконцентрацией и неэффективным использованием нефтедолларов режимом Чаушеску.

Таблица 1. Сравнительная динамика развития стран Евросоюза (ВВП на душу населения, долл., по отношению к уровню Франции)

Страна	1980	1985	1988	1992	1995	2000
Франция	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Люксембург	135,3	122,6	136,3	158,7	181,2	199,3
Дания	103,8	118,0	120,5	117,7	125,1	128,8
Швеция	120,4	124,6	124,2	123,5	102,9	119,4
Нидерланды	101,3	96,1	95,4	95,3	103,2	110,4
Австрия	80,9	88,6	95,1	99,8	107,7	103,
Ирландия	47,9	58,8	56,8	62,3	68,8	112,7
Финляндия	87,7	115,1	122,7	92,0	95,2	104,3
Германия	81,6	82,4	86,8	103,4	110,6	98,6
Бельгия	94,4	83,4	86,3	91,2	100,8	97,7
Великобритания	73,4	81,7	82,8	78,2	73,0	109,0
Италия	63,6	77,7	84,7	91,1	71,4	83,4
Испания	45,8	45,3	51,3	63,4	54,3	62,0
Мальта	нд	нд	нд	нд	36,7	45,6
Словения	нд	нд	нд	38,8	38,4	44,1
Кипр	31,6	43,3	40,8	44,8	50,2	56,6
Греция	42,4	44,8	39,1	42,8	44,2	50,2
Португалия	25,0	26,4	29,7	43,2	41,6	49,3

Страна	1980	1985	1988	1992	1995	2000
Эстония	нд	нд	нд	нд	9,2	17,5
Чехия	35,6	44,4	32,0	12,9	20,1	24,5
Словакия	нд	нд	нд	нд	13,1	16,3
Литва	нд	нд	нд	нд	нд	14,1
Латвия	нд	нд	нд	2,3	7,1	14,0
Польша	12,1	18,7	9,9	9,4	12,9	19,2
Хорватия	нд	нд	нд	10,3	17,8	21,1
Венгрия	16,1	20,0	15,2	14,8	15,8	19,5
Румыния	15,5	20,5	14,0	3,4	5,6	7,2
Болгария	23,0	30,9	29,0	4,0	5,8	6,8
Индекс дифференциации Восточной Европы	*2,9*	*2,4*	*3,2*	*4,4*	*3,6*	*3,6*
Индекс дифференциации стран ЕС (по составу ЕС на 2014 год)	*3487*	*2594*	*4739*	*8073*	*10 809*	*8458*
Индекс дифференциации ЕС (по составу ЕС на текущий год)	*1967*	*1179*	*2953*	*3959*	*5893*	*3992*

нд – нет данных.
Источник: МВФ, 2015 год. Расчеты Валерии Сидоровой.
Примечания: Страны ранжированы по ВВП на душу населения в 2014 году.

Франция выбрана для сравнения как наиболее развитая и крупная страна Европейского союза, не испытывавшая значительных политических потрясений (в отличие от Германии, включающей в себя часть Восточной Европы, что и обусловливает ее относительную уязвимость в условиях текущего кризиса), руководство которой последовательно придерживается проевропейской ориентации (в отличие от Великобритании).

Прежде всего, дифференциация членов Европейского союза остается весьма значительной и связана отнюдь не только с принятием новых членов, невозможность подтягивания которых до уровня развитых стран стала в последние годы уже совершенно очевидной. Так, с 1988 по 1992 год расширения Европейского союза не происходило, но его внутренняя разнородность увеличивалась в силу специфики его собственного развития: темпы экономического роста более развитых страны за счет освоения постсоциалистического пространства в целом были выше, чем в менее развитых.

Насколько можно судить, в периоды благополучного развития, не связанные с внутренними и внешними шоками (в силу мировых кризисов или существенных расширений), наблюдается более заметное увеличение степени дифференциации Европейского союза, так как отсутствие потрясений позволяет развитым странам реализовать свои преимущества во

внутриевропейской конкуренции, несмотря на обязательства развивать новых членов.

Потрясения же ложатся основным грузом на наиболее развитые страны, локомотивы европейской интеграции, сокращая их отрыв от остальных и тем самым снижая внутреннюю дифференциацию (как после кризиса 1997–1999 годов) или, как минимум, замедляя ее нарастание (как после кризиса 2008–2009 годов).

Это представляется весьма неутешительным для будущего объединенной Европы выводом, так как наглядно демонстрирует ее проблематичность.

Не менее знаменательная картина складывается и при наблюдении за странами бывшего социалистического лагеря. Несмотря на значительные темпы подтягивания к общеевропейскому уровню развития, рубеж в половину французского уровня по ВВП на душу населения среди них пересекла лишь Словения, причем еще в 2005 году. Отставание остальных стран этой группы, хотя в целом и сокращается, остается качественным, а не количественным. Эти страны по-прежнему не столько «Европа», сколько «Восточная Европа» в традиционном понимании этих терминов.

Неуклонность подтягивания стран Восточной Европы к уровню «старой Европы» после распада СЭВ и начала их европейской интеграции обусловлена прежде всего катастрофическим падением их экономик в конце 80-х – начале 90-х годов.

Лишь Польша достигла своего «относительного» уровня 1980 года уже в 1995-м, то есть через 15 лет, и затем уверенно превысила его, несмотря на кризис 2007–2008 годов и нынешнюю проблемную стабилизацию. Венгрия стала отставать от Франции меньше, чем в 1980 году, лишь в 2000-м, то есть 20 лет спустя; Чехия приблизилась вплотную к этому уровню в 2005-м, а Румыния обошла его в 2010-м, через 30 лет. Болгария же, похоже, не достигнет «относительного» уровня развития 1980 года уже никогда (по крайней мере, ее нынешний «относительный» уровень лишь немногим превышает половину уровня 1985 года).

Сохраняется высокая неравномерность развития самих стран Восточной Европы, хотя аутсайдеры частично сменились (место Польши заняла Болгария, в рамках социалистической системы входившая в число лидеров, а Румыния осталась на предпоследнем месте).

Разрыв в ВВП на душу населения между наиболее и наименее развитой из пяти стран Восточной Европы (без Прибалтики, Словакии и Словении) в первой половине 80-х годов снизился. Однако после страшного увеличения разрыва между ними в результате катастрофы конца 80-х – начала 90-х годов (в 1992 году индекс дифференциации стран Восточной Европы превысил уровень 1985 года более чем в 1,8 раза) и последующего выхода из кризиса на основе различных моделей он лишь в 2010 году лишь приблизился к уровню 1980-го, а в 2014 году – к уровню 1985-го (существенно, что в социалистическое время до начала рыночных преобразований дифференциация также заметно снижалась).

Насколько можно понять, достаточно устойчивое сохранение отставания стран Восточной Европы обусловлено самой моделью европейской интеграции. Более того, **глубокая внутренняя дифференциация Европейского союза, хотя и постепенно снижается, является его фундаментальной особенностью и в обозримом будущем будет носить качественный** , а не количественный **характер** .

Новый европейский колониализм

С годами крепнет уверенность в том, что сохранение разрыва в уровне развития и хроническая потребность новых членов Европейского союза в помощи являются не только не случайными, но и предопределенными самой экономической моделью европейской интеграции.

Ориентация стран Европейского союза прежде всего на внутренний рынок, но ни в коем случае не преимущественно на экспорт за его пределы, жестко навязываемая всем его новым членам, представляется естественным следствием рационального стремления к устойчивому развитию, защищенному от внешних шоков. Строго говоря, в этой части оно вполне разумно воспроизводит экономические модели Советского Союза и Китая. Однако для новых членов данное требование оборачивается требованием переориентации внешней торговли на внутренний рынок Европейского союза, на котором для их национального производства (даже когда оно соответствовало европейским стандартам, разрабатывавшимся в том числе и для

обеспечения нетарифного протекционизма), как правило, просто не было и не будет места.

Это создавало большие проблемы для всех присоединявшихся к Европейскому союзу стран. *Ставшая притчей во языцех Греция, например, в рамках евроинтеграции была вынуждена существенно ограничить производство своих экспортных продуктов – вина, табака, оливок и даже хлопка, попросту не нужных объединенной Европе. По сути, из базовых отраслей экономики ей позволили развивать одно лишь судостроение, которое, однако, вскоре не выдержало глобальной конкуренции.*

Для бывших социалистических стран вступление в Европейский союз способствовало ограничению, а то и прямому разрыву торговых связей прежде всего с Россией, с которой они были объединены в рамках прежней социалистической модели интеграции.

Поскольку высокотехнологичная продукция новых членов, как правило, была неконкурентоспособной на внутреннем рынке Европейского союза, их европейская ориентация объективно способствовала быстрой и беспощадной деиндустриализации этих стран. Гиперконкуренция со стороны европейских фирм вела к массовой безработице и утрате рабочей силой квалификации, вытеснению населения в нестабильные сектора с высокой самоэксплуатацией. *Это прежде всего мелкая торговля, превозносимый либералами малый бизнес и сельское хозяйство.*

Другим следствием стала широкомасштабная миграция населения в развитые страны Европейского союза, в которых она существенно испортила рынок труда. Наконец, не следует забывать и того, что чрезмерное измельчение бизнеса объективно снижает национальную конкурентоспособность, в частности технологический уровень страны.

Экономики Восточной Европы (в первую очередь банковские системы, оставшиеся слабыми), за малым исключением, практически полностью перешли под контроль глобальных корпораций старой Европы, которые сохранили промышленность, как правило, только там, где имелась высококвалифицированная рабочая сила. *(Стоит отметить, что некоторое относительное улучшение экономических показателей новых членов Европейского союза произошло за счет переноса в них значительного числа экологически вредных производств, осуществленного в преддверии их присоединения.)*

В странах со сравнительно малоквалифицированной рабочей силой (Румынии, Болгарии, странах Прибалтики) еще на этапе подготовки к вступлению в Европейский союз была организована подлинная промышленная катастрофа, благодаря чему квалифицированные и активные работники при открытии границ просто бежали на Запад (так, в 2007–2008 годах из Румынии уехало 20–30 % экономически активного населения – 2–3 млн человек). Это создавало в новых членах Европейского союза дефицит рабочей силы и повышало стоимость оставшейся, что во многом лишало эти страны преимущества дешевизны квалифицированного труда. Подготовка же специалистов из-за закрытия соответствующих производств и отказа от массового создания новых почти прекратилась.

Сохраненная промышленность в значительной степени занимается простой сборкой продукции корпораций «старой» Европы, в том числе ориентированной на экспорт на емкие рынки России и (до 2014 года) Украины.

В результате в странах Восточной Европы прошла масштабная и почти всеобъемлющая деиндустриализация и возникла двухсекторная экономика, характерная для колоний, пусть даже и новой эпохи.

Представляется принципиально важным, что западный капитал, как правило, не создавал новые, но использовал уже существующие в Восточной Европе и созданные до него ресурсы, придавая осуществляемой в ходе евроинтеграции модернизации преимущественно «рефлективный» характер.

В рамках созданной модели добавленная стоимость выводится из новых членов Европейского союза в страны базирования глобальных корпораций, что обусловливает парадоксальное сочетание экспортной ориентации с хроническим дефицитом текущего платежного баланса (во многом за счет высоких инвестиционных доходов). *В частности, в Румынии 85 % инвестиционного импорта идет на обеспечение производства экспортной продукции.*

Президент Чехии Клаус в свое время был вынужден признать, что вступление его страны

в Европейский союз превратило ее в «объект выкачивания денег». Это касается всех стран Восточной Европы: их сальдо текущих операций платежного баланса еще до начала кризиса 2008–2009 годов (что принципиально) было намного хуже, чем в 1990-м (последнем году существования социалистической системы). *(В Болгарии оно снизилось с –8,1 % ВВП в 1990 до –25,2 % ВВП в последнем предкризисном 2007 году, в Чехии с 0,00 до –4,4 % ВВП, в Венгрии с +1,1 % до –7,3 % ВВП, в Польше с +4,9 % до –6,2 % ВВП, в Румынии с –4,6 % до –13,4 % ВВП; за 1992–2007 годы оно снизилось в Словении с +5,7 % до –4,0 % ВВП, в Литве с +5,3 % до –14,5 % ВВП, в Латвии с +12,3 % до –22,4 % ВВП; за 1993–2008 годы в Эстонии с +1,2 % до –15,1 % ВВП, в Словакии с –4,9 % до –5,3 % ВВП – и это, как мы видим, наименьшее ухудшение данного показателя!)*

Отрицательное сальдо текущего платежного баланса некоторое время может поддерживаться притоком иностранных инвестиций, однако при хроническом характере означает жизнь в долг с высокой зависимостью от внешних шоков и рисками девальваций либо, если они невозможны (например, из-за вступления в зону евро), с ухудшением социальной защиты.

Когда эти «скрытые резервы» исчерпываются, то есть, грубо говоря, в стране заканчиваются финансовые ресурсы, которые из нее можно вывести, платежный баланс относительно нормализуется, но это состояние обескровленности практически исключает возможность нормального развития. Поэтому улучшение платежного баланса после кризиса 2008–2009 годов представляет собой не столько подготовку к «европейскому рестарту», сколько статистический аналог «тишины на погосте». *В 2014 году из рассмотренных десяти стран Восточной Европы в пяти текущее сальдо платежного баланса было лучше, чем в 1990 году (для некоторых – в 1992 и 1993 годах), а в пяти – по-прежнему хуже: в Словении оно составило +5,9 % ВВП, в Венгрии +2,5 % ВВП, в Словакии +1,9 % ВВП, в Литве +0,9 % ВВП, в Латвии –0,1 % ВВП, в Болгарии и Чехии по –0,2 % ВВП, в Румынии –1,2 % ВВП, в Польше –1,5 % ВВП, в Эстонии –2,2 % ВВП.*

Принципиально важно, что структурные фонды Евросоюза обусловливают выделение средств на развитие весьма жесткими условиями, которым по-настоящему сложно соответствовать. Так, в 2007 году Румыния могла получить из этих фондов 2 млрд евро, но на практике смогла использовать лишь 400 млн евро из фонда рыболовства. В то же время ее взнос в бюджет Евросоюза составил 1,1 млрд евро (1,8 % ВВП), то есть Румыния стала не бенефициаром, а донором Европейского союза, причем возникли вполне обоснованные опасения закрепления этого положения на длительное время. Другой пример – Латвия, которая смогла начать использовать средства, выделенные Евросоюзом на модернизацию сети ее автомобильных дорог, лишь в 2013 году.

Во всей Восточной Европе мы видели массовую скупку активов, в ходе которой западные корпорации стали хозяевами не только банковских систем, но и практически всей экономики, а через нее – и всей политики стран Восточной Европы. Показателен провал попытки выработать стратегию социально-экономического развития Румынии: совершенно неожиданно для ее европейски ориентированного руководства оказалось, что будущее страны в рамках европейской интеграции в решающей степени определяется не национальными властями, но корпорациями «старой» Европы и решениями Еврокомиссии, на которые власти Румынии не могут оказать практически никакого реального влияния. Соответственно, никакая национальная стратегия развития в рамках Европейского союза невозможна по определению, по крайней мере, для его новых, относительно слабых членов.

В связи с этим возникает резонный вопрос: если это суверенитет, то чем в таком случае является колониальная зависимость? И где тот «суверенитет» членов Европейского союза, который от России истерически требуют признавать и уважать?

Развитые страны (в том числе в рамках «Восточного партнерства») действуют (возможно, бессознательно) по принципу «возьмите наши стандарты, а мы возьмем ваши ресурсы и уничтожим то, чем вы можете конкурировать с нами». В целом это все меньше напоминает декларируемое справедливое и равное сотрудничество и все больше – жестокую неоколониальную эксплуатацию.

Имманентный управленческий кризис

Глубокая и неустранимая внутренняя дифференциация Европейского союза оборачивается серьезным различием даже самых насущных интересов его членов, которое в свою очередь превращает практически все значимые решения, принимаемые в его рамках, в плоды сложнейших многоуровневых компромиссов.

Вступление в силу Лиссабонского договора облегчило этот процесс (впервые введя внятный формальный критерий достаточности поддержки при принятии решений), но одновременно обострило внутреннюю напряженность в Европейском союзе, создав угрозу того, что некоторые страны часто будут оказываться в меньшинстве, а малые страны станут заметно менее значимыми.

Однако принцип многоуровневого компромисса как основного инструмента выработки решений сохранился, соответственно, корректировать их после принятия по-прежнему остается исключительно сложно, что сохраняет поразительную негибкость позиции Европейского союза. Поскольку эта позиция естественным образом вырабатывается без участия не входящих в объединенную Европу стран (в том числе и России), она, как правило, оказывается негибкой за их счет, в том числе и за счет нашей страны.

При этом высокое влияние США на политическую элиту целых ряд стран Европейского союза (часто доходящее до прямого управления ими как марионетками, в частности в случаях Польши, Прибалтики и Болгарии) позволяет им оказывать колоссальное воздействие на процесс принятия решений, регулярно добиваясь от Европейского союза действий, выгодных США и невыгодных ему.

Важную роль в этом играют и интеллектуальная несамостоятельность, зависимость европейского политического класса от США и их глобальных аналитических структур, а также страх ответственности, привычный для последних поколений европейской политической «элиты». Они традиционно делегируют принятие значимых решений США, получая от них умеренные дивиденды (в основном частного характера) и перекладывая на них перед своими избирателями и национальными элитами как их, так и свои собственные ошибки.

Единственным моментом, когда руководители Европы почти освободились от стратегической зависимости от США, представляется нападение на Ирак в 2003 году. Оно осуществлялось с такими грубыми нарушениями европейских ценностей (от соблюдения процедур принятия решений до простого человеческого здравого смысла), что руководители континентальной Европы, выражая публичное несогласие с ним (или, как минимум, сомнение в его правомерности), вплотную подошли к преодолению своей зависимости от США. И, ощутив, что при продолжении этой линии им поневоле придется начать самостоятельно принимать определяющие будущее их стран решения и нести ответственность за последствия их реализации, перепугались и панически вернулись под крыло американской администрации. Процесс этого возвращения получил юмористическое (для наблюдавших процесс с близкого расстояния) наименование трансатлантического ренессанса.

Заблаговременно принятые и в силу трудности процедуры выработки не подлежащие корректировке решения затрудняют, а то и делают принципиально невозможной плодотворную дискуссию с представителями Европейского союза. Евробюрократ еще до его качественного расширения в 2004 году напоминал магнитофонную кассету с записью соответствующей директивы и пространными велеречивыми рассуждениями о компромиссах, толерантности, взаимопонимании и других выхолощенных (в том числе им же самим) европейских ценностях. После этого расширения, сопровождавшегося (в том числе и как следует из приведенной выше таблицы) качественным усилением внутренней неоднородности Европейского союза, ситуация только усугубилась.

На деле же демократия и компромиссы понимались и понимаются евробюрократией исключительно как безоговорочное подчинение ее требованиям, в том числе и прямо нарушающим ее-де собственные нормы (так, Еврокомиссия долгие годы отчаянно требовала от России ратифицировать заведомо невыгодный ей договор к Энергетической хартии, хотя в соответствии с европейскими нормами не имеет права даже обсуждать вопросы энергетического сотрудничества), то есть как прямой и безапелляционный диктат. При этом

европейские бюрократы в принципе не способны увидеть (или художественно изображают это) внутренней противоречивости свойственных представителям Европейского союза проповеди толерантности и авторитарного навязывания демократии. *Как без тени сомнения выразился один из депутатов бундестага в частной беседе с автором данной статьи, «полноправный демократический диалог – это когда мы говорим вам, что вы должны делать, думать и чувствовать, а вы поступаете в полном соответствии с нашими указаниями».*

Однако это далеко не самое худшее.

Ценностный кризис Европейского союза

Непреодолимая и не снижающаяся со временем культурная и хозяйственная разнородность Европейского союза объективно обусловливает, как это было и в Советском Союзе, необходимость исключительно высокой идеологизации системы управления, так как именно идеологизация создает систему сверхценностей, ради которых элементам этой системы можно жертвовать текущими материальными и иными интересами.

Однако, с другой стороны, идеологизация неминуемо чревата весьма существенным снижением качества управленческих решений, как мы также видели на примере Советского Союза.

Кроме того, в настоящее время основа этой идеологизации – традиционно провозглашаемые (как бы сильно они ни извращались на практике) европейские ценности и расширение сферы их применения (то есть расширение Европейского союза) – сталкивается с двумя фундаментальными и, по всей видимости, принципиально непреодолимыми вызовами.

Прежде всего, противоречие между формальным политическим равноправием членов Европейского союза и различным уровнем их не только социально-экономического, но и культурно-цивилизационного развития ослаблено Лиссабонским договором за счет равноправия. Надежды же на быстрое подтягивание новых членов к лидерам оказались еще более беспочвенными, чем аналогичные надежды советской цивилизации. Таким образом, Европейский союз ради повышения эффективности управления сделал весьма значительный шаг назад от равноправия, что представляется, несмотря на всю свою очевидную вынужденность, весьма существенной эрозией европейских ценностей в традиционном европейском их понимании.

Второй вызов декларируемым европейским ценностям заключается, насколько можно судить со стороны, во всеобщем понимании того, что к настоящему времени глобальный экономический кризис пусть и не сразу, но все-таки остановил существенное расширение как Европейского союза, так и еврозоны. С одной стороны, у наиболее развитых стран Европы больше нет ресурсов для расширения своего формализованного влияния. С другой, неразвитые европейские страны, являющиеся потенциальными кандидатами на членство в Европейском союзе, из-за кардинального и, по всей видимости, долгосрочного ухудшения экономической конъюнктуры больше не могут выполнять стандартные требования евробюрократии даже в их весьма смягченном варианте. *Исключения последних лет – вступление Хорватии в Европейский союз, а Эстонии и Латвии в еврозону – своей незначительностью лишь подтверждают это правило: это шаги, предпринятые Европейским союзом и еврозоной для демонстрации продолжения успешного расширения и углубления евроинтеграции в то самое время, когда ее потенциальные ресурсы уже практически полностью исчерпаны. Вероятное присоединение к Европейскому союзу незначительных в экономическом плане Албании и Черногории (которая уже де-факто находится в еврозоне) лишь подтвердит эту тенденцию.*

В этой ситуации важным паллиативом, позволившим на время замаскировать стратегическую исчерпанность европейской интеграции, стало «Восточное партнерство», обеспечившее среди прочего еще более надежную привязку к евробюрократии административных и коммерческих элит стран-соседей, а также комплексную расчистку их юридического пространства для дальнейшей экспансии европейского бизнеса.

Таким образом, Европейский союз, этот экспансионистский по самой своей природе и объективно направленный на неуклонное расширение проект, из экстенсивного поневоле становится интенсивным – и это на наших глазах начинает болезненно, хотя и неосознанно им

самим трансформировать весь его облик. Не стоит забывать, сколько прожил другой интеграционный – советский – проект после того, как под давлением внешних обстоятельств был вынужден отказаться от территориальной экспансии и соответственно от экстенсивного расширения.

Проблема перехода от интенсивного к экстенсивному развитию носит не только управленческий, но и принципиальный ценностный характер. Ведь отказ от насаждения своих ценностей, от их неограниченной экспансии, вне зависимости от причин такого отказа, сам собой, автоматически ставит перед всеми их носителями (а далеко не только перед одними их пропагандистами) вопрос о справедливости и соответственно фундаментальной обоснованности этих ценностей. А сама возможность постановки подобного вопроса уже подрывает их, а с ними не только внешнюю эффективность, но и саму идентичность их носителей. Как только кто-то отказывается (повторюсь, по любой причине) от неограниченной экспансии, от повсеместного насаждения своих ценностей, он тем самым автоматически признает их неуниверсальность, локальность, что в современном глобализованном мире является, по сути дела, синонимом неполноценности.

Помимо этого, крайне болезненной проблемой Европейского союза является удивительная слабость европейской самоидентификации даже на уровне элит (если, конечно, ориентироваться на их реальное поведение и в первую очередь на принимаемые ими стратегические решения, а не на торжественные тосты и другие официальные заверения). При этом рост значения регионов в рамках концепции «Европы регионов», равно как и усиление действия общеевропейских (вроде Партии европейских левых) и глобальных сил (среди которых в первую очередь надо отметить политический ислам), разрушает далеко не только национальные бюрократии и национальные идентичности, как это планировалось идеологами «новой Европы», но и саму европейскую целостность, существующую в основном в виде отдаленной и расплывчатой мечты.

Весьма значима для руководства Европейского союза – возможно, в том числе и из-за его исключительно высокой идеологизации – и проблема морали. Переписывание истории, насаждение демократии в новых «крестовых походах» в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии (в форме агрессивного исламского фундаментализма) и на Украине (в форме откровенного архаичного нацизма) при предельно циничной толерантности к ее «дефициту» (по официальной формулировке), как минимум, в Латвии и Эстонии, попустительство практике апартеида и государственной реанимации фашизма в некоторых членах Европейского союза, торговля людьми (продажа Милошевича за обещание 300 млн долларов правительству Джинджича – без этой продажи они оба были бы живы), одобрение государственных переворотов под видом народного волеизъявления – все это глубоко аморально. Все это до такой степени противоречит европейским ценностям в том виде, в котором мы привыкли их признавать, что все сильнее возникает ощущение принципиального отрицания современным Европейским союзом собственно европейских ценностей и их сохранения только за его пределами, в первую очередь в России.

Шокирующим проявлением морального кризиса Европейского союза является и априорная неравноправность его сотрудничества с другими странами. Когда после 11 сентября 2001 года президент Путин, выступая в бундестаге на немецком языке, предложил Европейскому союзу в лице Германии стратегический пакт «энергия в обмен на технологии», официального ответа так и не последовало: европейцы сделали вид, что ничего не произошло, и продемонстрировали нежелание вступать в диалог с «низшей расой». *Использование данного термина отнюдь не является каким бы то ни было преувеличением: не стоит забывать, что, когда после нацистского переворота украинские руководители стали все более активно использовать по отношению к России и русским гитлеровскую риторику – вплоть до «недочеловеков» и «тотальной войны», это не вызвало никаких внятных возражений со стороны стран Евросоюза, включая Германию.*

Неофициально же России весьма внятно дали понять, что она от Европейского союза никуда не денется, ее энергетические ресурсы все равно будут работать на Европу, ее рынок будет все равно все шире раскрываться перед европейским бизнесом, а высокие технологии Европейский союз оставит себе как гарантию своего стратегического конкурентного

преимущества над Россией.

Понимание диалога с нашей страной как диалога всадника с лошадью обусловлен, с одной стороны, выработавшейся за конец 1980-х, 1990-е и 2000-е годы привычкой к отсутствию у России каких бы то ни было внятно формулируемых и твердо отстаиваемых национальных интересов, а с другой – пониманием, что критически важная часть личных активов нашей «правящей тусовки» находится именно в юрисдикции стран Европейского союза.

Однако такое понимание, как показывает развитие событий в последние годы, не только не способствует успешному развитию сотрудничества, но и объективно толкает Россию к стратегическому союзу с Китаем и попыткам углубления тактического партнерства даже с США *(для понимания степени вменяемости и адекватности современных европейских руководителей не стоит забывать, что в результате санкций Евросоюза и США против России, введенных по требованию и под давлением американцев, товарооборот России с Германией сократился в 2014 году на 7 %, а с США увеличился на 6 %, причем импорт нашей страны из Германии упал на 13 %, а из США вырос на 12 %)*.

Всей своей историей и всем своим поведением Европейский союз с исчерпывающей убедительностью демонстрирует, что всякая аморальность (и тем более аморальность, возведенная в принцип и превращенная в новую, хотя пока еще и не европейскую в полной мере, но, безусловно, уже давно евробюрократическую форму морали) неминуемо подрывает жизнеспособность как отдельных людей, так и сообществ наций.

Глобальный кризис делит членов Европейского союза на сорта

Мировой экономический кризис по мере своего углубления и расширения необратимо усугубляет проблемы объединенной Европы и все более наглядно демонстрирует ее неспособность справиться с ситуацией. *Пресловутое «умение уживаться с проблемами», являвшееся характерной чертой не только европейского менеджмента, но и всей европейской культуры, на глазах перестает быть стабилизатором европейских обществ и начинает все более внятно угрожать самому существованию Европы в том виде, к которому мы привыкли.*

Недостаточная жизнеспособность даже относительно старых его членов, внезапно обнажившаяся в 2010 году (чего стоит одно только появление у фондовых аналитиков аббревиатуры «PIGS» – Португалия, Италия (иногда называют Ирландию), Греция и Испания), остается проблемой, которую удается лишь временно смягчить, но ни в коем случае не решить. А ведь речь идет о странах, присоединившихся к Европейскому союзу относительно давно, ставших его органичными частями, получивших колоссальную поддержку в течение длительного времени и породивших поддерживаемые даже еще на протяжении всех нулевых огромные надежды. Что же остается на этом фоне говорить о Восточной Европе и тем более о ее безнадежной и полностью бесперспективной периферии, к которой относятся как минимум Румыния, Болгария и страны Балтии?

В кризисном 2009 году только в Польше сохранился экономический рост, причем, поскольку сохранение было достигнуто девальвацией, отставания по ВВП на душу населения избежать не удалось. Во всех остальных странах Восточной Европы спад был отчетливо сильнее, чем во Франции (–2,9 %). Правда, он все же оказался ниже германского (–5,1 %, что, возможно, вызвано «бременем» Восточной Германии) в успешной Чехии (–4,5 %), а также хозяйственно и культурно близкой к ней в Словакии (–4,9 %). В 2010 году ни одной стране Восточной Европы (кроме продолжившей рост Польши) не удалось компенсировать экономический провал 2009 года (правда, и из старых членов это удалось лишь Мальте и Швеции), и лишь в 2011-м это удалось Словакии, единственной из всех торжественно вступивших в состав Евросоюза стран Восточной Европы.

Поразительно, что экономики ровно половины из 28 членов Евросоюза даже в 2014-м все еще не оправились от кризиса 2008–2009 годов, так и не достигнув предкризисного уровня 2007 года (правда, в ряде этих стран сокращение производства наблюдалось и в 2012-м, а некоторые, подобно Греции, Кипру, Италии, Хорватии и Финляндии, вошли в свой собственный перманентный и достаточно болезненный социально-экономический кризис).

Исключительно важным представляется принципиальный отказ развитых стран

Евросоюза от сколь бы то ни было существенной помощи его новым членам во время весьма болезненного и пугавшего обострения глобального кризиса в 2008–2009 годах. *(Необходимо подчеркнуть, что непоследовательная и близорукая с точки зрения экономического развития, лишь усугубляющая кризис поддержка Греции, равно как и принципиальный отказ от серьезной поддержки Кипра с фактическим ограблением иностранных, в первую очередь российских, вкладчиков его банков, представляются специфическими событиями, имеющими собственную внутреннюю логику и не связанными прямо с трансформацией Евросоюза как такового.)*

Строго говоря, отказ от помощи слабым членам объединения в действительно критической ситуации до определенного предела представляется вполне правильным для сохранения этого объединения в целости и сохранности.

В самом деле, когда нет денег и на стабилизацию наиболее развитых стран (а благополучие зависимых стран вполне естественно определяется состоянием развитых), для выживания интеграционной системы в целом и возможно большего числа слабых ее членов в частности надо оказывать помощь в первую очередь сильным.

Таблица 2. Динамика ВВП стран Евросоюза, %

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	201 к 20
Австрия	3,7	1,4	–3,8	1,8	2,8	0,9	0,3	1,0	4
Бельгия	2,9	1,0	–2,8	2,4	1,8	–0,1	0,2	1,0	3
Болгария	6,4	6,2	–5,5	0,4	1,8	0,6	0,9	1,4	5
Великобритания	3,4	–0,8	–5,2	1,7	1,1	0,3	1,7	3,2	1
Венгрия	0,1	0,9	–6,8	1,1	1,6	–1,7	1,1	2,8	–1
Германия	3,4	0,8	–5,1	3,9	3,4	0,9	0,5	1,4	5
Греция	3,5	–0,2	–3,1	–4.9	–7,1	–7,0	–3,9	0,6	–23
Дания	1,6	–0,8	–5,7	1,4	1,1	–0,4	0,4	1,5	–2

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	201… к 20…
Ирландия	4,9	–2,6	–6,4	–0,3	2,7	–0,3	0,2	3,6	–3…
Испания	3,5	0,9	–3,8	–0,2	0,1	–1,6	–1,2	1,3	–4…
Италия	1,7	–1,2	–5,5	1,7	0,5	–2,4	–1,9	–0,2	–8…
Кипр	5,1	3,6	–1,9	1,3	0,4	–2,4	–5,4	–3,2	–7…
Латвия	10,0	–2,8	–17,7	–1,3	5,3	5,2	4,1	2,7	–6…
Литва	9,8	2,9	–14,8	1,6	6,0	3,7	3,3	3,0	4…
Люксембург	6,6	–0,7	–5,6	3,1	1,9	–0,2	2,1	2,7	3…
Мальта	4,1	3,9	–2,8	4,3	1,4	1,1	2,9	2,2	13…
Нидерланды	4,2	2,1	–3,3	1,1	1,7	–1,6	–0,7	0,6	–0…
Польша	6,8	5,1	1,6	3,9	4,5	2,0	1,6	3,2	24…
Португалия	2,4	–0,0	–2,9	1,9	–1,3	–3,2	–1,4	1,0	–5…
Румыния	6,3	7,3	–6,6	–1,1	2,3	0,6	3,5	2,4	8…
Словакия	10,5	5,8	–4,9	4,4	3,0	1,8	0,9	2,4	13…
Словения	6,9	3,3	–7,8	1,2	0,6	–2,6	–1,0	1,4	–5…
Швеция	3,3	–0,6	–5,0	6,6	2,9	0,9	1,6	2,1	8…
Хорватия	5,1	2,1	–6,9	–2,3	–0,2	–2,2	–0,9	–0,8	–10…
Финляндия	5,2	0,7	–8,3	3,0	2,6	–1,5	–1,2	–0,2	–5…
Франция	2,4	0,2	–2,9	2,0	2,1	0,3	0,3	0,4	2…
Чехия	5,7	3,1	–4,5	2,5	1,8	–1,0	–0,9	2,5	3…
Эстония	7,9	–5,3	–14,7	2,5	8,3	4,7	1,6	1,2	–3…

Источник: МВФ, 2015 год.

Однако этот отказ внятно и публично, пусть даже и неофициально, зафиксировал разделение формально все еще пока остающейся единой Европы на страны даже не двух, а как минимум четырех категорий:

- крупных доноров европейской интеграции (и соответственно ее основных выгодоприобретателей);
- развитых экономик (как правило, небольших), способных в целом самостоятельно, за счет собственных средств и усилий обеспечивать в рамках единой Европы свои нужды;
- крупных и потому обладающих политическим влиянием получателей помощи, являющихся значимыми рынками для корпораций стран первых двух категорий (в основном они относятся к «старой Европе»);
- небольших неразвитых стран, не имеющих существенного политического влияния и экономического значения для систематического получения сколь-нибудь значимой помощи.

Такое разделение представляется крахом основополагающей идеи, служащей фундаментом всего современного Европейского союза, о последовательном и

целенаправленном продвижении к **экономически и политически однородной, равно развитой и соответственно равно демократичной** во всех своих внутренних элементах **Европе** .

Думаю, не только нам, но и самим европейцам исключительно важно в полном объеме понимать, что именно придет (и что на самом деле уже идет) на смену этой прекрасной, но оказавшейся совершенно нереализуемой (в европейских рамках) идее. Рост влияния патриотических сил в целом ряде стран вне зависимости от того, в какие из традиционных политических одежд они рядятся (в этом смысле представляется весьма знаменательным блок левой греческой партии СИРИЗА не с левой, а с умеренно-правой партией), становится новой доминирующей тенденцией Европы – тенденцией, способной через некоторое время не просто трансформировать, но даже и разрушить Европейский союз, по крайней мере в его привычной для нас форме.

В ряде европейских стран, имеющих исторические традиции фашизма, уже в десятилетней перспективе весьма велика вероятность прихода к власти его фактических представителей. Так, например, последовательная и самозабвенная поддержка современной политической элитой Германии украинских нацистов (пришедших к власти в результате государственного переворота, видную роль в котором официально и публично сыграли министры иностранных дел не только Франции, но и Германии, а также имеющей памятные всем традиции предельно жестокого авторитаризма Польши) производит впечатление не ситуативного реагирования, а реализации глубоких, фундаментальных ценностных установок.

Как расширение, так и углубление европейской интеграции, насколько можно судить, остановлено на неопределенный срок. Пример Украины с исключительной убедительностью свидетельствует, что «европейский выбор» и «ассоциация с Европейским союзом» в их сегодняшнем виде предполагают даже не вхождение в Европейский союз с лишением значительных прав и возможностей, которыми обладают его более старые члены, а превращение в его бесправную и разоренную колонию – своего рода пятый сорт (или, выражаясь языком старого советского анекдота, «собачатину седьмой категории, рубка вместе с будкой») формирующейся на наших глазах совершенно новой Европы.

Почему Европейский союз будет гнить, но не распадется

Очевидная и буквально с каждым месяцем все более наглядная слабость Европейского союза вызывает многочисленные иллюзии возможности его распада или самороспуска, а также краха первой искусственно созданной и при этом устойчивой валюты – евро.

Безысходный кризис Греции, приход в ней к власти патриотически ориентированных левых сил и отчаянные угрозы германского руководства изгнать Грецию из еврозоны, если греки проголосуют за свои, а не немецкие интересы (переданные, правда, весьма стыдливо, через сославшихся на мнение своего тайного источника немецких журналистов), весьма существенно активизировали размышления на эту тему.

Однако вероятность распада Европейского союза (равно как и разрушения или хотя бы существенного сокращения еврозоны) в ближайшие пять лет (а более длительный период времени в условиях растущей нестабильности не поддается даже приблизительным добросовестным оценкам) ничтожно мала.

Причина этого в самом его характере: активная политическая деятельность евробюрократии не должна заслонять того очевидного факта, что Европейский союз создавался, расширялся и существует до сих пор в первую очередь не как политическое, но как сугубо хозяйственное образование.

Соответственно, реальные, а не публично пропагандируемые цели и сами формы его существования являлись и по сей день в значительной степени остаются преимущественно экономическими.

Грубо говоря, Европейский союз представляет собой зону, в которой крупный бизнес «старой Европы» (прежде всего Германии и Франции) получает гарантированную прибыль за счет жесткого и последовательного подавления любых потенциальных конкурентов в присоединяемых странах, а главное – за счет отрицаемой на словах, но весьма изощренно

выстроенной на деле протекционистской системы (при этом барьеры носят, как правило, нетарифный характер и связаны с разнообразными стандартами, над внешней абсурдностью многих из которых наблюдатели до сих пор продолжают весьма наивно смеяться).

Аналогичным образом еврозона является территорией, на которой столь же гарантированную прибыль получает уже не весь крупный бизнес «старой Европы», но его все более значимая по мере развития и нарастания глобального кризиса финансовая часть.

Именно в этом – в гарантировании прибыли крупнейших корпораций наиболее развитых стран Европы (причем, как правило, континентальной), что является исключительно значимым ресурсом их поддержки в глобальной конкуренции, – и заключается, насколько можно судить в настоящее время, реальный смысл европейской интеграции.

Все остальное, публично провозглашаемое, обсуждаемое на различных мероприятиях до потери сознания и энергично навязываемое в качестве якобы европейской повестки дня окружающему миру (равно как и самим членам Европейского союза), разумеется, также имеет значение – примерно как вишенки на торте.

Поэтому распад Европейского союза (как и еврозоны) и даже исключение из этих интеграционных образований отдельных стран (пусть даже как угодно плохо себя ведущих с точки зрения евробюрократии) возможны в одном-единственном случае: если расходы крупнейших корпораций «старой Европы» на поддержание этих стран в рамках европейской интеграции превысят их гарантированно извлекаемые из этих стран (в условиях фактического, хотя и далеко не всегда формализованного ограничения конкуренции извне) доходы.

Поскольку расходы крупнейших корпораций на евроинтеграцию заключаются в уплачиваемых ими налогах, окончательная формула краха объединенной Европы представляется следующей: **дезинтеграция начнется, когда текущие доходы крупнейших европейских корпораций в той или иной части Европы станут меньше, чем текущие налоги, которые платят эти же корпорации и которые направляются правительствами стран их базирования на удержание соответствующей части Европы в интеграционных рамках.**

Если кто-то попытается выскочить из интеграционных структур Европы до этого момента, его будут беспощадно бомбить или эффективно убивать: слишком значительные и, что не менее важно, слишком гарантированные прибыли поставлены на карту.

Списание и тем более реструктуризация безнадежных долгов к расходам корпораций не относится: безнадежность долгов стала понятна давно, и их реальная стоимость упала тогда же. *При этом улучшение репутации наиболее развитых членов Европейского союза по контрасту с терпящими бедствия странами приносит им дополнительные прибыли, с лихвой перекрывающие все возможные убытки. В частности, по имеющимся оценкам, максимально возможный уровень потерь Германии на нынешнем витке греческого кризиса оценивался в 90 млрд евро. В то же время выигрыш Германии от роста стоимости ее ценных бумаг, во многом обусловленного ее превращением в европейскую тихую гавань на фоне терпящей бедствие Греции, уже к середине 2015 года принес ей около 100 млрд евро, то есть надежно перекрыл все возможные убытки!*

Тем не менее, учитывая состояние Греции и Кипра, начало практической реализации формулы дезинтеграции Европы в принципе можно представить себе уже в ближайшие несколько лет. Ситуацию качественно усугубляет глобальный кризис, который дополняет мотивацию крупного бизнеса (в том числе европейского) некоторыми весьма серьезными элементами.

Суть глобального кризиса заключается в том, что мир на протяжении вот уже скоро полутора десятилетий (с лета 2001 года) балансирует на грани срыва в чудовищную депрессию, которая, по ряду оценок, будет страшнее и длительнее Великой депрессии, начавшейся в конце 20-х годов и преодоленной только с началом Второй мировой войны.

Даже профессиональным оптимистам, искренне считающим эту перспективу выдумкой «врагов свободного рынка» или полагающим, что новая депрессия будет недолгой и неглубокой, не хочется срываться и падать в нее вместе со всем человечеством.

Поэтому они стараются максимально отодвинуть ее наступление если не от человечества, то от себя, все с большей интенсивностью сражаясь за главную коммерческую ценность,

которой по мере усугубления глобального кризиса все в большей степени становится спрос. Любой: на бытовом уровне, то есть уровне хозяйствующего субъекта, депрессия заключается в отсутствии денег и невозможности их заработать. Соответственно, спрос как таковой постепенно становится, без всякого преувеличения, абсолютной ценностью современной экономики – и именно этим вызван практически неуклонный, пусть даже официально никем не признаваемый рост протекционизма в современном мире. *(В частности, достаточно указать на то, что после осени 2008-го и вплоть до 2014 года единственной страной «большой двадцатки», не усилившей протекционистскую защиту своей экономики, оставалась Россия; впрочем, политическая агрессия Запада временно привела в чувство даже либеральный социально-экономический блок правительства Медведева.)*

В ситуации отчаянной борьбы за спрос и его все более острой общей нехватки текущее сжатие спроса в отдельных регионах, даже ведущее к убыткам, не будет само по себе рассматриваться крупным европейским бизнесом как сигнал к обязательному уходу из этих регионов и (в рамках нашего рассмотрения) как сигнал к выбрасыванию соответствующих стран из еврозоны, а то и Европейского союза в целом. Сам факт контроля за той или иной территорией, сам факт даже территориального (а не коммерческого) масштаба операций становится самостоятельной ценностью и отдельным ресурсом, ибо, несмотря даже на убытки, позволяет поддерживать (в том числе и у операторов фондового рынка) весьма устойчивую надежду на изменение ситуации к лучшему.

Поэтому даже при хронической убыточности операций, даже если налоги на удержание, например, Греции в еврозоне превысят для финансовых корпораций «старой Европы» прибыли, извлекаемые ими из той же Греции, они (по крайней мере, еще некоторое время) не будут ее отпускать из паутины европейской интеграции. Греция в Европе будет по-прежнему категорически нужна им как минимум в качестве символа надежды, которой они для поддержания собственного существования и для продолжения балансирования на грани срыва в депрессию будут яростно и изобретательно обманывать всех вокруг и прежде всего себя.

Абсолютная, самостоятельная ценность спроса особенно ярко видна в условиях большой коммерческой войны, которую энергично и эффективно разворачивают против Европейского союза США под видом создания «трансатлантической свободной зоны торговли». Отсутствие интеллектуальной самостоятельности у евробюрократии и в целом европейских элит как таковых не позволяет им прямо отстаивать (а порой даже и осознавать) свои стратегические интересы, если требования отказаться от них обернуты в правильные идеологические формулы и выдвигаются США, ставшими фактическими хозяевами Европейского союза. В ходе переговоров по «трансатлантической зоне свободной торговли» представители Европейского союза так и не нашли в себе силы указать на принципиальную невыгодность и, более того, опасность этой инициативы для европейских экономик, ограничиваясь второстепенными предложениями и простым откладыванием времени принятия решений, которые можно отложить надолго, но ни в коем случае не навсегда. Между тем США, входя в положение еврobюрократов и уступая по второстепенным вопросам, уже вырвали у них принципиальное согласие на реализацию этого проекта.

Это значит, что в стратегическом отношении сражение уже проиграно Европейским союзом: когда набор второстепенных аргументов и третьестепенных отговорок у европейских «эффективных менеджеров» иссякнет, трансатлантическая зона свободной торговли начнет формироваться.

Поскольку европейский бизнес на порядок менее конкурентоспособен, чем американский (из-за большей социальной нагрузки, большего бюрократизма и в целом меньшего масштаба действий), свободная торговля с США обернется для Европейского союза тем же, чем для стран Восточной Европы обернулась евроинтеграция – деиндустриализацией и массовой гибелью среднего класса. Которая, кстати, может привести к серьезным политическим потрясениям вплоть до прихода к власти фашистов или их современного воплощения – крайних либералов, с беспредельной жестокостью обслуживающих интересы уже не крупного национального, а глобального бизнеса.

Весьма существенно, что отчаянная попытка захвата украинского рынка под видом подписания соглашения об «ассоциации» (помимо свободной торговли с Европейским союзом

оно предоставляло евробюрократии право вето на любое решение властей Украины и требовало укрепить ее западную границу, чтобы фанатики евроинтеграции не создали никаких значимых неудобств для объекта своего поклонения) представляется сегодня проявлением стремления европейского бизнеса хоть как-то компенсировать последствия своего неизбежного стратегического поражения после создания зоны свободной торговли с США.

Нелепая кровавость этой попытки, экономический смысл которой не сознавался даже проевропейскими политическими силами Украины, и ее чудовищный результат в виде резкого сжатия украинского рынка и физического уничтожения огромного количества ресурсов, под управление которыми только немецкий бизнес успел аккумулировать десятки миллиардов евро, весьма внятно характеризуют качество современного европейского управления.

Однако евроинерция исключительно велика, и на некоторое время она обеспечит сохранение евроинтеграции даже в неблагоприятных внешних и внутренних условиях.

Какая Европа нам нужна

Никакие общечеловеческие и гуманитарные иллюзии в отношении Европейского союза в настоящее время, когда он вполне открыто и официально объявил нам пока холодную войну, введя экономические санкции (второй пакет которых был принят немедленно после вторых Минских соглашений, чем Европейский союз весьма наглядно и убедительно «наказал» Россию за попытку прекратить развязанное и поощряемое европейцами кровопролитие на Украине), больше не имеют права на существование.

Как ни жаль, современный символ гуманистической цивилизации – Европа – практически полностью утратила творческий дух по отношению к глобальным процессам, страдает провинционализмом и догматизмом в предельно острой и опасной для окружающих форме, а также поражена близкой к патологии склонностью к стимулированию и всяческому поощрению предательства. Насколько можно судить, изложенное не позволит ей, при всем ее колоссальном накопленном культурном багаже и богатстве, не только вести сколь-нибудь успешную глобальную экспансию, но и даже и просто стать самостоятельным субъектом мирового развития.

Как это ни прискорбно, в настоящее время Европа представляет собой не более чем пассивный, управляемый внешними эгоистичными силами и уверенно клонящийся к упадку, хотя все еще и очень обеспеченный и достаточно мощный регион.

Для России Европейский союз, насколько можно судить, в настоящее время представляется прежде всего по-прежнему емким рынком, весьма полезным культурным феноменом, источником весьма разнообразного набора частично пригодных для заимствования форм и принципов и одновременно зловещим предупреждением о недопустимости слепого копирования даже лучших из них.

Современная Европа для нас, как бы это ни противоречило нашей историко-культурной традиции, выродилась в не более чем предмет и инструмент потребления. Да, самого разнообразного, включая эмоциональное и интеллектуальное. И конечно, ее разложение отнюдь не повод для озлобления и какого бы то ни было самоограничения этого потребления.

В конце концов, «если вам не нравятся кошки – значит, вы просто не умеете их готовить».

Просто не нужно ждать, что европейские страны решат за вас ваши проблемы и откроют перед вами дверь в лучший мир.

Блага, которые действительно способна предоставить нынешняя Европа, связаны с обеспечением индивидуального комфорта в самом широком смысле этого слова – от материального потребления и приобщения к безусловным культурным ценностям до бизнеса, личной безопасности, здравоохранения и доступа ко все еще сравнительно качественному (при всем неуклонном снижении его уровня) и, главное, признаваемому самой Европой образованию.

Этим и надо по мере возможности пользоваться.

А вот поиск союзников и учителей, коллективных и личных норм поведения, смыслов, ценностей, принципов или, упаси боже, мировоззрения, целостной жизненной философии – это не к Европе, как бы ни старались ее многочисленные поклонники и пропагандисты.

Потребляйте Европу правильно, пока она еще существует.

Глава 4. Наши возможности и наше место: объективные границы возможностей

4.1. Современное состояние России: перспективы системного кризиса

Социально-экономическую политику российского государства на протяжении всего времени его существования после распада Советского Союза не представляется возможным сколь-нибудь непротиворечиво объяснить без набирающей популярность гипотезы, согласно которой это государство сложилось в начале 90-х еще в недрах СССР как инструмент отнюдь не общественного развития, но разграбления советского наследства и легализации украденного в качестве личных богатств в фешенебельных странах. Уже и от наследства этого мало что осталось, и с легализацией на Западе проявляются пока не критичные, но уже пугающие «офшорную аристократию» проблемы, но машинка свинчена по-советски надежно и продолжает молотить, уничтожая страну.

Этим объясняются, насколько можно судить, и поразительно неизменные на протяжении всех 28 лет национального предательства (считая с обрушивших потребительский рынок хозяйственных реформ Горбачева) «ошибки» и «недостатки». Либерализм как идеология служения государства интересам глобального бизнеса, а не своего народа, кромешная коррупция, безнаказанный произвол монополий, труднодоступность правосудия, сжатие социальной сферы как универсальный ответ на любую финансовую проблему – словом, все, что душит и разрушает наше общество, легко объясняется этой гипотезой и вряд ли объясняется какой бы то ни было иной.

Любителям объяснять разрушительные последствия собственной политики коварными санкциями злокозненного Запада стоит напомнить: экономика России перестала ускорять свой рост при резком (на 38 %!) удорожании нефти еще в 2011 году. В 2012-м из-за присоединения к ВТО на заведомо кабальных, колониальных по сути условиях бурный до того инвестиционный рост сменился инвестиционным спадом: как многократно предупреждалось, «при прочих равных условиях» в страну идут или товары, или инвестиции. С января по август 2013 года промышленное производство было незначительно, но все равно ниже прошлогоднего. Паническое бегство из нашей страны частного капитала и ослабление рубля началось в январе 2014 года – еще во времена дорогой нефти (цена которой на мировых рынках гарантированно, как тогда казалось, превышала 100 долл/барр) и во внешнеполитической ситуации, в которой развязывание против нас Западом новой холодной войны невозможно было и представить.

Пресловутые санкции лишили Россию внешнего кредитования, но основной вред отечественной экономике принесли не они сами по себе, а категорическое нежелание определяющих социально-экономическую политику нашей страны либералов реагировать на новую ситуацию и заменить внешние кредиты внутренними. Ведь в экономическом плане государство отличается от обычной семьи в первую очередь именно тем, что не просто может, но и обязано эмитировать деньги в соответствии с потребностью своей экономики (такая эмиссия не вызывает инфляции при ограничении произвола монополий). Однако, принципиально отрицая национальный суверенитет, глобальный бизнес руками верно служащих ему либералов не дает государству исполнять свои неотъемлемые обязанности перед народом.

Кроме того, чтобы эмитировать свою валюту по потребности своей экономики, а не в том количестве, которое позволяет Запад, надо отделить спекулятивные деньги от инвестиционных, иначе кредиты на развитие производства пойдут на валютный рынок и обрушат его, как это произошло в нашей стране, например, осенью 1992 года.

Такие ограничения вводили на соответствующей нашей стадии зрелости финансовых рынков все развитые страны (собственно говоря, именно потому они и стали развитыми). Рыночные США отменили их (в виде закона Гласса – Стиголла) лишь в 1999 году, менее

рыночная Япония – в 2000-м.

Но «что позволено Юпитеру, не позволено быку»: российские либералы не смеют и помыслить об этом. Ведь такие ограничения ущемят интересы в основном спекулятивного глобального бизнеса, которому они служат.

Поэтому они отказываются от ограничения финансовых спекуляций и практически одинаковым образом регулируют спекулятивные и производственные капиталы, что удушает последние, а с ними и весь реальный сектор, вновь, как в «лихие 90-е», лишаемый кредита, а с ним и возможности нормального развития.

Под видом борьбы с инфляцией (вызываемой в наших условиях прежде всего девальвациями и произволом монополий, а не ростом остро дефицитной денежной массы) либералы в правительстве Медведева и Банке России предельно ужесточили финансовую политику. В 2014 году денежная масса выросла на 2,2 %, за январь-май этого года – на 0,6 %, с учетом роста цен реальная денежная масса менее чем за полтора года сжалась на 15 %. Именно таким образом либералы прошлого поколения уничтожали экономику России в чудовищные для страны и народа, но излюбленные ими 90-е годы. Демонетизация порождает обостряющийся денежный голод и не просто блокирует развитие, но и все в большей степени возвращает нас в социально-экономические реалии того времени.

Торможение роста экономики (с 4,3 % в 2011-м до 0,6 % в 2014-м) в 2015 году сменилось спадом: в январе-октябре он составил, по оценке Минэкономразвития, 3,9 %, в том числе в октябре – 4,0 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Некоторая стабилизация ситуации после максимального отставания от прошлогоднего уровня, достигнутого в мае, ни в коей мере не меняет сложившейся на протяжении последних лет пугающей тенденции и потому утешает слабо.

Падение уровня жизни, нарастающая неопределенность и страх перед будущим, становящиеся непосильными набранные в «светлом прошлом» кредиты ведут к опережающему свертыванию потребления.

Конечно, июньское сокращение розничного товарооборота на 9,4 % лучше анонсированного накануне обнародования официальной статистики «профильным» вице-премьером Голодец спада на 15 %, но шуточки в стиле «больной перед смертью потел» в отношении собственной жизни уже перестали веселить.

При этом федеральный бюджет буквально захлебывается от денег: неиспользованные остатки средств на его счетах по состоянию на 1 августа 2015 года составили 9,6 трлн рублей. На эти деньги можно построить, без всякого преувеличения, новую Россию, значительно комфортней и современней нынешней, или более семи месяцев финансировать все расходы государства, не собирая ни налогов, ни пошлин.

Однако в полном соответствии с «максимой Дворковича», по которой Россия должна платить за финансовую стабильность США, эти средства, по сути дела, заморожены федеральным бюджетом, а их основная часть вложена в ценные бумаги США и государств еврозоны.

Получая существенные инфляционные доходы (несмотря на экономический спад, федеральный бюджет перевыполнил план одиннадцати месяцев 2015 года по доходам), государство не только не увеличивает расходы пропорционально росту цен (только так можно выполнить свои обещания на деле, а не на словах), но и сокращает их, дополнительно ухудшая экономическую конъюнктуру и усугубляя нехватку денег. Болезненное урезание социальных расходов государства на фоне падения уровня жизни создает в регионах нарастающую социально-политическую напряженность, грозящую обернуться полноценным политическим кризисом, который может разразиться буквально на ровном месте.

Представляется принципиально важным, что неумолимое удушение агонизирующей экономики чрезмерно жесткой финансовой политикой российских либералов объективно требует все нового и нового ослабления рубля, хотя бы для удержания спада в пределах символически значимых 5 %.

Играют свою разрушительную роль и грезы об импортозамещении, выдаваемые правительственными либералами за государственную политику: не подкрепляя ослабление рубля ни дешевыми кредитами, ни свободными производственными мощностями и

квалифицированной рабочей силой, ни легким доступом к инфраструктуре, ни стабильным рынком сбыта, они прекрасно понимают, что девальвация остается единственным способом хотя бы временно поддержать экономику, ничего не улучшая в ней.

Ослабление рубля будет крайне неравномерным и в целом стихийным – за счет нейтралитета Банка России при периодическом уходе бизнеса с рынка валюты из-за необходимости выплаты внешних долгов. Это существенно усилит его и без того существенные негативные последствия.

Позитивный эффект девальвации для реального сектора из-за ослабления российской экономики неуклонно уменьшается (уже снижения курса, проведенного с начала января по середину марта 2014 года, «хватило» лишь на три месяца – до середины июля), а негативный социальный (прежде всего в виде роста цен) растет и давно уже весьма существенно превысил для общества все возможные выгоды от нее.

Поэтому девальвация, ускорив рост цен, усилит нарастающее пока подспудно социальное напряжение, лишь до поры не ломающее крымские рейтинги полностью бездельничающего в сфере экономической политики государства, хотя временно поддержит экономику и позволит спасти некоторое количество политически значимых рабочих мест без существенных бюджетных дотаций.

Разумеется, ухудшение ситуации не будет носить линейного характера. В частности, по завершении крупных выплат по внешнему долгу экономика в отсутствие новых займов и, соответственно, новых крупных выплат несколько укрепится: экспортеры продолжат аккумулировать средства, а масштабных выплат по внешним долгам у них уже не будет. Остающиеся в их распоряжении денежные средства увеличатся и довольно существенно поддержат и банковскую систему, и реальный сектор, в который они частично просочатся.

Однако при открытости экономики практически настежь (а не стоит забывать, что условия присоединения к ВТО ставят Россию в значительно худшее положение, чем, например, неизмеримо более конкурентоспособный Китай) для экспортеров, как и для остальных, в России просто не возникнет масштабных возможностей инвестирования. Поэтому деньги будут по-прежнему неуклонно уходить из страны (если не в порядке возврата долгов прошлых лет, то в виде бегства частного капитала, загоняя Россию все глубже во всеобъемлющий социально-экономический кризис в стиле 90-х годов).

Без кардинальной смены социально-экономической политики, без перехода от разграбления и уничтожения страны к ее комплексному созиданию нас ждут хаос, дезорганизация и майдан, который может привести не только к распаду России, но и к уничтожению самой российской цивилизации.

Возможно, служащие глобальному бизнесу либералы, в том числе и занимающие ключевые посты в правительстве и Банке России, стремятся к такому развитию событий совершенно осознанно. Ведь оно позволит глобальному бизнесу практически без издержек овладеть всеми значимыми ресурсами нашей страны и быстро утилизировать все, не нужное ему непосредственно.

Однако, даже если возвращающая нас в 90-е либеральная социально-экономическая политика является результатом добросовестных глупости и убожества, а не осознанного предательства, от этого никому не легче: порождаемые ею угрозы не слабеют и будут усиливаться, пока она не канет в Лету вместе со своими носителями или пока не столкнет нас в очередную ужасную катастрофу. К сожалению, в силу качественного разнообразия факторов, которые могут стать катализаторами срыва России в новый системный кризис, характер и протекание последнего, несмотря на его все более очевидное приближение, по-прежнему не поддаются добросовестному прогнозированию.

4.2. Стратегические ресурсы России и возможности их использования

Вместе с тем в настоящее время, как и четверть века назад, российское общество все еще сохраняет возможности не только для выживания, но и долговременного успешного развития. В ближайшее десятилетие России предстоит нащупать качественно новую модель своего развития, которая неминуемо будет весьма специфичной в той же самой мере, в которой

специфичным является и само российское общество. При этом нельзя не подчеркнуть, что именно нами и именно сегодня решается судьба наших потомков: будут ли они работать на компьютерах за не менее чем среднемировую зарплату или же мотыгой – за ничтожный физиологический прожиточный минимум.

Принципиальным ограничением (несмотря на свою самоочевидность, по-прежнему остающимся совершенно непостижимым для значительной части российских аналитиков) представляется то, что Россию можно вести только туда, куда она может пойти, и при этом туда, где она категорически необходима миру. После национальной катастрофы рубежа 1980–1990-х и особенно финансовой катастрофы 1998 года первое ограничение на виду, и нет сомнения, что его удастся учесть надлежащим образом.

Однако до сих пор остается открытым ключевой вопрос: какая Россия и для чего нужна миру? В чем именно состоит та его потребность, в особенности потребность лидеров мирового развития, которую мы – в том числе и уже в своем сегодняшнем состоянии – можем удовлетворить гарантированно лучше других? Именно в этом заключается коренной вопрос развития российского общества, от способности ответить на который зависит все его будущее. Между тем нарастающая конфронтация с внезапно развязавшим против нас необъявленную войну Западом, дискредитировав последний в глазах российского общества, мешает даже постановке этого вопроса, а не то что поиску на него внятных и обоснованных ответов.

Конфронтация неминуемо обессиливает, поэтому российская экономика должна встраиваться в мировые кооперационные связи, в том числе в случае необходимости (и возможности) используя самую грубую силу, но исключительно в целях достижения взаимовыгодного и взаимоприемлемого конструктивного сотрудничества. Лишившись в результате поражения в холодной войне собственной технологической пирамиды, наша страна должна на первом этапе своего возрождения использовать все сохраняющиеся возможности по интеграции в качестве жизненно необходимых звеньев в технологическую пирамиду развитых стран. Представляется принципиально важным подчеркнуть, что такие жизненно необходимые звенья с самого начала могут быть лишь достаточно сложными, ибо, как с видимым удовольствием отмечал наиболее искренний и (по оценкам его коллег) едва ли не самый порядочный из либеральных реформаторов А. Кох, просто еще один источник традиционного минерального сырья развитым странам не нужен.

Принципиально важно, что такая ориентация категорически не нужна в первую очередь и самой России. Главным ограничением сферы специализации для современной отечественной экономики является слабо осознаваемая даже нашим собственным обществом глубина ее деградации. Она достигла таких масштабов, что наша экономика в целом (и многочисленные блестящие исключения из этого общего правила в лице ее отдельных субъектов лишь подкрепляют правоту данного вывода) практически не способна успешно вести конкурентную борьбу в глобальном масштабе. Поэтому в своем сегодняшнем и завтрашнем состоянии Россия способна занять устойчивые позиции в глобальной конкуренции только там, где она занимает уникальное положение и в силу его уникальности не сталкивается с массовой и систематической конкуренцией.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на всю тяжесть своего современного положения, Россия все еще располагает двумя поистине уникальными материальными преимуществами: пространством, позволяющим, как минимум, обеспечить создание и успешное функционирование жизненно необходимой мировой торговле трансъевразийской железнодорожной магистрали, и природными ресурсами (в первую очередь полезными ископаемыми), являющимися последней на нашей планете значительной нетронутой природной кладовой.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, хотя описанные преимущества длительное время (в том числе еще и совсем недавно) считались неотчуждаемыми, неотъемлемыми и практически вечными преимуществами России, к настоящему времени общее ужесточение конкуренции за ресурсы развития сделало эти представления безнадежно устаревшими. Сегодня уже практически не вызывает сомнения, что российскому обществу в самое ближайшее время предстоит в прямой борьбе доказывать по меньшей мере основным участникам глобальной конкуренции свою способность если и не использовать эти ресурсы, то хотя бы по-прежнему

ими владеть.

Трансъевразийская магистраль создаст новое геоэкономическое пространство – с Россией или без нее

В настоящее время перед Россией стоят две взаимосвязанные тактические задачи, ставшие категорическим императивом всего ее развития в краткосрочной перспективе.

Главная задача заключается в привлечении для модернизации экономики, в первую очередь жизненно важных капиталоемких, то есть преимущественно инфраструктурных, отраслей, достаточного для этого объема прямых инвестиций, что требует среди прочего качественного повышения степени осознанности экономической политики. В частности, традиционно игнорируемые на протяжении последних пятнадцати лет вопросы структурных и региональных приоритетов будут дополнены в этом случае вопросами долгосрочного позиционирования российской экономики в глобальной конкуренции.

Привлечение в первую очередь именно прямых иностранных инвестиций необходимо потому, что собственный инвестиционный потенциал сегодняшней России даже с учетом огромного притока нефтедолларов в силу исключительной неадекватности и неэффективности политики государства остается недостаточным для решения этой задачи (с учетом необходимости укрепления обороны и восстановления человеческого капитала).

Единственной альтернативой иностранным инвестициям являются, по сути дела, эмиссионные средства, которые даже при самых эффективных механизмах их применения (государственные гарантии и проектное финансирование под жестким контролем) представляются в целом недостаточными для решения стоящих перед Россией задач. Государственные инвестиции (а также государственные инвестиционные кредиты и государственные инвестиционные гарантии) в условиях сегодняшнего и завтрашнего разрушительного характера государственного управления должны рассматриваться лишь как чрезвычайная мера, применимая перед лицом угрозы неприемлемого физического износа жизненно необходимых основных фондов (в первую очередь инфраструктурных) либо как средство поддержания пропорциональной структуры национального спроса (в том числе на инвестиционные товары).

Значительные средства крупных корпораций и предприятий в условиях, как минимум, среднесрочного отсутствия действенных механизмов защиты собственности могут вкладываться преимущественно в них самих или в прямо принадлежащие им объекты инвестирования. Вложения в не принадлежащие инвестору хозяйствующие субъекты будут оставаться запретительно рискованными, по сути дела, вариантом русской рулетки, что обеспечит длительное сохранение в российской экономике внутренних инвестиционных барьеров.

Доллары же населения «из-под матрацев», о которых так трепетно мечтают все российские либералы, частью заняты в производственном либо высокорентабельном торговом обороте, а частью представляют собой принципиально не направляемые на инвестиции запасы на черный день. Нетерпимо низкий уровень доходов основной части граждан остается совершенно недостаточным для осуществления ими инвестиций в сколь-нибудь заметном объеме. Естественный резервуар средств населения – Сбербанк – будет использовать их в первую очередь для поддержания собственной ликвидности. Кроме того, доверие граждан ко всем формам осознанного инвестирования необратимо подорвано годами предельно безответственного и безграмотного государственного управления, сопровождавшегося самыми разнообразными и изощренными аферами, проводившимися в том числе государством (как это было, в частности, на протяжении всей приватизации) и от имени государства.

Таким образом, массированное привлечение иностранных инвестиций является если и не единственно возможным, то, по крайней мере, наиболее желательным из возможных инструментов жизненно необходимой для России модернизации экономики.

При этом оно неизбежно окажется и ключевым средством решения второй важнейшей проблемы современного российского государства – сохранения территориальной целостности страны. Дело в том, что ухудшение экономической конъюнктуры при ослаблении государства

неуклонно увеличивает минимальный порог защищенности для иностранных инвестиций. Инвестиции, величина которых не превышает этого порога, как правило, практически не имеют реальных шансов получить поддержку (в первую очередь со стороны государства), необходимую для их безопасного осуществления. В результате они оказываются беззащитными под ударами экономического кризиса, корыстной и неэффективной бюрократии, слепого социального протеста и растущей аморальности общества.

Ухудшение ситуации в России в ближайшее время на фоне резко обострившихся отношений с Западом может сделать совершенно недостаточными уже не только формальную поддержку, но даже прямые гарантии государства. Поэтому в полной мере реальными представляются лишь те проекты, которые автоматически, в силу самого своего характера предоставляют каждому серьезному инвестору в принципе не отчуждаемые от него и достаточные для его нормальной работы гарантии. При сегодняшнем и вероятном завтрашнем состоянии России единственной гарантией такого рода для инвестора является контроль за связанными с его работой аспектами деятельности самого государства.

Принципиально важно, что опыт США и Великобритании, обеспечивавших такой контроль путем идеологического, финансового, а порой и административного управления сменявшими друг друга командами реформаторов, убедительно свидетельствует о принципиальной недостаточности чисто политической или личностной компоненты такого контроля. Он может быть действенным лишь в случае его экономического характера, когда инвесторы будут влиять не только на «верхушечные» политические, но и на глубинные хозяйственные процессы.

Таким образом, к настоящему времени российский кризис повысил порог минимального размера гарантированно защищенных инвестиционных проектов до уровня, когда они должны быть не просто крупными, но глобальными, далеко выходящими за пределы национальной экономики России и обеспечивающими ее реальную привязку к экономике страны принадлежности инвестора либо постепенное встраивание ее в эту экономику. Это означает передачу под хотя и опосредованный, но тем не менее вполне реальный контроль стратегического инвестора не просто отдельного проекта или даже отдельных пространств, как это имеет место, например, при традиционных концессионных договорах или соглашениях о разделе продукции, но значительной части российской экономики или, по крайней мере, ряда ее ключевых элементов.

Такая привязка к экономике инвестора может существовать исключительно в реальном секторе, так как финансовые потоки вымывают из контролируемой страны финансовые и интеллектуальные ресурсы, бросая остальное как не представляющее критической ценности. Чтобы быть по-настоящему надежной и перспективной, такая привязка должна иметь обоюдный характер, то есть жестко и однозначно обеспечивать зависимость благополучия инвестора от благополучия России. Это условие сразу и окончательно исключает из рассматриваемого перечня проектов (даже если бы отношения с Западом вдруг по непонятной причине улучшились) американские идеи «международного» освоения Сибири и Дальнего Востока как объективно ведущие к болезненному и разрушительному расчленению России и ее последующему уничтожению как субъекта мировой политики и экономики.

Практически единственным проектом такого рода, сохранившим свою актуальность и на сегодняшний день, представляется реконструкция Транссибирской железнодорожной магистрали и прилегающих к ней с востока и запада участков, которая приведет к созданию единого, а через какое-то время и скоростного железнодорожного пути Лондон – Токио (разумеется, с выходом также на китайские порты). Создание трансъевразийской магистрали, при всей экзотичности и неожиданности данного проекта, несет его участникам достаточно серьезные и реальные выгоды (в отличие от других новейших «проектов века», подобных каспийской нефти, которые при внешней коммерческой привлекательности преследовали в первую очередь геополитические цели), масштабы и долгосрочность которых вполне соответствуют масштабам и долгосрочности проекта.

Экономическая рентабельность для участников проекта очевидна, так как железнодорожные контейнерные перевозки на большие расстояния значительно выгоднее морских. Конечно, придется ломать глобальное сопротивление корпораций, связанных со

сложившейся инфраструктурой перевозок и включающих не только транспортные компании, но и страховые корпорации и власти ряда регионов и государств. Кроме того, заказами на соответствующее оборудование явно будет загружена не только российская промышленность, но и корпорации Японии и Европы, и никакие клятвы российского руководства в верности протекционизму не смогут изменить этого, в том числе и по чисто технологическим причинам. Ведь даже во внутреннем обороте российского машиностроения доля импортных деталей исключительно высока.

Экономическая выгода для России также представляется совершенно очевидной: помимо прямых финансовых поступлений от транзита, это миллионы рабочих мест, возрождение целых отраслей промышленности (начиная с заводов по производству бетонных шпал) и кардинальное увеличение внутреннего спроса, в том числе на инвестиции, а также оздоровление управляющих систем. Нельзя забывать и о моральном возрождении народа, который после длительного перерыва вновь столкнется со вполне реальной возможностью зарабатывать себе на жизнь честным трудом, а не различными видами воровства.

Политически же Россия при реализации описываемого проекта не просто надежно обеспечивает свое экономическое, политическое и культурное единство, скрепляя его мощной транспортной системой и на долговременной основе заинтересовывая наиболее влиятельных соседей в надежном обеспечении своей целостности. Задолго до завершения указанного проекта, а фактически и вовсе с начала его официальной подробной проработки он впервые за последние четверть века подведет под евразийскую интеграцию уже не политическую или хозяйственную, но инфраструктурную основу. Это вернет Россию в число стран, способных на постоянной основе оказывать реальное влияние на мировую политику.

Весьма неприятным для российского истеблишмента представляется тот факт, что помимо значительных финансовых и административных затрат основных инвесторов, по всей вероятности, преимущественно Китая и, если получится, Японии и Южной Кореи, он потребует от России политических уступок, перед которыми блекнут самые несдержанные территориальные претензии. Ведь к сегодняшнему дню вся система управления не только железными дорогами (в их отношении ситуация усугубляется реформой, превращающей железнодорожный транспорт в аналог принципиально не поддающегося государственному управлению «Газпрома»), но и Россией в целом сложилась в формах, уже на институциональном уровне практически исключающих возможность сколь-нибудь масштабной созидательной деятельности. Поэтому осуществление даже просто крупного инвестиционного проекта, не говоря уже о глобальном, в принципе невозможно без грубого вторжения инвесторов, в том числе иностранных, в святая святых – саму систему управления государством.

Принципиально важно, что такое вторжение по технологическим причинам должно носить комплексный характер и осуществляться одновременно не только на федеральном, но и на региональном, а также на отраслевом уровне. Утешением могут служить лишь два весьма существенных обстоятельства, которые нельзя упускать из виду.

Прежде всего, такое вторжение приведет к качественному повышению эффективности российской системы управления как на государственном, так и на корпоративном уровне. И кроме того, оно будет носить обоюдный характер, создавая не только постоянную зависимость России от решений Китая, Японии и развитых стран Европы, но и обратную зависимость последних от решений, принимаемых руководством России.

А это, как представляется, совершенно меняет суть дела. Развитые страны Европы, качественно и взрывообразно расширяя пространство интеграции за счет России, Китая и Японии, также расширят и свою геоэкономическую устойчивость, в первую очередь по отношению к потенциальным деструктивным воздействиям со стороны США. Это особенно важно сейчас, когда нет сомнений в нарастании подобного рода воздействий в рамках объективно необходимой для США кампании по показательному наказанию и долговременному ослаблению стран, посмевших протестовать против их ничем не ограничиваемого глобального доминирования.

Ведь сегодняшняя Европа, несмотря на все свои бесспорные достижения, все еще слишком мала и технологически отстала, а значит – слишком неустойчива для эффективной

глобальной конкуренции с США и НАФТА, не говоря уже о ситуации осознанных разрушительных действий со стороны последних. Для успешной конкуренции в долгосрочном плане ей необходимо значительное расширение масштабов своей экономической деятельности. Создание трансъевразийской магистрали с учетом масштаба необходимых для коренной модернизации Транссиба подготовительных работ позволяет решить эту задачу созданием фактически общеевразийского производства и избежать неминуемого в случае создания трансатлантической зоны свободной торговли хозяйственного краха.

Создание трансъевразийской магистрали объективно станет началом объединения разрозненных рынков Европы, России, Японии и Китая при помощи объединения транспортной и (что при современных технологиях практически неизбежно) информационной инфраструктуры. Даже начало и даже простая подготовка такого процесса качественно повысят масштабы европейского и евразийского экономических пространств, а значит, и их устойчивость.

Реализация данного подхода позволит сформулировать единственный реалистичный в краткосрочном плане ответ на современный вызов глобализации. Это не утопическое конструирование «мирового правительства», но своего рода стратегическое отступление от вырвавшихся из-под контроля новейших финансовых технологий, шаг назад – к прогнозируемым и управляемым прямым инвестициям и осуществлению на их основе временного ограничения международного перелива финансовых ресурсов.

Такой шаг даст предпринимающим его странам и народам существенную передышку для качественного укрепления государственного регулирования финансовых рынков и глубокой реструктуризации крупнейших корпораций. До сих пор такие шаги делали только относительно слабые страны Юго-Восточной Азии. Поэтому они носили временный, неуверенный и непоследовательный характер. Следование по этому пути Европы, Китая и России с вероятным участием Японии приведет к постепенному образованию подлинного материка стабильности, нейтрализовав стратегические усилия США по уничтожению самой его возможности (реализовавшиеся, в частности, в организации югославской и украинской катастроф).

В свою очередь, такое развитие событий сузит потенциальное пространство передвижения спекулятивных финансовых капиталов – финансового цунами – до незначительного пятачка, безвредного для мировой экономики в целом.

Дополнительные выгоды создания трансъевразийской магистрали для Японии заключаются в том, что по-прежнему «перегретая» японская экономика обретает качественно новое направление масштабного перелива избыточных капиталов. Совершенно очевидно, что по перечисленным выше причинам за счет преодоления ограниченности национального экономического пространства при этом происходит также радикальное повышение геополитической и геоэкономической устойчивости и конкурентоспособности Японии.

Определенную (хотя и совершенно незначительную по сравнению с ущербом от срыва попыток дестабилизации стратегических конкурентов) выгоду получат даже США, так как доллары, в среднесрочном плане вытесняемые из-за своей снижающейся надежности из резервов и расчетов, неминуемо будут вложены в конечном итоге в строительство данной магистрали.

Таким образом, уже начало работы над проектом глобальной транспортной магистрали само по себе создаст не только для его непосредственных участников, но и для всего геоэкономического пространства новую, значительно лучшую реальность. Ведь в условиях широкого распространения информационных технологий на принятие решений влияет не само развитие событий, но уже сообщения о них – информационные фантомы. Поэтому евразийская магистраль начнет влиять на развитие человечества и процессы глобальной конкуренции не тогда, когда она будет построена и по ней будет налажена регулярная и массовая перевозка контейнеров, но уже тогда, когда всеми заинтересованными сторонами будет принято окончательное стратегическое решение о ее постройке.

Промедление в этом вопросе, тянущееся уже долгие годы, создает для России вполне реальную угрозу утраты самой возможности когда-либо создать трансъевразийскую железнодорожную магистраль, проходящую по ее территории.

Неминуемое в случае дальнейшего промедления складывание трансъевразийской

транспортной магистрали без участия России объективно означает ее вытеснение на периферию не только мировой транспортной системы, но и широкомасштабных процессов региональной и, более того, континентальной экономической интеграции в целом. Подобное развитие событий будет безо всяких преувеличений означать стратегическую катастрофу для России. Она лишится важнейшего фактора внутренней интеграции и из естественного моста между Европой и Юго-Восточной Азией, которым сейчас потенциально является, превратится в совокупность никому не нужных третьестепенных окраин реальных участников глобальной конкуренции – интегрирующейся Европы, Большого Китая, исламского мира и Японии. Это качественно повысит вероятность необратимого территориального распада нашей страны, перерастание которого в открытую форму и окончательное завершение станет всего лишь вопросом времени, причем совершенно незначительного.

Россия XXI века может вернуться в границы XVI века

Освоение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока под международным, а не российским контролем является открытой темой энергичных дискуссий американских специалистов и аналитиков ряда других стран по меньшей мере с 1996 года.

При этом обобщение картин идеального мироустройства, к которому неявно (а зачастую и неосознанно) стремятся ключевые участники глобальной конкуренции, приводит к примерно одинаковой итоговой системе представлений. В соответствии с ней реальная власть российского государства ограничивается не более чем европейской частью современной России. Границы этой «Московии» у различных участников мировой конкуренции по понятным причинам не совпадают: в то время как одни готовы щедро оставить нам Урал и всю равнинную часть Северного Кавказа, другие отрицают права России даже на Поволжье. Так или иначе, на этой территории предполагается сформировать вполне европейское по внешнему антуражу государство – своего рода гибрид Португалии (этого недостижимого идеала путинского поколения российских реформаторов) и Польши.

Природные же ресурсы Сибири и Дальнего Востока, представляющие собой основную часть ресурсного потенциала современной России, должны будут перейти под внешний контроль авторов соответствующих подходов, которые рассчитывают на то, что сами будут осуществлять или, по крайней мере, организовывать их эксплуатацию. При этом, насколько можно понять, транснациональные корпорации даже готовы платить налоги со своей осуществляемой на территории Сибири и Дальнего Востока деятельности через Москву – частью ради поддержания относительной цивилизованности в лишающейся источников существования «Московии», частью в силу заведомо более выгодных условий ведения бизнеса. Ведь понятно, что выбить уступки из ослабевших российских властей для транснациональных корпораций будет на порядок проще, чем из любого относительно демократического (и значит, учитывающего мнение населения) государства с относительно развитой экономикой.

Представляется принципиально важным, что подобные подходы ни в коей мере не являются чьими-то злонамеренными кознями, направленными на нанесение вреда России. Подобных альтруистических, не связанных с достижением собственной выгоды мотиваций в современном мире попросту не существует. К глубочайшему сожалению, прогнозы, связанные с территориальной дезинтеграцией России за счет отторжения (разной степени насильственности) от нее Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, не говоря уже о Калининградской области, носят целиком и полностью инерционный характер.

Они отражают не чью-то враждебность по отношению к России, а ее сложившиеся и достаточно прочные тенденции развития, вызванные собственной слабостью, деградацией российского общества и наглядно демонстрируемой (за исключением разве что единственных эпизодов, связанных с защитой Южной Осетии от попытки геноцида в 2008-м и воссоединением с Крымом в 2014 году) ничтожностью российского государства.

В то же время установление контроля за российскими месторождениями полезных ископаемых (в первую очередь нефти) является, насколько можно понять, неотъемлемым элементом стратегий развития по меньшей мере двух ключевых участников глобальной конкуренции – США и Китая. Но если первые стремятся распространить свое влияние на все

значимые запасы нефти в мире, то второй ориентирован на непосредственно прилегающие к его территории месторождения, восполняя свою меньшую геополитическую мощь значительно большей концентрацией. От гонки за нефтяными месторождениями не остается в стороне и Япония, по-настоящему встревоженная реальностью перспективы установления американского и особенно китайского контроля в той или иной форме за основной частью нефтяных запасов мира.

Ситуация представляется неприемлемо опасной еще и потому, что идеи и представления, распространившись и становясь доминирующими (хотя бы только в экспертно-аналитическом сообществе, как в данном случае), набирают своего рода инерцию и в полном соответствии с традиционными марксистскими представлениями становятся самостоятельной материальной силой, движущей и во многом определяющей историческое развитие. Представляется весьма существенным, что крупные российские корпорации, уже вынужденные принимать решения на основе своего позиционирования в поле столкновения описанных выше интересов, как правило, ориентируются в качестве наиболее предпочтительных на интересы Запада, а точнее, на интересы их наиболее сильного и активного представителя – Соединенных Штатов.

Такой выбор предопределен не только наибольшей цивилизационной близостью Запада, но и тем, что он является единственным участником глобальной конкуренции, последовательно ориентированным на развитие бизнеса как образа действия. В данном случае его стремление к конкуренции с российскими капиталами и их вытеснению оказывается для делового сообщества России менее значимым, чем общее стремление к развитию рыночных отношений. Подобный подход естественен для бизнеса, который готов платить за свое сохранение снижением масштабов деятельности и переходом под контроль (неважно, прямой или неявный) иностранного капитала, однако является неприемлемо односторонним для российского общества. В случае превращения такой ориентации в доминанту российский капитал в лице существующих сегодня корпораций (пусть даже и уже не как российский) в целом сохранится, но современное российское общество обречено на распад и исчезновение.

Последнее является следствием не какой-либо зловредной особенности Запада, но самого факта подчинения чужеродной цивилизационной общности как такового (вне зависимости от характера этой общности). Чтобы избежать этой опасности, российское государство должно, как минимум, регулировать, направлять и балансировать предстоящее и, строго говоря, уже начавшееся столкновение интересов Запада, Китая и исламской цивилизации хотя бы на территории России.

Уникальность позиции российского государства предопределяется не столько его статусом хозяина (который по мере обострения конкуренции во многих отношениях весьма быстро станет чисто формальным), сколько тем, что оно является единственным участником конкуренции, способным осознавать специфику осваиваемой территории и быть по-настоящему заинтересованным в ее развитии. Если государство не справится с исполнением объективно вытекающих из его уникального положения функций, конкурентное столкновение станет не только стихийным, но и неадекватным характеру спорных ресурсов, что может привести к последствиям, разрушительным не для одной лишь только России, но и для всего человечества.

* * *

Важные и недооцениваемые в настоящее время, несмотря на всю шумиху вокруг этой темы, корректировки в глобальную конкуренцию за природные ресурсы может внести глобальное изменение климата. Его масштабы, скорость, цикличность и причины еще долго будут оставаться предметом дискуссий, однако наличие его изменений как таковых, по крайней мере в последние два десятилетия, как представляется, не вызывает сомнений.

Изменение климата создаст вполне реальную угрозу если не уничтожения, то серьезного ухудшения конкурентных позиций для многих относительно благополучных обществ, обладающих значительными ресурсами и способных использовать их для изъятия «климатической ренты» у слабых обществ, которых глобальное потепление переместит в более благоприятные климатические условия.

К первым среди других относятся США и некоторые страны исламского мира, ко вторым (также, разумеется, среди других) – Россия. В принципе в таком подходе нет ничего принципиально нового по сравнению с уже используемыми в наши дни в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Так, развитые страны, являющиеся членами ВТО, уже длительное время продолжают попытки (хотя пока и тщетные) ввести понятия «социальной ренты» и «экологической ренты» и создать механизм их изъятия у стран (как правило, существенно менее развитых) с относительно более низкими расходами на социальные нужды и природоохранную деятельность.

На этом фоне требование глобального изъятия и перераспределения «климатической ренты» в пользу более развитых стран представляется в среднесрочной перспективе вполне вероятным.

4.3. Внешние ограничения развития России

Сегодня уже практически не вызывает сомнений, что жесткость глобальной конкуренции делает хозяйственный рост и национальное возрождение в целом в принципе невозможными без осуществления широкомасштабной внешнеэкономической экспансии. Разумеется, это непременно должно сопровождаться увеличением емкости относительно защищенного от импорта внутреннего рынка, так как иначе страна будет разорвана на части непропорциональным ускорением экспортного сектора.

Принципиально важно, что в российском случае такая экспансия может быть только скрытой, ибо в настоящее время зависимость России от развитых стран в их совокупности (в первую очередь от США и их союзников по НАТО, несмотря на всю остроту конфликта с ними, а также от Китая) носит практически абсолютный характер. При сохранении современного соотношения сил наше общество в мирных условиях не может позволить себе действия, вызывающие неудовольствие как развитых стран, так и значительных групп глобальных монополий.

В тактическом плане Россия должна максимально гибко и цепко использовать все возможности сохранения, а в идеале и восстановления своих позиций на внешних рынках, на первом этапе преимущественно за счет технологической модернизации наиболее эффективных в краткосрочной перспективе экспортоориентированных сырьевых отраслей и отраслей первого передела.

Сохраняя, используя и наращивая экономические, политические и культурные связи с Европой (в том числе с наиболее развитыми странами-агрессорами НАТО) и по мере возможности опираясь на них, Россия должна возобновить политическое, духовное и экономическое проникновение в третий мир. Однако ограниченность его спроса будет практически неуклонно расти по мере его отставания от развитых стран, и потому сотрудничество с ним может рассматриваться не как самоцель, а лишь как средство решения более масштабной задачи.

Ведь объективная близость сегодняшнего и завтрашнего состояния России к состоянию стран третьего мира создает серьезные предпосылки для превращения нашей страны в глашатая, защитника и кристаллизатора его интересов, с одной стороны, и в достаточно эффективный инструмент гармонизации интересов развивающихся (а точнее, неразвитых) и развитых стран, Севера и Юга – с другой.

Представляется, что подобная позиция потенциально является исключительно выгодной для России и при наличии благоприятных международных условий может позволить ей в сжатые сроки весьма существенно нарастить свой внешнеполитический вес при помощи исключительно дипломатических мер.

В плане же освоения внешних рынков ключевой задачей российского общества должно стать освоение и устойчивое закрепление на наиболее емких рынках мира – рынках Северной Америки и объединенной Европы. Россия должна в полной мере осознать правоту тезиса Дэн Сяопина о том, что быть конкурентоспособным в современном мире, в условиях современной жесткой конкуренции – значит продавать продукцию на наиболее емких рынках этого мира.

Представляется, что ради решения этой задачи можно идти даже на политические и

военные уступки. При определении возможного круга последних следует провести тщательный и всесторонний анализ имеющихся ресурсов и выделить направления, носящие для нас принципиальный характер, сколь-нибудь значимые уступки по которым должны быть признаны невозможными при любых условиях. Даже при беглой оценке к этой категории следует отнести, в частности, развитие взаимоотношений с Ираном, Индией и Китаем, приоритетное участие в интеграционных процессах на всей территории бывшего Советского Союза.

С другой стороны, должны быть выделены группы направлений и проблем, представляющих собой своего рода разменный фонд для текущего торга. В эту категорию следует включить то, что мы все равно не сможем сохранить в ближайшие годы. Разумеется, уступки по ним должны быть возможны исключительно при условии кардинальных встречных уступок по доступу России на рынки США и ЕС.

Организация устойчивой экспортной экспансии требует достаточно серьезного изменения структур государственного управления. В частности, представляется необходимым создание при президенте России консультативного и регулярно собирающегося Совета экспортеров, объединяющего руководителей всех отечественных компаний, на долю которых приходится более 0,1 % российского экспорта. Помимо консультаций, Совет экспортеров должен обладать правом участия в назначении послов и торгпредов Российской Федерации в форме внесения предложений по отстранению действующих послов и торгпредов, недостаточно эффективно содействующих российскому экспорту, и правом коллективного вето на новые назначения послов и торгпредов по тем же причинам. Право коллективного вето экспортеров должно носить абсолютный характер.

Эта жесткая и, возможно, шокирующая некоторых чиновников мера необходима для наполнения крайне желательного лозунга всемерной экономизации внешней политики России организационным содержанием и для закрепления понимания приоритета общенациональных целей даже над мнением высшего должностного лица государства. Однако для обеспечения устойчивого и успешного экономического развития подобное воплощение в жизнь китайской государственной мудрости представляется недостаточным.

С точки зрения регионального позиционирования пора признать, что Россия не имеет никаких приемлемых перспектив при доминировании модели глобальной интеграции, воплощаемой современными США. Поэтому она должна всячески отстаивать идеологию и практику региональной интеграции как противовес глобальной (или как ее предварительный и необходимый этап, что с практической точки зрения является тем же самым), понимая, что и этот подход не является безупречно безопасным. Находясь между двумя основными центрами региональной интеграции – европейской зоной евро и подспудно формирующейся в Юго-Восточной Азии зоной юаня (следует также учесть распределенный, но тем не менее существующий в непосредственной близости от наших границ центр религиозной исламской экспансии), Россия неминуемо будет разорвана этими центрами, если не сможет стать мостом между ними. Инструментом превращения себя в такой мост, затем в катализатор, а в идеале и в главную движущую силу трансъевразийской интеграции, усиливающей и ее собственную внутреннюю интеграцию, должно быть всемерное стимулирование всех интеграционных проектов.

Параллельно с этим Россия должна активно включиться в международные усилия по созданию системы наднационального регулирования наднациональных же экономических процессов (начиная с наиболее болезненной деятельности финансовых транснациональных корпораций) и в силу их очевидной бесплодности и фиктивности в нынешнем виде возглавить эту работу.

Как ни малы современные возможности России, она должна полностью использовать их для радикального сокращения разрушительного потенциала международных финансовых спекуляций, выступая на стороне региональных евразийских интересов против глобальных американских.

Преимуществом нашего положения служит то, что мы, страдая от спекуляций такого рода, не обладаем национальным спекулятивным капиталом, значимым в международном масштабе, что в сочетании со все еще относительно высоким интеллектуальным потенциалом

превращает Россию в едва ли не идеального финансового надсмотрщика – подобно мировому жандарму, на роль которого вполне успешно претендуют США.

Наиболее важным представляется снискавшее популярность в последние годы введение налога на международный оборот капитала в размере 0,1 %, предложенное в 60-е годы лауреатом Нобелевской премии по экономике Тобином. Суммы этого налога могли стать финансовой основой международного экономического регулирования, «финансовой ООН», а также пойти на реальное, а не усугубляющее и увековечивающее отставание содействие развитию.

Помимо выработки изложенных позиций по вопросам, связанным с глобальным экономическим регулированием, важным направлением развития трансъевразийской интеграции является участие в выработке и реализации согласованной валютно-финансовой стратегии, а затем и в политике.

В настоящее время Россия слаба, дезорганизована, зависима от внешнего мира и не имеет ресурсов для длительного открытого противостояния ему. Поэтому ей необходимо обеспечить максимально возможную диверсификацию групп международных капиталов, от которых она зависит, чтобы получить максимальную возможность играть на различии их интересов. Это касается как инвестиций на территории России, так и более широких вопросов финансовой дипломатии.

Необходимо влиться в процессы глобальной экономической конкуренции на базе (пусть неформального) стратегического союза с Евразией: Европой, Японией, Юго-Восточной Азией и Китаем, уступая наиболее опасную и болезненную роль прямого конкурента США другим, более сильным и потому менее осторожным странам (той же еврозоне), и за их спинами переключиться на внутреннюю работу по расширению регионального (в первую очередь евразийского) сотрудничества, региональной интеграции. Успех в этом направлении важен и потому, что он немедленно толкнет страны СНГ, которые окажутся «внутри» развивающегося вокруг них интеграционного процесса, в объятия России; других механизмов устойчивой интеграции на современном постсоветском пространстве, по-видимому, не существует.

При этом представляется жизненно необходимым научиться извлекать максимальную текущую, а в идеале и стратегическую выгоду из любого проявления значительного потенциала внутренних противоречий в отношениях между другими странами мира, в первую очередь между США и другими развитыми странами, а также Китаем.

Отсюда вытекает стратегическая задача современной России: выйти из всех видов непосильного для нее сейчас индивидуального противостояния, переключившись с негативных, а потому саморазрушающих и истощающих, на позитивные, самоукрепляющие цели сотрудничества в рамках формирующейся Евразии, в том числе и ради воспитания собственного народа.

Надо сознавать высокую степень фактической зависимости России от демонстрирующих опасную склонность к беспощадному и неспровоцированному применению силы США и их союзников по НАТО. Надо предельно четко понимать, что, пока наш национальный суверенитет не подкреплен в достаточной степени ресурсами, он носит преимущественно символический характер. Смирение и скромность объективно являются поэтому категорическим условием даже не развития, но простого выживания современной России (разумеется, это отнюдь не означает отказа от психологических атак и дипломатии: в эти игры одновременно нельзя не играть и нельзя заигрываться).

Задачей российского общества и его доминирующей идеологией должна стать борьба за восстановление России и ее конкурентных позиций. Для этого необходимо концентрироваться на развитии и созидании, а не противостоянии и разрушении, которое при современном соотношении сил слишком легко может обернуться саморазрушением.

В частности, мы должны понимать объективный характер роста протекционизма развитых стран и, всемерно стараясь ограничить его текущий разрушительный потенциал, приспосабливаться к нему. Россия практически ничего не сможет поделать с тем, что рынки развитых стран будут все больше закрываться, в том числе и для российского экспорта. Высокоэффективный экспорт в развитые страны товаров с высокой степенью переработки (то есть с высокой добавленной стоимостью), являющихся в общем случае наиболее прибыльными,

смогут осуществлять только базирующиеся в этих же развитых странах транснациональные корпорации.

Россия должна всемерно сопротивляться этой тенденции, но стремясь не преодолеть ее (до завершения хотя бы первого этапа собственной модернизации это представляется принципиально невозможным), а лишь выиграть время для максимально эффективного приспособления к ней и конструктивного использования создаваемых ею условий.

Россия должна использовать, в том числе и для «взлома» рынков развитых стран, все возможности и любых потенциальных союзников по конкретным вопросам, даже если в других конкретных вопросах или в глобальном масштабе в целом они выступают нашими непримиримыми конкурентами или прямыми врагами. Потенциальных союзников следует использовать любой ценой, в том числе вне зависимости от их морального облика. Последнее неизбежно в условиях, когда моральные ценности, например права человека, давно и прочно стали одним из эффективных инструментов международной конкурентной борьбы.

Мы слабы и потому не имеем права пренебрегать ни одной возможностью. Надо понимать, что в сложившемся соотношении сил не только вне России, но и внутри нее любая борьба за национальные интересы, по крайней мере на первых этапах, может быть лишь подпольной, диссидентской, партизанской. В этом нет ничего странного, так как система управления российским обществом, сформировавшаяся за годы реформ, в значительной степени привыкла ориентироваться в своей повседневной деятельности на национальные интересы не России, а других (преимущественно развитых) стран, а также глобального бизнеса, несмотря на то, что эти интересы не только не совпадают с российскими, но, как правило, являются прямо противоположными им.

Глава 5. Особое место и специфическая роль России

5.1. Специфика ресурсов

Для понимания реальных перспектив России в обозримом будущем представляется принципиально важным осознание того факта, что ее ценность для человечества заключается далеко не в богатстве ее недр, которое, несмотря на все локальные кризисы, неуклонно теряет значение по мере распространения информационных технологий (да еще и сокращается по мере перехода этого богатства под контроль зарубежного капитала). Более того, не имеют принципиального значения и материальные ресурсы как таковые, так как, с одной стороны, их значение в целом снижается, а с другой – за более чем четверть века национального предательства они в нашей стране пришли в очевидное запустение и в целом утратили конкурентоспособность.

Насколько можно судить в настоящее время, ценность России для информационной эры, для эпохи глобализации заключается в принципиально ином. Прежде всего, это оригинальный взгляд на мир, становящаяся главным фактором производительности труда национальная (а точнее, общественная) культура, нестандартное мироощущение (как было показано выше, в условиях глобализации конкурентоспособность должна опираться именно лишь на особость), наконец, интеллект, вынужденно оторванный от практического внедрения (нелишне вспомнить, что внедрением российских идей американцы занимались весьма длительное время, а не только последние 25 лет).

Конкретизация этих достаточно общих положений показывает, что объективное место России в сегодняшнем мировом разделении труда – подготовка и поставка своего рода интеллектуального сырья и лишь в лучшем случае – «интеллектуального полуфабриката», в первую очередь для транснациональных корпораций, которые умеют его использовать наилучшим образом. Они умеют использовать, а российское общество в силу уникального и, к сожалению, весьма болезненного сочетания культурно-исторических факторов, в силу своих особенностей и несчастий все еще остается конвейером по производству самого дефицитного и самого нужного в условиях глобализации и развития информационных технологий

«человеческого материала» – творцов и революционеров, способных к творчеству и систематическому генерированию принципиально новых идей.

Не следует ждать, что заметная часть этих людей сможет найти себе применение в России (и тем более в российских структурах, и тем более в структурах, ориентированных на повышение конкурентоспособности нашего общества) даже сразу же после начала модернизации нашей страны, но лучше что-то, чем совсем ничего. Сосредоточившись на этом, превратив себя в своего рода «гипофиз человечества», Россия займется использованием того, что в ней хорошо, откинув то, что плохо: внедрение – штука прозаичная, Китай с Азией справятся с этим если и не лучше всех, то во всяком случае лучше нас. Наше преимущество перед ними кроется в общественной психологии, национальном характере, который в целом не позволяет им создавать творцов и революционеров – только добросовестных исполнителей, хотя и высокого уровня.

Для российского общества такая специализация представляется в целом благоприятной, ведь интеллект можно воспроизводить только при высоком уровне образования и определенном минимальном уровне безопасности общественной жизни. Поэтому в случае закрепления России хотя бы в роли поставщика «интеллектуального полуфабриката» его основные потребители – развитые страны и глобальные монополии – будут жизненно заинтересованы в поддержании сравнительно высокого уровня жизни в нашей стране и, соответственно, ее относительного благополучия.

Следует отметить, что подобный «инкубатор мозгов» будет занимать (как, строго говоря, он занимает и сегодня) в высшей степени двойственное положение в мире глобальной, небывало ожесточенной конкуренции. Это будет предопределять болезненную раздвоенность сознания его граждан и в этом смысле – сохранение принципиальных черт нашей общественной психологии, не самых удобных и комфортных для ее носителей, но обусловливающих сохранение России как России – вместе с ее указанным стратегическим конкурентным преимуществом.

Опираясь на него, необходимо постоянно наращивать попытки создания и распространения собственного high-hume, собственных метатехнологий, которые одни могут быть надежной гарантией стабильности в мировой конкурентной гонке. Ее специфика заключается в том числе в стирании границ между задачей-минимумом и задачей-максимумом; чтобы быть по-настоящему уверенным в собственном выживании в условиях глобализации, надо быть лидером мировой конкурентной гонки – и не меньше. Все остальные участники глобальной конкуренции объективно находятся в угрожающем положении.

Понятно, что даже для по-настоящему разумной и конструктивной постановки подобных задач России предстоит пройти еще неизмеримо долгий и тяжелый путь. Однако терять из виду общее направление движения – значит неминуемо сбиться с дороги. Мы должны помнить, что встраиваемся в технологическую пирамиду победителей (в той мере, в какой это возможно для нас) вынужденно и на время, с одной-единственной стратегической целью: при первой же возможности «выпрыгнуть» из нее и восстановить собственную технологическую пирамиду – на качественно новом уровне, который для нас сегодня, возможно, еще принципиально недостижим.

Однако следует понимать, что описанная возможность превращения в «гипофиз человечества» не является сколь-нибудь долговременной, так как создана не только неотъемлемыми особенностями общественной психологии, но и уникальным и очень быстро, на наших глазах преходящим преимуществом России, связанным с полученным в наследство от Советского Союза исключительно высококачественным и массовым образованием. Стремительная деградация как среднего, так и высшего образования, дополненная его вполне осознанным разрушением в ходе инициированной «либеральными фундаменталистами» так называемой реформы образования, в сочетании с падением уровня жизни, с катастрофическим (без всякого преувеличения) снижением уровня личной безопасности и общей системной деградацией человеческого капитала способна уже в ближайшие годы полностью лишить Россию указанного преимущества, уничтожив саму возможность производства «интеллектуального полуфабриката» в сколь-нибудь значимых масштабах.

Не следует забывать, что система образования, существующая в современной России, уже

не учит думать и по-прежнему не обеспечивает даже необходимого минимума знания иностранных языков. Высшее образование превратилось в систему спасения юношей от армии. Структура современного российского высшего образования не имеет ни малейшего отношения к структуре реальной общественной потребности в молодых специалистах. Достаточно указать на то, что абсолютное большинство студентов российских вузов даже и не предполагают работать по получаемой специальности, а безработица выпускников (особенно по «рыночным» специальностям – менеджер, бухгалтер, юрист) стала устойчивым социальным феноменом, ярко контрастирующим с практически тотальным острейшим дефицитом производственных специалистов.

Весьма важным и поучительным представляется тот бесспорный факт, что причина разрушения системы российского высшего образования заключается в его переводе на рельсы рыночного развития, стихийно и без какого-либо внешнего контроля осуществленном преподавательским корпусом в своих собственных интересах. В результате система высшего образования оказалась полностью коммерционализирована (неважно, легально или нет) и превратилась по отношению к обучающимся в совокупного, абсолютно непрозрачного монополиста, деятельность которого заведомо не поддается не только никакому контролю, но даже и простой оценке. В этих условиях российское высшее образование превратилось в систему не передачи знаний, но высасывания денег из абсолютно беззащитной и зачастую даже не осознающей ситуации молодежи нашей страны. Эта тенденция многократно усугубляется деградацией самого преподавательского состава, который покинули лучшие преподаватели, уехавшие работать за рубеж, и наиболее активные люди, ушедшие в бизнес. При этом преподавательский корпус был роковым образом обескровлен длительным отсутствием притока новых кадров, которые также распределялись по указанным базовым направлениям.

Таким образом, возможность закрепления положения России в качестве «гипофиза человечества» и тем более возможность создания механизма превращения этого положения в устойчивый источник повышения конкурентоспособности российского общества постепенно уменьшается.

5.2. Специфика культуры

Значимость культурного фактора

Еще десятилетие назад среди разношерстных отечественных интеллектуальцев было модно тешить себя бесконечными спорами о том, кто же такие русские, то есть они сами.

Увы! Натужная мыследеятельность по поводу критерия русскости и русской культуры в целом не оставила после себя почти ничего, кроме бессвязных лозунгов «Россия – это мы!» и «Русский тот, кто сам себя так называет». *В отношении последнего стоит напомнить, что уже перепись 2002 года выявила в России 288 тыс. человек, не владеющих русским языком и при этом считающих себя русскими; в 2010 году таковых было 213 тыс.*

Едва ли не главным результатом тех дискуссий стал анекдот про патриота и лампочку: «Если патриот может ввинтить лампочку в патрон так, чтоб та светила, и ему при этом не помешает ни ЦРУ, ни ФСБ, ни Моссад, ни мировая закулиса, – это не истинный патриот».

А ведь пытаться действовать, не зная себя, так же нелепо, опасно и в конечном счете невозможно, как и пытаться действовать, не зная объекта своих действий.

Именно **культура, определяющая принадлежность индивида к тому или иному обществу и цивилизации, является главным стратегическим фактором конкурентоспособности последних** . Не зная своей культуры, не видя ее отличий от остальных, мы в принципе не можем понимать свои недостатки и преимущества в глобальной конкуренции.

Уже относительно скоро крушение сгнившей клептократии в ходе системного кризиса, создав реальную угрозу самому существованию нашего общества, одновременно с этим на неизбежно короткое время приоткроет России окно возможностей, даст шанс пусть мучительного, но возрождения страны и очередного становления заново российской

цивилизации.

Если мы не сможем учесть свою собственную специфику – мобилизовать свой потенциал и сдержать, насколько возможно, свои пороки, – мы можем не просто упустить это золотое время. Действуя вслепую, по принципу «свои своих не познаша», мы можем вновь, как на рубеже 80–90-х годов, уничтожить свою страну и себя вместе с ней.

Тем более, что запас прочности и у производственного, и у человеческого капитала нашего общества уже не тот, не советский, и потому завтрашние ошибки обойдутся намного дороже вчерашних.

Чтобы не искушать судьбу понапрасну и не рисковать тем, чем рисковать нельзя, чтобы ставить только достижимые цели и не упускать ничего из того, что в принципе возможно, надо «познать самое себя»: определить хотя бы основные черты русской культуры, программирующие наше поведение.

Ведь общество меняет все – технологии, политический строй, способ общения, – кроме своей собственной культуры. **Культура – это генотип общества** : ее базовые, фундаментальные черты не меняются на всем протяжении его жизни.

Это наглядно видно на примере нашей страны.

Все время ее существования – включая последние жестко конфликтующие и даже прямо отрицающие друг друга исторические периоды: Московское царство, петербургское самодержавие, Советский Союз, охваченная распадом и смутой нынешняя Россия – скреплено единой русской культурой. Конфликт между этими периодами настолько глубок, что можно говорить о существовании трех наследующих друг другу народов: исторического русского, прошлого советского и лишь формирующегося сейчас (с оптимистической точки зрения) российского.

Эти народы объединены в единую, пусть даже и проходящую мучительные катаклизмы цивилизацию только одним: русской культурой, специфика которой исключительно высока и фатально недооценивается нами на протяжении почти всей нашей истории.

Отсутствие границы гуманизма

Большинству культур свойственно четкое проведение границы гуманизма. Их представители отделяют **«своих», признаваемых людьми не только биологически, но и социально** (то есть не просто «имеющими права», но и «равноправными себе»), **от «чужих», на которых гуманистические принципы** , даже формально признаваемые всеобщими, на деле **не распространяются** .

Хорошо известны и подробно описаны культуры, считающие людьми в полном смысле слова лишь кровных родственников. *Интеллигенция обычно умиляется многочасовым выяснениям наличия или отсутствия исчезающе дальнего родства, происходящим при встречах носителей таких культур. Между тем исходной причиной столь трогательного ритуала часто является не сентиментальность или воспитанность, но жесткий прагматизм. Выясняя вопрос о кровном родстве, носители таких культур прилагают огромные усилия совсем не для того, чтобы при случае передать троюродной бабушке привет от внучатого племянника. Совместное перебирание ветвей генеалогических деревьев служит совершенно иной цели: выяснить, кто сидит перед ними – человек или же биологический объект, которого можно без зазрения совести обмануть, а то и убить* [6].

Общеизвестны культуры, не считающие людьми в полном смысле этого слова представителей другого народа, другой расы или другого вероисповедания, не говоря уже о женщинах.

Довольно часто проводится граница гуманизма и по социальному признаку. *Так, последовательный кальвинизм отказывал и отказывает в праве быть полноправным человеком беднякам (и во многих некальвинистских в целом странах бедняки очень долго не имели*

---

[6] Другой причиной повышенного внимания к родственным связям у многих малых народов является, как разъясняют этнологи, стремление избежать близкородственных браков, неизбежно ведущих к вырождению.

политических прав). Недолго, но убедительно существовавшая культура диктатуры пролетариата (или в случае «красных кхмеров» и некоторых менее известных аналогов – диктатура крестьянских партизан) отказывала в социальной полноценности богачам и священникам, а весьма часто и «буржуазной интеллигенции».

Интересен подход современной американской политической культуры: насколько можно понять, люди признаются в ее рамках полноценными людьми в социальном смысле слова в случае соответствия хотя бы одному из трех принципов:

• образа жизни (под которым понимается жизнь в условиях, признаваемых американским государством демократическими);

• политических убеждений (искреннее стремление к демократии западного образца, причем степень искренности определяют сами американцы);

• политической целесообразности (жизнь в странах, являющихся союзниками США).

Весьма существенно, что все эти критерии изначально являются субъективными и всецело определяются интересами американского государства. *В зависимости от ситуации и вне связи со своими личными качествами одни и те же люди могут становиться безупречно «своими» или же выталкиваться за границу гуманизма, где их можно обвинять в чем угодно, «вбамбливать в каменный век» и морить химическим оружием, как тараканов.*

В этой гибкости и прагматичности, в полном подчинении самой картины окружающего мира конкретным интересам принимающего решения субъекта – будь то индивид или государство – кроется один из секретов эффективности американского общества.

Как, впрочем, и одна из причин широкого распространения ненависти к нему.

Существенно, что до **настоящего времени история человеческой цивилизации была связана с расширением границы гуманизма** , с расширением круга признаваемых людьми. Собственно, **это** медленное и сопровождающееся откатами, но неуклонное **расширение и представляется** в настоящее время **основным содержанием социального прогресса** человечества.

Как было показано выше, глобальный экономический кризис может не просто остановить это расширение – он может обернуть (и уже отчасти оборачивает) его вспять. Неизбежное в этом случае признание недочеловеками, подлежащими уничтожению, сотен миллионов, а скорее всего, и миллиардов людей будет означать отступление цивилизации в кромешный мрак варварства, в новые Темные века. На их фоне раннее Средневековье покажется эпохой просвещения, а Гитлер – наивным гуманистом.

Русская культура в этом историческом контексте уникальна своим органическим отрицанием бесчеловечного мейнстрима. Это **едва ли не единственная культура современного мира, носитель которой** *a priori* **воспринимает как человека в социальном смысле слова любого** , являющегося человеком биологически. Именно в этом наиболее выпукло и полно выражается ее всеобщий, всеохватывающий, космический характер.

Этот подход настолько органичен для нас, что мы не сознаем его уникальность. Нам кажется, что все относятся друг к другу как к людям и по-другому нельзя, и лишь когда нас начинают резать, как баранов, или морить либеральными реформами, у нас возникают смутные подозрения, которые мы разрешаем обвинением конкретных «врагов» в бесчеловечности.

Между тем проблема наша заключается вовсе не в бесчеловечности наших конкурентов, но, напротив, во всечеловечности русской культуры, являющейся в этом отношении уникальной.

Вероятно, данная особенность связана с многоплеменным, а по мере расширения и многонациональным характером русской культуры, а затем по мере освоения ею новых пространств – и самого русского этноса.

Не стоит забывать, что Россия, а длительное время и русский народ неуклонно формировались именно за счет признания «своими» людей других наций и даже религий. Это естественный для нас образ жизни, органически свойственный нашей культуре метод экспансии.

По сути дела, наше общество еще во времена Московского царства складывалось как «политическая нация»: как сообщество людей, объединенных ценностями (и даже не образом жизни, который может отличаться очень сильно), и потому максимально открытое для всех,

готовых разделять эти ценности. Поэтому мы и считаем человеком, равным себе и обладающим всеми человеческими правами, не просто «своего», но всякого, кто потенциально может стать «своим», то есть всех не-преступников и не-врагов.

Именно всечеловечность русской культуры делает недопустимым вновь активизировавшиеся попытки урезать границы России до территории «чисто русских», исторически населенных этническими русскими регионов. Порочность этой идеи, интенсивно продвигаемой именно либеральными фундаменталистами и профессиональными западниками, заключается даже не только в практических вопросах вроде того, в югу или к северу от Мурманска лежит граница Северного Кавказа и зачем России отдавать свою нефть и газ китайцам (которые неминуемо освоят азиатскую часть России при таком подходе).

Фундаментальная порочность идеи сжатия России до этнических границ (то есть много у́же границ XV века) заключается в ее полном отрицании **русской культуры, ее всечеловеческой сущности** , не позволяющей, но **прямо требующей считать «своим» любого, кто осознанной подлостью не доказал обратное** .

Всечеловечность русской культуры облегчает ее носителю сотрудничество с представителями иных культур, делает его более привлекательным для них, но одновременно и существенно повышает его уязвимость.

Отсутствие понятия абсолютного зла

Готовность принять в качестве не просто партнера и союзника, но «своего» почти любого человека, беспрецедентная открытость русской культуры проявляются и в отсутствии в ней образа абсолютного зла, резко контрастирующем, например, с европейской культурой.

Зло для носителя русской культуры практически всегда относительно; это особенно ярко проявляется в народных сказках, наиболее полно отражающих всякую культуру. Возможно, данный феномен вызван длительным существованием под игом Золотой Орды, которая была одновременно и злом, и объектом постоянного сотрудничества (хотя бы со стороны князей): *достаточно вспомнить, как добрый молодец договаривается с ее символом – Бабой-ягой. Да и разговоры перед смертельными схватками со Змеем Горынычем и Кощеем Бессмертным тоже весьма показательны: уступи они – никаких схваток бы не последовало.*

Интересно, что советская культура, в которую русская культура переплавилась ужасом гражданской и Великой Отечественной войн, восприняла, хотя и предельно фрагментарно, образ абсолютного зла – и это стало одним из проявлений ее ожесточения. Вероятно, **это ожесточение продолжается и сейчас** : место потерпевшего поражение и потому ушедшего в прошлое абсолютного зла – фашизма – на глазах занимает торжествующее и потому вызывающее растущее, а не снижающееся ожесточение **новое абсолютное зло – либеральные реформаторы и клептократия** (в том числе силовая) **как их естественное порождение и продолжение** .

Между тем именно отсутствие образа абсолютного зла, закрепляя человечное отношение к представителям других культур и народов, обеспечивает носителям русской культуры высокую гибкость и способность не только вести плодотворные переговоры, но и вызывать к себе долговременную симпатию.

Возможная уже в близкой перспективе утрата этого качества приведет, как представляется, к серьезному обеднению русской культуры и снижению жизнеспособности ее носителей.

Справедливость как высшая ценность

Основополагающей чертой русского национального характера, что в свое время вынужден был признать даже Чубайс, является стремление к справедливости, «к правде».

При этом **справедливость является** не просто высшей абстрактной, но и **самостоятельной ценностью, резко отделенной от практических** и тем более корыстных **интересов** как отдельной личности, так и пресловутого коллектива.

Носителю русской культуры свойственно подчиняться осознаваемой им справедливости

слепо и беспрекословно, как воинскому начальнику, что открывает широчайший простор для манипуляций и мобилизации. Если мы сознаем то или иное невыгодное для себя явление (до собственной смерти включительно) справедливым, мы примиряемся с ним и принимаем его как должное. Более того, естественная с точки зрения западной культуры защита своих интересов в данной ситуации воспринимается как нечто совершенно недостойное.

Поскольку русской культуре свойственно предпочтение справедливости не только перед личными, но и перед групповыми интересами (в том числе своей семьи, друзей и близких), стремление к ней иногда приобретает бесчеловечный характер.

В частности, оно подразумевает достаточно высокую требовательность (правда, существенно умеряемую ленью) к себе и ближайшему окружению. Пренебрегающий своими обязанностями человек с артельной точки зрения недобросовестен: перекладывая свою часть общей ноши на остальных, он, по сути, пытается жить за их счет. Такая недобросовестность автоматически вычеркивает его из круга «своих» – и во многом лишает его универсальных для русской культуры человеческих прав. **«Человек имеет права, пока исполняет свои обязанности»** – эта формула, применяемая многими поколениями руководителей, достаточно внятно выражает наше отношение к справедливости.

Интересно, что вызванная жаждой справедливости требовательность в силу свойственного русской культуре терпения лишь незначительно распространяется на начальство. Носитель нашей культуры с удовольствием «входит в положение» даже откровенно недобросовестного руководителя, сочувствует ему и прощает ему то, чего он не прощает супруге, детям, родителям и друзьям.

Причина этого – в исключительно специфическом отношении к государству, отдельным проявлением которого выступает всякий, даже безусловно частный, начальник.

Индивидуалистический коллективизм

Однако наиболее популярной специфической чертой нашей культуры является все же не ее всечеловечность (к которой мы привыкли, которую мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся и которую в итоге обычно просто не замечаем), а единство и борьба противоположностей – элементов европейской и азиатской культуры[7].

Вся наша история – **борьба стихийного индивидуализма** (а русские – значительно большие индивидуалисты, чем даже американцы) **и неосознаваемой потребности в насильственном внешнем объединении.** Победа любого из двух начал полностью дестабилизирует и даже разрушает все общество, оказываясь в результате временной. Эта жесточайшая внутренняя борьба – постоянная особенность русской культуры и, вероятно, одна из фундаментальных движущих сил развития как ее, так и всего российского общества.

Ее происхождение исторически прозрачно.

Прежде всего, крестьянские хозяйства, в которых складывалась русская культура, экономически были по-европейски самодостаточными. *Это в азиатских цивилизациях системы коллективного земледелия превращали все общество в единый социальный автомат, работающий под страхом смерти, а выживание сколь-нибудь заметного числа обособленных хозяйств было в принципе невозможно* . Наши же индивидуальные хозяйства прекрасно могли обойтись без какой бы то ни было внешней помощи. Поэтому сами по себе они были готовы стать первичной ячейкой, основой общества, подобно тому, как это произошло в развитых странах Европы.

Однако в то же самое время, будучи самостоятельны внутренне, эти же хозяйства были

[7] На самом деле речь идет о базовых элементах культур рыночного и традиционного общества: Европа раннего Средневековья была вполне азиатской с точки зрения самосознания людей, и лишь развитие рынка обособило личность и выделило ее из слитно-роевого коллективного существования.

С другой стороны, в российской культуре нет ни одного собственно азиатского элемента – это европейская по содержанию, но традиционная по природе и формам существования культура.

Однако в рамках данной работы в соответствии с устоявшимся обычаем мы будем использовать для обозначения современной культуры термин «европейская», а традиционной – «азиатская».

исключительно уязвимы внешне. Нападения кочевников и разбойников (которым большие пространства и растянутость транспортных путей давали намного больше шансов, чем в Европе), постоянные княжеские усобицы, а затем и татаро-монгольское иго создавали объективную необходимость их внешней защиты, были фактором постоянного принудительного объединения перед лицом внешних опасностей.

Принудительное внешнее объединение (в том числе под воздействием объективных причин) **полностью свободных внутренне элементов – это и есть формула российского общества** , наиболее четко и полно выражающая движущее и развивающее, органически присущее ему внутреннее противоречие.

Исключительно интересным и важным с практической точки зрения (но безусловно частным) проявлением этой особенности русской культуры является **органическое, хотя и противоречивое сочетание ценностей солидарности и коллективизма как в коллективах, так и в отдельных личностях** . Каждая организация, каждый коллектив, каждая неоформленная группа в нашем обществе одновременно раздираются изнутри острейшей конкуренцией и являются скрепленным солидарностью монолитом в конкуренции с другими организациями, коллективами и группами.

С этой точки зрения исключительно интересна артель, являющаяся продуктом переноса в иные хозяйственные условия принципов крестьянской общины и представляющаяся органически соответствующей русской культуре исторической формой самоорганизации русского трудового процесса и российского общества в целом.

С экономической точки зрения приведенная выше формула русского общества выглядит как **«индивидуальное исполнение коллективных обязанностей»** .

Ситуация дополнительно усложняется тем, что один и тот же человек, как правило, является членом нескольких групп, которые конкурируют между собой, как минимум, за его силы и время. В отличие от западной цивилизации, эта конкуренция практически не упорядочена. Это пространство беспорядочно переплетенных и разнородных обязанностей, сфер ответственностей и конфликтов и образует социальную ткань российского общества, требующую от его члена постоянного принятия решений в условиях неопределенности. Правда, решения эти принимаются, как правило, неосознанно и случайно, на основе представлений о морали (операционально выглядящих как стремление к справедливости), так как к осмысленному принятию и сознательной реализации своих собственных решений носитель русской культуры в целом не приспособлен. Ему значительно комфортнее плыть по течению, ситуативно реагируя[8], а лучше пассивно подчиняясь «объективным обстоятельствам» или, в крайнем случае, внешней воле.

Гремучая, но гармоничная смесь конкуренции и солидарности, делая общество внутренне разнообразным и тем самым гибким и жизнеспособным, создает предпосылки для невиданной эффективности. Однако это же свойство предъявляет и весьма суровые требования к качеству управления, значимость которого многократно повышается из-за пассивности преобладающей части общества в «нормальных» обстоятельствах.

Принудительное внешнее объединение внутренне обособленных и самостоятельных единиц, вошедшее в плоть и кровь русской культуры, проявляется и как **симбиоз ее носителя с государством** , самоидентификация отдельной личности как части не только страны, но и государства, которые воспринимаются практически как одно и то же. При этом права личности изначально воспринимаются ею самой как заведомо подчиненные интересам страны, воплощаемым в себе (до полного их поглощения) государством.

Симбиоз личности с государством носит заведомо односторонний (и потому жертвенный с точки зрения западной индивидуалистической культуры) характер и отнюдь не дополняется даже попыткой симбиоза государства с личностью.

Русская слитность

---

[8] Подобно российскому МИДу последних полутора десятилетий.

Государство – сверхценность русской культуры.

Не наемный управляющий, не источник социальных гарантий, не инструмент обеспечения безопасности и тем более не организатор технологического прогресса.

И уж, конечно, не пресловутый «ночной сторож» с министерской зарплатой и замком в Швейцарии, столь трепетно любимый и пестуемый либеральными фундаменталистами.

Государство представляет собой современную форму существования русского народа.

Единственную форму, доступную нам на протяжении вот уже нескольких столетий. Социальную среду, в которой живет и развивается каждая ячейка общества. Скрепу, обеспечивающую само его существование и одновременно развитие.

Вслушайтесь в критику: самые ярые нападки на ненавистную всему народу бюрократию включают использование по отношению к ней слова «наша»[9]. Это не рабство – это неотделенность, слитность, симбиоз с государством как отдельного человека, так и общества в целом.

Глубоко религиозный человек, как правило, не является целостной, законченной личностью, так как добровольно делегирует часть своей личности на небеса, лишаясь тем самым этой части личности и суверенитета над собственной жизнью. Подобно ему, русский человек делегирует часть своего «я», своего самоосознания государству и вообще начальству, выступающему представителем и олицетворением последнего и устанавливаемых им порядков (причем даже в сугубо частных структурах).

Ощущение государства, даже явно враждебного личности, тем не менее как «своего» – одна из самых поразительных особенностей русской культуры. *Интересно, что сами слова «начальство» и «начальствовать», означающие буквально «давать начало», что свидетельствует едва ли не о божественных функциях, уже говорят о непропорциональной роли всякого внешнего (относительно отдельно взятой личности) управления для россиян.*

Симбиоз личности с государством исключительно важен для понимания практических особенностей нашей культуры.

Такая слитность дает российскому обществу, единому со своим государством, колоссальную – непредставимую и потому всегда неожиданную – силу, раз за разом уже привычно для нашей истории позволяющую совершать невероятное. Именно в ней заключается секрет колоссальной эффективности и жизнестойкости носителя русской культуры, действующего заодно со своим государством. В этих случаях, действительно, «нам нет преград ни в море, ни на суше». *Достаточно вспомнить Сталина, начавшего прием в честь Победы над фашистской Германией тостом за терпение русского народа и его доверие к государству.*

Но она же делает нас слепыми и беспомощными, неспособными даже к простейшей самообороне и элементарной самоорганизации[10] в ситуациях оставленности государством. По своим трагическим последствиям для оставленной государством личности они живо напоминают последствия богооставленности для истово верующих. Когда же государство по тем или иным причинам становится врагом своего народа, носители русской культуры и вовсе оказываются абсолютно беспомощными до «последнего предела» (а порой и за ним). *В этом, кстати, одна из причин исключительно высокой роли инокультурных элементов в массовых (и особенно массовых успешных) выступлениях против государства.*

Носителю русской культуры невероятно сложно выступать против «своего» государства даже тогда, когда оно уже давно перестало быть своим. Противоестественность этого действия для него такова, что когда оно все-таки вынуждается историей, то люди освобождаются от всех и всяческих правил и ограничений, обрушивая страну в хаос разного рода смут.

Весьма важно, что симбиоз личности с государством неразрушим без разрушения самой русской культуры, а следовательно, и России, и всего нашего общества. Поэтому попытки

---

[9] В сочетании с площадной бранью в адрес этой же бюрократии оно производит на следящего за смыслом произносимых слов слушателя поистине глубокое, часто неизгладимое впечатление.

[10] Не стоит забывать, что русские – единственный народ мира, так и не создавший своей диаспоры в США. Это свидетельствует не только о высоких индивидуальных адаптивных способностях.

внедрения в нашу жизнь без адаптации к этой ее коренной особенности любых институтов и правил, основанных на отделении личности от государства (в том числе, увы, и западных демократических институтов), обречены на позорный провал. В частности, при относительно успешном внедрении в нашу социальную ткань они объективно ведут не к гуманизации, но, напротив, к разрушению общества и уничтожению народа.

Уклонение от открытых конфликтов и «русский бунт»

Легендарную пассивность носителей русской культуры, готовность терпеть самые грубые несправедливости до самой последней возможности принято объяснять легендарной «властью пространств над русской душой». Действительно, в России, в отличие от Европы, население редко припирали к стенке – почти всегда было куда бежать, и исторически наша страна расширялась в территориальном отношении в основном именно за счет такого бегства.

Наряду с пространством, важную роль в формировании этой черты играли и длительное жестокое угнетение, и скудость ресурсов, которая объективно ограничивала материальную базу любого сопротивления. Не стоит забывать и о европейском ощущении ценности своей жизни, рисковать которой оказывалось значительно труднее, чем в слитно-роевых традиционных азиатских обществах.

Парадная сторона пассивности – исключительное терпение носителей русской культуры – создает колоссальный соблазн и одновременно бросает вызов любой системе управления.

Она достаточно быстро обнаруживает, что общество прощает ей почти любые ошибки и притеснения. Более того, в силу не только пассивности, но и общей скудости ресурсов общество почти не тратит сил не только на принуждение управляющей системы к необходимым ему решениям, но и на простую обратную связь с нею. В результате у нее возникает **ошибочное ощущение полной безнаказанности** практически любого произвола по отношению к обществу. *В начале 2000-х годов это ощущение было отлито в классической формуле «Это быдло будет думать то, так и тогда, что, как и когда мы покажем ему по телевизору».*

Однако, действуя по этому принципу, управляющая система неизбежно порождает незаметное для себя подспудное нарастание общественного недовольства. Оно не проявляется в резкой и отчетливой форме до тех пор, пока не разряжается, – внезапно для правящей элиты и с крайней разрушительностью.

Разрушительность эта вызвана, как ни парадоксально, симбиотическим сосуществованием общества и государства. В условиях такого симбиоза протест против государства оказывается для общества невероятно трудным и настолько противоестественным делом, что общество восстает не на чуждые ему посторонние силы, а по сути дела – на самое себя.

В результате **его врагом становится не конкретный** враждебный ему и стесняющий его **порядок** , созданный государством, **но** сам по себе порядок как таковой – **сама идея порядка** . Ведь слитное с государством общество в принципе не ощущает возможности существования другого порядка, кроме созданного «его» государством.

Именно в этом заключается причина «бессмысленности» и «беспощадности» «русского бунта», выявленных еще Пушкиным.

Наиболее изученным с точки зрения массовых поведенческих реакций примером этого стала гражданская война, в которой красные и белые воевали не столько друг против друга, сколько против общего хаоса, общего для основной массы населения отрицания порядка как такового.

Вынужденное выступление против государства, воспринимаемого обществом как «плоть от своей плоти», становится его величайшей, мучительной трагедией. Доведенное неэффективным, а то и порочным государством до крайности, общество взрывается не осознанным и направленным на конкретные проблемы и недостатки протестом, но принципиальным, всеобъемлющим отказом подчиняться дискредитировавшей себя системе управления. Этот отказ подчиняться охватывает и те сферы жизни, в которых власть действовала разумно и никакого недовольства со стороны общества не вызывала.

Классическим примером стали распад Советского Союза и либеральные реформы:

с конца 1991 года пассажиры московского метро перестали «ходить по стрелкам»: в каждом переходе и в одну, и в другую сторону шел практически одинаковый поток людей. Понадобилось несколько лет, чтобы люди признали удобство существующих правил, и встречный поток стал пренебрежимо тонок.

Общим историческим правилом является не только самоочевидное использование народного недовольства и тем более массового отказа от подчинения властям всеми мыслимыми внешними конкурентами (от половцев до американцев).

Значительно более важным является реакция правящей элиты на подспудный рост общественного недовольства. Как и само это недовольство, реакция на него является стихийной, не осознаваемой самой элитой, а значит, и современными аналитиками, и последующими историками, привыкшими интересоваться мнениями действующих лиц, а не причинами этих мнений.

Попав в мощное силовое поле растущего общественного недовольства, правящая элита и особенно ее периферия неизбежно расслаиваются , разделяются и дробятся по самым разным, а часто и неожиданным признакам. Это внутреннее раздробление также многократно усугубляет разрушительность общественного взрыва (в том числе облегчением внешнего влияния).

Однако, с другой стороны, оно же обеспечивает управляющей системе необходимую гибкость и жизнеспособность, так как в ней еще до общественного взрыва опережающим образом появляются не только идейные, но порой и организационные зачатки будущего, посткатастрофического устройства.

Трудовая культура: сверхзадача, мотивация и русский способ производства

Одной из важнейших компонент любой культуры является отношение ее носителей к труду. Наша особенность – органическая неспособность существовать (и тем более трудиться) без сверхзадачи, без некоей цели, возвышающейся далеко над нашим повседневным существованием и придающей ему высший философский смысл. *По известной притче, мы органически не способны не только «таскать эти треклятые камни», но даже и «зарабатывать на жизнь своей семье» – по-настоящему хорошо мы можем только «строить Руанский собор».*

Потребность в сверхзадаче вместе с тягой к справедливости сформировала в рамках русской культуры весьма специфический тип **трудовой мотивации, ориентированной на деньги** и в целом на потребление **лишь** преимущественно **как символ** этой **справедливости** .

Поэтому само по себе стимулирование работника рублем, что доказала вся практика последней четверти века (да и более ранние эксперименты с хозрасчетом, начатые еще в 20-е годы прошлого века), оказывается совершенно недостаточным. Это многократно усложняет задачу системы управления по сравнению со стандартными правилами, выработанными в рамках западной культуры. Технологически простое для управленца материальное стимулирование оказывается эффективным лишь при наличии внятно осознаваемой сверхзадачи. *Именно поэтому политические пропагандисты, а до них священники выполняли, по сути, непосредственно производственную функцию.*

Однако главное заключается в **безусловной вторичности любого материального стимулирования по сравнению с одобрением окружающих, являющимся непосредственным доказательством справедливости** тех или иных **действий одобряемого** .

Эта зависимость от мнения коллег (равно как и общее для россиян стремление к «миру и согласию» пусть даже в ущерб собственным интересам и самой справедливости, вызывающее в целом враждебное отношение к «мании правдоискательства») исторически порождена соседским характером российской общины и в целом сельской жизни. *Грубо говоря, ставший врагом сосед легко может сжечь ваш дом, тем самым уничтожив ваше благосостояние и пустив вас по миру, поэтому с ним лучше ладить.* Тысячелетняя жизнь в условиях повседневной практической реализации этой «доктрины гарантированного взаимоуничтожения» наложила огромный отпечаток на русский национальный характер.

Впрочем, как минимум не меньшее влияние на формирование трудовой мотивации наложила экзистенциальная тяга к справедливости, описанная выше.

Важной особенностью русской культуры, выявленной в начале XX века зарубежными социологами и впечатлившей их до такой степени, что они ввели термин **«русский способ производства»** , является **склонность к штучной, уникальной, но не массовой монотонной работе** . Это связано и с органической потребностью в сверхзадаче, с идеей которой монотонная простая работа связывается намного труднее, чем с «подковыванием блохи», и с индивидуальным ремесленничеством крестьян (зимой или при отпуске «на оборок»).

Таким образом, еще до изобретения конвейера была выявлена неприспособленность к нему русской культуры: выполнять монотонные однородные операции ее носителям оказывалось невыносимо скучно. Это одна из причин того, почему наша страна делала прекрасные относительно сложные машины (вроде боевых самолетов) и хронически не справлялась с более массовым и более простым производством легковых автомобилей.

Интересно, что бригадный подряд (вводимый в 70-е годы XX века не только в нашей стране, но и, например, в Японии и США) был нацелен на отказ от традиционного конвейера и расширение сферы компетенции каждого работника, чтобы сделать его труд более творческим или хотя бы менее монотонным. Тем самым он соответствовал объективным, глубинным потребностям русской культуры. Ведь при бригадном подряде характер труда приближался к традиционному для нас артельному.

При правильной организации экономики именно русский способ производства выведет российское общество из заведомо непосильной для него и потому пагубной конкуренции с Китаем (ибо мы как работники всегда будем стоить дороже и будем менее организованными и трудолюбивыми) **в положение его гармонического дополнения.** Ведь культура Юго-Восточной Азии идеально соответствует потребностям именно конвейерного производства, а русская культура позволяет развивать производство более сложных штучных изделий.

Ключевые пороки русской культуры: боязнь счастья и авральность

Повторюсь еще раз: у культуры, как и у всякого явления природы, нет позитивных и негативных черт – все зависит от точки зрения наблюдателя и, с другой стороны, от степени адекватности управляющей системы. Однако, заняв определенную точку зрения, мы получаем возможность рассматривать некоторые черты своей культуры как достоинства, подлежащие развитию, а некоторые – как пороки, которые нужно стараться максимально ослабить, если и вовсе не искоренить.

Наиболее объективная позиция – рассмотрение культуры с точки зрения участия в глобальной конкуренции и собственного развития общества.

До сих пор речь шла о в целом позитивных особенностях нашей культуры, равно как и об особенностях, сочетающих в себе позитивные и негативные качества. Однако нельзя закрывать глаза и на ее безусловно вредные черты.

Они являются такими не сами по себе, но лишь потому, что их использование управляющей системой чрезмерно затруднено, предъявляет к ней слишком высокие требования, которым очень сложно соответствовать. В результате эти черты на протяжении столетий мешают нам нормально жить и развиваться.

Основной, едва ли не **фатальный порок носителей русской культуры – боязнь счастья и инстинктивное бегство от него как от греха, неумение и, главное,** искреннее **нежелание любить себя и принимать себя такими, какими мы есть** . Это качество – прекрасный стимул как для личного самосовершенствования и развития искусств, так и (при грамотном использовании со стороны управляющих систем) для общественной модернизации. Однако оно же обрекает значительную часть народа на хроническое неблагополучие – как материальное, так и в первую очередь психологическое, которое, проявляясь в значительных масштабах, подрывает конкурентоспособность общества.

Именно нелюбовь к себе как общественная норма (позволяющая терпеть ограничение личного потребления) вкупе с уклонением от конфликта до последней черты и притоком

нефтедолларов стала причиной отказа от построения в Советском Союзе общества массового потребления. Отказа, приведшего к краху советской цивилизации.

С другой стороны, несмотря на индустриализацию (и даже информатизацию), русская культура, российский образ жизни по своей природе остались глубоко сельскохозяйственными. Это проявляется не только в традиционных катастрофах и принятии стратегических решений в августе, не только в осеннем всплеске свадеб даже у потомственных горожан.

Крестьянин, подчиняясь естественной смене времен года, привыкает уже хотя бы в силу только этого к «внешнему управлению» – и весьма естественно переходит от подчинения внешним природным силам к подчинению столь же внешним для него силам общественным (и даже иностранным).

Однако главное проявление сельского характера русской культуры – авральный, крайне неравномерный характер как труда, так и всей жизни в целом. *Крестьянин привык, что периоды исключительно интенсивной работы (на посевной и особенно на уборке урожая, когда один день год кормит) перемежаются с длительным зимним периодом хронического безделья.*

В результате добросовестное планирование в нашей стране на любом уровне вынуждено учитывать, что трудовой цикл начинается с длительного периода раскачки, за которым следует нормальная работа в охотку, сменяющаяся диким авралом.

В ходе последнего могут быть значительно перевыполнены первоначальные задания и достигнуты непредставимые ранее высоты как производства, так даже и человеческого духа. С другой стороны, в результате неизбежно хаотического аврала легко может быть разрушено все, что только можно разрушить, – от технологического оборудования до человеческих отношений и даже жизней.

*****

Однако внятный учет этой и других особенностей русской культуры, каким бы сложным он ни был, позволяет, как многократно показывала практика, добиваться непредставимых для иных культур поистине фантастических результатов.

Добьемся их и мы – в уже обозримом будущем.

Если, конечно, от усталости и отчаяния не согласимся на вбиваемые нам в голову нашими конкурентами убийственные идеи самооскопления по этническому, национальному или религиозному принципу.

5.3. Сочетание глобальных вызовов с потребностями и возможностями России идеально

Проблемы и, соответственно, потребности современного человечества, порождаемые и усиливаемые объективным развитием глобального кризиса, как ни парадоксально, создают в современном мире растущий спрос именно на те парадигмы и ценности, которые являются неотъемлемыми элементами русской культуры и российского мировоззрения.

Длительное время нас убеждали отказаться от них и почти убедили в их архаичности и несоответствии базовым тенденциям, как вдруг глобальный мейнстрим на глазах начал менять свое направление и двигаться навстречу нам.

Однако естественным образом волнующее чувство своей нужности и востребованности не должно заставлять нас забыть об ответственности, которая ложится в связи с этим на нас, и о сопротивлении, неминуемо ожидающем нас на пути реализации своих ценностей, пусть даже и вновь ставших остро необходимыми всему миру.

Как было показано выше, демократия как основа современного западного мироустройства и, что более важно, как основа современной западной системы управления в ее современном западном понимании испытывает жестокий кризис. Ее внутреннее устройство в целом перестало соответствовать объективным требованиям глобализации и уже не способно автоматически решать порождаемые ею проблемы, а ведь именно в этом и заключалась историческая сила демократии.

Основное направление «ремонта демократии своими средствами и на скорую руку»

представляется самоочевидным: это противодействие всевластию глобального управляющего класса. Основные направления этой деятельности – укрепление государственности в ее традиционном понимании, восстановление и реабилитация в глобальном сознании понятий «суверенитет» и особенно «суверенитет народа», понимаемого как «население той или иной страны, объединенное общей культурой», восстановление международного права в том виде, в котором оно существовало до агрессии США и НАТО против Югославии в 1999 году. Принципиально важным представляется и возврат к национально ориентированной системе ценностей от глобальной системы ценностей, которая если и возможна в принципе (так как обычно она подменяется системой ценностей США или же Евросоюза), то во всяком случае саморазрушается.

Наиболее развитым странам мира, столетиями считавшим себя светочем цивилизации, необходимо доступными их восприятию методами помочь осознать, что они слишком далеко и слишком корыстным образом забежали вперед в деле объединения мира и теперь ради его спасения просто обязаны сделать шаг назад.

Необходимы установленный в явной и открытой форме приоритет коллективной безопасности над демократией и правами человека в западном понимании этих терминов, отказ от крестового похода за демократизацию и признание за каждым обществом права жить по своим собственным законам и обычаям. Пора признать, что источником законной власти в каждом обществе является все же исключительно его народ со всеми его предрассудками и недостатками, а отнюдь не меняющаяся раз в несколько лет администрация Соединенных Штатов Америки (на последнем критерии публично настаивал не кто-нибудь, а прошлый генеральный секретарь НАТО Расмуссен).

Тем более не является источником легитимной власти в формально независимых государствах и «агрессивно-послушное», как говорили про большинство последнего советского Съезда народных депутатов, «моральное большинство» западного мира, конституированное (да еще во многом и в коммерческих целях) *CNN* и еще несколькими глобальными средствами массовой информации.

Потребность в этой консервативной, традиционалистской контрреволюции очевидна, однако сама возможность ее относительно мирного и управляемого осуществления остается совершенно неясной. Она слишком явно противоречит сегодняшним интересам наиболее влиятельных и эффективных субъектов глобальной политики и представляет собой в определенной степени возврат в уже известное и лишь поэтому кажущееся относительно безопасным и благополучным прошлое. Обеспечение глобальной безопасности по своей сути – не более чем шаг назад, сама принципиальная возможность которого даже с чисто методологической точки зрения представляется сомнительной.

Отрицаемый всем развитием человечества последних лет путь принудительной глобализации и насильственной демократизации не является только придуманной кем-то и когда-то голой идеей. Он осуществляется с такой пугающей последовательностью, разрушительностью и самоотреченностью именно потому, что является равнодействующей интересов наиболее эффективных и влиятельных участников современных глобальных рынков.

Человечество идет по этому пути не потому, что кто-то обманул и обольстил его, но потому, что этот путь в наибольшей степени соответствует текущим потребностям и особенностям его наиболее влиятельных членов.

Поэтому «ремонт» демократии (в ее западном понимании) и системы современного глобального управления, кто бы и как бы ни взялся за его осуществление, в случае своего успеха неизбежно перерастет в коренное изменение всего сложившегося мирового порядка. Всерьез рассчитывать на то, что это непредставимое сегодня и в основном неминуемо хаотичное изменение затронет исключительно несправедливые для нас его элементы, оставив в неприкосновенности все, что мы считаем справедливым и удобным для себя, представляется по меньшей мере наивным. Даже в случае нашего успеха нас все равно ждет глобальный кризис, – просто наши шансы в нем будут существенно более высокими.

Ахиллесова пята глобального управляющего класса – его служба глобальным монополиям, которые, как и все монополии, стремятся заблокировать технологический прогресс ради увековечивания своего доминирующего положения. Этот путь объективно

неуклонно ведет к комплексной архаизации общественных отношений, заталкивает все современное человечество в новое Средневековье, новые Темные века.

Единственно возможным выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации представляется развитие технологий, объективно взрывающих монополизм, в том числе и глобальный.

Подобно тому, как современный человек дважды в день чистит зубы не потому, что боится кариеса, а потому, что так принято, этот же самый современный (и завтрашний) человек должен стремиться к технологическому прогрессу. Он должен жертвовать ему свои деньги подобно тому, как в приведенном примере он жертвует общественным приличиям свое время, как правило не задумываясь о стоящих за ними потребностях его собственного здоровья.

Человечество приближается к коренному изменению всей мотивации своей деятельности.

Заменой узко рыночного стремления к голой прибыли, автоматически рождающего монополизм, должно стать (и, насколько можно понять, во многом уже постепенно становится) объемлющее, включающее его стремление к новым технологиям, делающим жизнь не только более богатой и благополучной, но и более разнообразной и интересной.

Упование на технологии против всесилия порождающего монополизм рынка при всей наивности такого упования (как и любой, во все времена надежды на лучшее будущее) представляется перспективным. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, преображающейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею **технологического социализма** .

Сегодняшняя форма общественного развития – это борьба стремления к прибыли и стремления к технологиям, это борьба глобального монополизма и ломающего его технологического прогресса, это борьба глубинной тяги к архаизации и жажды возобновления комплексного, всеобъемлющего развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращает лаборатории и кабинеты ученых в передовой край борьбы человечества за свое будущее.

Только если раньше речь шла о выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь – всего человечества без исключения.

Русская культура представляется единственной из всех крупных современных мировых культур, которая отвечает одновременно обеим наиболее жгучим потребностям современного человечества: в продолжении технологического развития и в сохранении гуманизма как цели и одновременно основы функционирования общества. В отличие от некоторых современных культур, не допускающих даже точного планирования, она более чем убедительно доказала своей историей и современным состоянием свою способность к самостоятельному и при этом крайне успешному инженерному творчеству; при этом она гуманистична по своей природе.

Принципиально важной особенностью русской культуры является и ее мессианский характер, качественно повышающий ее шансы на решение проблем, стоящих перед всем человечеством (правда, как мы хорошо знаем, создавая при этом риски чудовищного перенапряжения ее носителей). Обреченные на стремление не к локальной, а именно ко всеобщей справедливости, носители русской культуры представляются сегодня единственной частью человечества, действительно способной остановить его трагическое сползание в новые Темные века, сохранив те его достижения, которые мы привыкли считать неотделимыми от самого человеческого облика.

Однако для того чтобы иметь хотя бы шанс реализовать эту возможность, современное российское общество должно качественно преобразовать и оздоровить само себя.

Глава 6. Что нам надо делать

6.1. Необходимость коренной реструктуризации общества

Российское общество привыкло к своему же собственному разложению. Для

восстановления своей конкурентоспособности ему необходимо прежде всего вернуть представления о справедливости, о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а для этого **вернуться от истребляющих Россию либеральных реформ и коррупции к нормальности** . Что мы строим (социализм, капитализм, традиционализм или еще что-нибудь) – второй вопрос; сначала надо создать субъект этого строительства: оздоровить государство, вернуть его в чувство и от распада перейти к восстановлению.

Для этого необходима коренная, глубокая реструктуризация всего российского общества.

Первый и главный необходимый шаг – **обуздание коррупции; это станет** хотя и безусловно законным, но тем не менее **изменением** реально сложившегося в России **государственного строя** . Даже при сгнивших правоохранительных органах и невменяемых судах для качественного перелома достаточно следующих мер:

• по опыту Италии: взяткодатель при сотрудничестве со следствием должен освобождаться от ответственности. Только так можно сломать круговую поруку между организатором коррупции и его жертвами;

• по опыту США (законы *RICO*): все активы семьи члена организованной преступности (а коррупция во власти – всегда мафия), не сотрудничающего со следствием, конфисковываются, даже если приобретены добросовестно. Оставляется только для очень скромной жизни;

• осужденный за коррупционное преступление пожизненно лишается возможности занимать любую выборную должность, любую должность на госслужбе и любую руководящую должность, а также вести любую юридическую и преподавательскую (в сфере общественных наук) деятельность;

• все чиновники и политики должны обосновать источники средств и имущества, приобретенного ими и их семьями после 1991 года суммарной стоимостью более 1 млн долларов, а также регулярно декларировать все расходы и инвестиции. Альтернатива – поражение в правах, аналогичное коррупционному преступлению;

• государство и все сотрудничающие с ним организации должны быть переведены на электронную систему принятия решений, позволяющую контролировать чиновников незаметно для них;

• по примеру таких разных стран, как Белоруссия, Грузия и Молдавия, Россия должна выслать всех находящихся на свободе известных воров в законе.

Второе необходимое направление действий – **нормализация судебной системы и правоохранительных органов** . Необходимы выборность судей, гласность контроля за качеством их работы, пожизненный запрет на юридическую, руководящую, преподавательскую деятельность, занятие выборных и государственных должностей для всех судей и сотрудников правоохранительных органов, уличенных в нарушении служебного долга. Интенсивность работы судей должна быть ограничена, а тяжесть рассматриваемых ими дел (для арбитражных судей – сумма ущерба по искам) – прямо пропорциональна их квалификации. Неисполнение решения суда или искусственное затягивание судебного разбирательства должны трактоваться как тягчайшее преступление.

Следует очистить суды и правоохранительные органы от разложившихся и психически неустойчивых элементов с последующей социализацией уволенных за служебное несоответствие.

Только так можно выполнить условие нормального развития общества: единство закона для всех его членов.

Для восстановления в обществе веры в справедливость и исключения чудовищной ситуации, когда родственники жертв оплачивают содержание и безопасность их убийц, представляется, как это ни прискорбно, необходимым вернуть смертную казнь за сознательные убийства, хотя бы при отягчающих обстоятельствах (включая серийные убийства, терроризм, производство и распространение тяжелых наркотиков в крупных масштабах). Во избежание судебных ошибок следует не приводить приговор в исполнение до повторного независимого рассмотрения дела Верховным судом, проводимым через год после окончательного судебного решения, а при подтверждении им приговора – до одобрительного решения губернатора, в регионе которого было совершено соответствующее преступление.

Кроме того, представляется необходимым:

• обеспечить гражданам России реальное (а не фиктивное, как сейчас) право на действенную самооборону;

• прекратить развращение общества государственными СМИ за государственный (то есть наш) счет, создав при них эффективные общественные советы (в первую очередь на телевидении);

• запретить любую прямую рекламу и *product placement* алкоголя и табака во всех видах *(включая слабоалкогольные коктейли, энергетические напитки, пиво и курительные смеси)* при прекращении дискриминации курильщиков;

• признать вводящую в заблуждение рекламу *(включая искажение реальных цен, а также заведомо ложную рекламу целителей и сект)* разновидностью мошенничества и карать ее по Уголовному кодексу;

• жестко ограничить по объему все виды рекламы *(от уличной до телевизионной)* , кроме специализирующихся на рекламе изданий, запретить ориентированную на несовершеннолетних рекламу, запретить рекламу в местах, где от нее некуда деться *(например, аудиорекламу в метро, так как каждый имеет право быть избавленным от рекламного террора)* , запретить вне специализированных изданий массовую рекламу товаров роскоши и рекламу, внушающую человеку, что покупка того или иного товара либо услуги возвышает его над остальными;

• по примеру Франции лишать гражданства России натурализованных мигрантов, совершивших уголовные преступления или пять административных правонарушений в течение года, с депортацией за их счет на историческую родину после отбывания наказания;

• отменить наиболее разрушительные реформы последних лет:

• отменить людоедскую монетизацию льгот *(компенсация льгот деньгами должна быть адекватной, а льготы в натуральной форме – доступными; льготники должны получить недоплаченные им деньги и право выбора между монетизацией и льготами в натуральной форме)* ;

• отменить Болонский процесс, препятствующий формированию самостоятельного комплексного мышления *(при помощи тестовой системы оценок)* и ограничивающий доступ к высшему образованию *(платностью получения степени магистра)* ;

• отменить положения Лесного кодекса, по сути уничтожившие лесоохрану, и Воздушного кодекса, затрудняющие развитие малой авиации *(важной для оповещения о возникновении пожаров)* ;

• отменить реформу бюджетных организаций, расширяющую платность бюджетных услуг и создающую предпосылки бесплатной приватизации бюджетной сферы; в частности, отменить предоставленное руководству бюджетных организаций право устанавливать зарплату своим подчиненным практически по своему произволу;

• ввести компенсацию (из местного бюджета, при нехватке средств – из регионального и далее из федерального) расходов граждан на ЖКХ (включая налог на жилье и оплату найма социального жилья), превышающих 10 % семейного дохода;

• обеспечить равноправие работников вне зависимости от их гражданства, исключив этим социальный демпинг и порчу рынка труда со стороны бесправных гастарбайтеров и оставив сползание России к состоянию рабовладельческого общества;

• отменить регрессивную шкалу ставок обязательных социальных взносов, запретительно высоких для основной части граждан России и низких для богатой части общества; ввести умеренно прогрессивную шкалу подоходного налога (до трех среднероссийских прожиточных минимумов не брать, со ста прожиточных минимумов в месяц – 20 %);

• отменить декриминализацию контрабанды и возможность наказания за убийство («нанесение тяжких телесных повреждений, повлекшее за собой по неосторожности смерть потерпевшего») в размере четырех месяцев лишения свободы;

• для восстановления в обществе представлений о справедливости, для искоренения попустительства и вседозволенности расследовать деятельность высших чиновников и политиков СССР и России с апреля 1985 года; предать широкой огласке выявленные факты должностных преступлений и приведшие к тяжким последствиям случаи пренебрежения служебными обязанностями; пожизненно лишать чиновников и политиков, нанесших вред интересам СССР и России, права работать на государственной службе и избираться

депутатами; при выявлении преступлений с неистекшим сроком давности *(в том числе преступлений против человечности)* передавать материалы в Генпрокуратуру;

• установить, что получение любых документов, необходимых для выполнения обязанностей органов госуправления перед гражданами, является прямой обязанностью самих этих органов. **Бюрократия должна сама получать нужные ей справки, а не измываться над гражданами, отправляя за этими справками их.**

Представляется необходимым установить, что президент России во избежание ситуации размывания власти (сегодня премьер-министр практически дублирует его, не имея возможности приказывать министрам, которых не он назначает и увольняет) по должности должен возглавлять правительство.

Следует лишить неприкосновенности депутатов Государственной думы и Законодательных собраний субъектов Федерации, членов Совета Федерации, глав субъектов Федерации. Установить, что Госдума, Совет Федерации и Законодательное собрание субъекта Федерации могут предоставлять иммунитет своим членам против неправомерного, с их точки зрения, уголовного преследования, а Государственный совет имеет аналогичное право по отношению к главам субъектов Федерации.

Власть на всех уровнях обязана нести ответственность перед избирающими ее гражданами, а не перед бюрократией. Поэтому депутаты Госдумы должны избираться только по одномандатным округам (в том числе при поддержке партий), а главы субъектов Федерации и члены Совета Федерации – населением своих регионов.

Необходимо выполнить требование Бюджетного кодекса о концентрации в федеральном бюджете не более половины налоговых *(без внешнеторговых)* доходов консолидированного бюджета с передачей остальных средств в регионы. Обеспечить реальную финансовую базу местных бюджетов, достаточную для обеспечения местного развития. Бюджеты субъектов Федерации, дотируемые федеральным бюджетом на 50 % и более, должны полностью управляться представителями Министерства финансов России.

Следует ввести действенный порядок отзыва избирателями депутатов Госдумы, членов Совета Федерации, глав субъектов Федерации в случае невыполнения ими своих обязанностей.

Если более 5 % граждан России, проживающих на территории действия того или иного суда, выносят вотум недоверия тому или иному судье указанного суда, этот судья должен исключаться из коллегии судей.

Следует предоставить Госдуме и Совету Федерации право проведения парламентского расследования, на котором должны давать показания все граждане России, кроме президента. Лжесвидетельствование на нем должно караться, как в суде.

Представляется необходимым провести ревизию всех международных соглашений и при необходимости отказаться от взятых на себя международных обязательств, наносящих неоправданный ущерб России, в первую очередь, насколько можно судить, соглашений о присоединении к ВТО *(с учетом того, что в случае коррупционного характера их принятия они даже по международному праву изначально не имеют юридической силы)* .

Отменить безвизовый режим с бывшими советскими республиками, в которых произошла социальная катастрофа *(как минимум, с Таджикистаном и Узбекистаном)* , до ее преодоления.

6.2. Социально-экономическая модернизация

Первоочередные меры

Прежде всего, необходимо реализовать предусмотренное Конституцией право граждан России на жизнь. Его экономическое выражение – **гарантирование реального прожиточного минимума** . Это потребует увеличения годовых расходов бюджетов всех уровней примерно на 800 млрд рублей в год, которые можно получить за счет ограничения коррупции и конфискации коррупционных средств, а в крайнем случае за счет накопленных бюджетных резервов *(10,6 трлн рублей на 1 октября 2015 года)* .

Гарантирование реального прожиточного *(а семьям с детьми – социального)* минимума,

дифференцированного по регионам *(в зависимости от разного уровня цен, природно-климатических и транспортных условий при обеспечении одинаковых социальных стандартов и в целом условий жизни)* , даст по мере решения этой задачи объективный обобщенный критерий успешности государственной политики в целом и объективное основание всей политике межбюджетных отношений. Оно позволит прекратить хаос и коррупцию в этой сфере *(все 2000-е годы регионы получают помощь по принципу достижения «средней температуры по больнице», то есть приближения к среднероссийскому уровню, оторванному от каких бы то ни было объективных критериев)* .

Следует резко **ограничить произвол монополий** , превратив Федеральную антимонопольную службу (ФАС) по значению и полномочиям в аналог КГБ в экономической сфере. Необходимо обеспечить полную прозрачность структуры цен естественных монополий и фирм, подозреваемых в злоупотреблении монопольным положением (при необходимости – с ответственностью органов государственного регулирования за неразглашение коммерческой тайны).

Представляется разумным предоставить ФАС право при резком колебании цены сначала возвращать ее на прежний уровень и лишь потом расследовать обоснованность ее изменения, расценивая отказ продавать продукцию по этой цене как уголовное преступление *(по примеру Германии)* .

Надо обеспечить российским производителям свободный доступ на рынки городов, при необходимости – силовыми структурами и проведением спецопераций по расчистке путей для свободной конкуренции, запретить *(по примеру Италии)* создание сетевых магазинов везде, где могут функционировать обычные магазины.

Жизненно важно обеспечить гражданам и бизнесу свободный доступ к товарам и услугам естественных монополий (в частности, снять искусственные барьеры при подключении к электроэнергии и магистральному газу; при ограничениях, признанных независимой проверкой технологически обусловленными, – осуществлять соответствующее расширение инфраструктуры за счет средств естественных монополий).

Следует заморозить на три года тарифы на продукцию и услуги естественных монополий, ЖКХ, городского транспорта. Провести тщательный анализ их издержек; за счет сокращения воровства, применения передовых технологий и повышения качества управления в течение года снизить тарифы на услуги ЖКХ не менее чем на 20 %, а тарифы на электроэнергию и цену газа на внутреннем рынке не менее чем на 10 %.

Представляется необходимым обеспечить **разумный протекционизм** *(хотя бы на уровне Евросоюза)* : все, что мы делаем руками, Китай делает дешевле, а часто уже и лучше нас. Если мы хотим иметь рабочие места, мы должны последовать примеру развитых стран, большинство которых, не признаваясь в этом, усиливает протекционизм из-за глобального кризиса.

В России слабость рыночных стимулов вынуждает сочетать протекционизм с принуждением предприятий к технологическому прогрессу сначала цивилизованными *(через введение новых стандартов)* , а в случае непонимания – и административными методами.

При необходимости увеличить число занятых или создать производства товаров, которые в мире производятся менее чем тремя независимыми производителями, и нежелании частного бизнеса заниматься решением этих проблем – создавать государственные предприятия (в случае их нестратегического характера – для последующей приватизации).

Предприятия с менее чем 20 занятыми *(в сельском хозяйстве – с менее чем 50 занятыми)* , не занимающиеся финансовыми операциями, консультациями, внешней торговлей, перепродажей и другими потенциально спекулятивными видами деятельности и получающие при этом годовой доход ниже определяемого отдельно порогового уровня, должны на пять лет полностью освобождаться от всех видов налогов и обязательных платежей.

Это полностью исключит возможность налогового террора и качественно расширит возможности самозанятости.

Необходимо свободное занятие пустующих сельхозземель. Любой гражданин России должен иметь право занять брошенную землю сельхозназначения (до 1 гектара на семью). По факту обработки она должна оформляться в бесплатную долгосрочную аренду, по факту непрерывной обработки в течение десяти лет подряд – передаваться в собственность.

Все нормативные документы, относящиеся к налогообложению, должны быть упрощены и сделаны понятными среднему гражданину, чтобы малый и средний предприниматель мог вести бухгалтерский учет без помощи специально обученных бухгалтеров и финансистов.

Следует восстановить (разумеется, со всеми необходимыми поправками) **метод повышения эффективности экономики** , применявшийся в большинстве отраслей советской экономики с конца 30-х до середины 50-х годов и представляющий собой совокупность проработанных материальных и моральных стимулов, активизирующих массовую творческую активность и направляющих ее на снижение себестоимости и повышение качества продукции.

В частности, в организациях, занимавшихся разработками новой техники, сразу после приемки разрабатываемого изделия должны выплачиваться премии, если в акте комиссии отмечается улучшение характеристик изделия по отношению к техническому заданию. Для каждой характеристики, включая время разработки изделия и стоимость разработки, должна быть определена премиальная шкала, известная разработчикам до начала проектирования. Премию должны получать все члены коллектива, участвующего в проекте, в одинаковом размере независимо от должности.

Индивидуальные премии должны выплачиваться за рацпредложения или заявки на изобретение, благодаря которым и стало возможным улучшение характеристик изделия. За каждую новацию авторам должна выплачиваться дополнительная сумма, кратная вознаграждению, полученному каждым членом коллектива за соответствующее улучшение характеристик. Разумеется, это не должно отменять обычных вознаграждений за экономический эффект, полученный от внедрения изобретения или рацпредложения, а также обычных квартальных и годовых премий.

Руководитель проекта в этом случае также должен получать дополнительную премию.

Моральные стимулы должны заключаться в ускоренном продвижении по службе обеспечивших коллективу получение таких премий и их приоритетном назначении руководителями следующих проектов.

Применение данной системы распространяет успехи одного на всех. Благодаря этому коллективы начинают стихийно оберегать людей, способных к творческой работе, и освобождают их от рутины без всяких указаний руководства.

Именно благодаря применению этой системы в оборонной промышленности за четыре года войны себестоимость производства большинства образцов вооружений была снижена в 2–3 раза (даже себестоимость производства винтовки Мосина, разработанной еще в XIX веке, была снижена в 1,6 раза). Метод повышения эффективности (МПЭ) позволял максимально стимулировать и использовать творческую активность работников и быстро выявлять таланты. Именно применением этого метода в сельском хозяйстве объясняется получение ордена за уборку урожая 17-летним Горбачевым.

Главной особенностью МПЭ являлось то, что при его использовании не только повышалась творческая активность большого числа людей и выявлялись таланты. Главное – менялись психология работников и отношения в коллективе. Возникали взаимная доброжелательность, стремление оказать помощь друг другу. Каждый член коллектива начинал считать себя личностью, а не винтиком сложного механизма, а члены коллектива начинали сознавать свою значимость для общего дела и, в частности, с готовностью выполняли любую необходимую работу, даже если она не соответствовала их статусу.

Менялись и отношения начальников с подчиненными. Вместо приказов и указаний начальник стремился разъяснить каждому, какую роль в общем деле играет его работа, так как активность каждого подчиненного могла принести начальнику дополнительную премию. Существенно, что по мере становления коллективов и формирования новой психологии сами материальные стимулы отходили на задний план и уже не являлись главной движущей силой. В результате эффект от применения данного метода держался после его отмены на протяжении жизни целого поколения.

По итогам приватизации россияне чувствуют себя ограбленными, а небольшая часть успешных бизнесменов – ограбившими. Способ преодоления этого раскола применен в Великобритании после тэтчеровской приватизации – **компенсационный налог** , возвращающий в госсобственность разницу между ценой приватизации и реальной стоимостью

активов на ее момент. Чтобы не подорвать работу предприятий, компенсационный налог лучше взимать не деньгами, а пакетами акций, что вернет государству «командные высоты» в экономике и обеспечит те же позитивные результаты, что национализация и пересмотр итогов приватизации, но без деструктивных последствий этих мер.

По примеру Чили и Малайзии (единственных неразвитых стран, выстоявших в кризисе 1997–1999 годов), учитываемому сегодня и Великобританией, – **предусмотреть возможность оперативного введения налога на приток и отток спекулятивных капиталов** в условиях резкого колебания конъюнктуры мировых рынков.

Жестко разграничить оборот инвестиционных капиталов от спекулятивных, как это делалось всеми развитыми странами на нашем нынешнем уровне зрелости финансовой системы (в США соответствующие ограничения были отменены лишь в 1999 году, в Японии – в 2000-м).

Лишь на изложенной выше базе можно начать полноценную **комплексную модернизацию технологической инфраструктуры** за счет привлечения иностранных стратегических капиталов к реализации глобальных проектов (в частности, трансъевразийской железнодорожной магистрали) и накопленных резервов государства *(безопасно для валютной стабильности можно использовать более 100 млрд долларов)* , а в части проектов гарантированной доходности *(например, модернизации ЖКХ крупных, средних и богатых малых городов)* – за счет накопительных средств пенсионной системы.

Это кардинально снизит издержки экономики и расходы граждан и, создав огромный внутренний спрос, качественно улучшит деловой климат и усилит трудовую мотивацию населения.

Однако не менее важно и то, что модернизация инфраструктуры – практически единственная сфера, в которой государство почти гарантированно не вступит в недобросовестную конкуренцию с частным бизнесом, – последнему из-за капиталоемкости и долгосрочности вложений развитие инфраструктуры просто не по силам.

Социальные гарантии

Следует провести **демонетизацию** льгот: предоставить гражданам России право на восстановление натуральных льгот, отмененных в 2005 году; каждый льготник должен иметь право на компенсацию имеющихся у него льгот адекватной, а не заниженной суммой денег.

Ущерб, нанесенный гражданам неадекватной монетизацией льгот, должен быть компенсирован в полной мере, в том числе из личных состояний организаторов монетизации (по решению суда).

Необходимо обеспечить доступность здравоохранения и образования, жесткий контроль качества их услуг. Отменить все псевдоновации, ведущие к коммерциализации образования и бюджетной сферы в целом.

Ликвидировать как категорию бизнес, паразитирующий на расходах бюджета, в первую очередь социальных *(например, монополисты по поставкам лекарства для государственных нужд должны утратить свое монопольное положение и быть возвращенными в конкурентную среду)* .

Отменить Единый государственный экзамен (ЕГЭ), разрушающий сознание молодежи, отучающий ее думать, формирующий разорванное, клиповое мышление, обеспечивающий повышенную внушаемость и некритическое восприятие действительности.

Система образования должна созидать единую творческую нацию , а не быть инструментом социального контроля и превращением молодого поколения в стадо «квалифицированных потребителей».

Структура специальностей, получаемых молодежью в вузах и колледжах, и качество их подготовки должны соответствовать потребностям экономики и общества: **вузы должны готовить востребованных специалистов, а не профессиональных безработных, как сейчас!**

Гарантировать полностью бесплатное (на деле, а не на словах) обучение в средней школе. В высших учебных заведениях *(при получении первого высшего образования)* бесплатными должно быть не менее половины учебных мест, в технических вузах – не менее трех четвертей учебных мест.

Установить обязательность среднего образования, а в перспективе – обязательность полноценного высшего.

Программа средней школы должна включать изучение английского языка, достаточное для свободного общения. Другие языки *(в первую очередь китайский)* могут изучаться как дополнительные.

Полностью воссоздать разрушенную систему профессионального образования *(в частности, средних специальных учебных заведений)* и широкую сеть бесплатных вечерних школ *(для россиян, лишенных либеральными реформами 1990-х и 2000-х годов нормального среднего образования)* .

В течение двух лет полностью искоренить беспризорность.

Отменить навязываемый России западный стандарт ювенальной юстиции, разрушающий семью и являющийся репрессивным механизмом.

Принять программу «Поддержка семьи», предусматривающую в том числе массовое создание детских учреждений (детских садов, школ, групп временного пребывания, творческих студий, спортучреждений) с бесплатным или частично оплачиваемым для родителей содержанием детей. Обеспеченность ими населения не должна быть ниже советских нормативов.

Внести в официальный перечень профессий профессию «домохозяйка» с обязательным оформлением трудового стажа женщинам, имеющим детей, в зависимости от их количества и возраста.

Ввести обязательную диспансеризацию всего населения. Приравнять полностью занятых работников бюджетных предприятий здравоохранения и образования (включая муниципальные) к госслужащим с соответствующей оплатой труда и социальным обеспечением.

Решить проблему качественного здравоохранения с помощью применения прорывных медицинских технологий, которые позволят лечить пациентов, а не доить их карманы и бюджет страны.

Решительно отделить медицину комфорта как вид предпринимательства от медицины жизнеобеспечения, сохраняющей жизнь и здоровье. Последняя должна быть общедоступной и качественной для всех граждан вне зависимости от их доходов, для малоимущих – бесплатной.

Медицина жизнеобеспечения должна финансироваться из бюджета в соответствии с потребностями, определяемыми на основании показателей здоровья населения региона по результатам диспансеризаций. Страховые принципы в медицине жизнеобеспечения должны быть полностью отменены и сохранены лишь в медицине комфорта, так как они переводят оплату труда медработников на сдельный принцип, заинтересовывая их не в обеспечении здоровья, а в увеличении масштабов медицинских услуг. Кроме того, страховые принципы увеличивают расходы на здравоохранение за счет финансирования самих страховых компаний.

Кардинально повысить мобильность бригад скорой помощи за счет приоритетного финансирования и обновления технической базы.

Развернуть производство российского инсулина, соответствующего по качеству производимому в развитых странах.

Запрещать импорт лекарственных препаратов иностранного производства, равных или более слабых по эффективности и качеству, но более дорогих, чем российские, при удовлетворении потребности населения России в этих лекарствах.

Провести изучение, научное обоснование и введение в практику доказавших свою эффективность методов и средств народной медицины.

Снизить проценты по потребительским и ипотечным кредитам *(с учетом сопутствующих платежей)* до уровня ставки рефинансирования Банка России. При потере работы предоставлять заемщику шестимесячную отсрочку по выплате кредита и процентов, при резком снижении заработной платы *(в том числе из-за вынужденной смены работы)* пропорционально увеличивать срок выплаты кредита с соответствующим снижением выплат.

В регионах с дефицитом населения при рождении первого ребенка списывать 25 % ипотечного кредита, при рождении второго – 50 %, третьего – 75 %, четвертого – весь кредит (на жилплощадь, рассчитываемую по социальным нормам).

Наращивать потребительское кредитование населения за счет долгосрочных и дешевых государственных денег, предоставляемых банкам (со снижением стоимости кредитов для населения).

Разрешить гражданам досрочное погашение банковских кредитов (в том числе ипотечных) без каких бы то ни было штрафных санкций со стороны банков.

Принять закон о профессиональной ответственности, устанавливающий:

• что медицинские и образовательные учреждения должны возмещать убытки, нанесенные ошибками врачей и некачественным образованием;

• сотрудники правоохранительных органов, преступившие закон, должны навсегда лишаться права работать на государственной службе, в силовых структурах, службах охраны и вести юридическую деятельность;

• осужденные за хозяйственные преступления, включая мошенничество, должны лишаться права занимать руководящие должности, в том числе в бизнесе, на срок, вдвое превышающий срок заключения *(включая условные сроки)* , но не менее чем на пять лет;

• чиновники, допустившие профессиональные ошибки *(или не протестовавшие против их совершения)* , должны лишаться права занимать равные или более высокие руководящие должности на государственной службе и избираться в депутаты всех уровней;

• при утрате доверия избирателей к депутатам всех уровней и членам Совета Федерации не позднее чем за год до истечения полномочий депутатов следует назначать их досрочные выборы, если за это собраны подписи не менее чем 15 % избирателей;

• действия журналистов, злоумышленно совершающих вброс заведомо ложной информации, повлекший за собой панический спрос на товары первой необходимости или иные тяжкие последствия, должны расцениваться как мошенничество и вести к уголовной ответственности;

• органы власти и СМИ должны под личную ответственность своих руководителей по существу реагировать на все поступающие в них обращения граждан, кроме анонимок, в течение месяца.

Разработать высокие стандарты, обеспечивающие безопасность потребления всех товаров. Их нарушение должно вести к имущественной и уголовной ответственности.

Ввести жесткий контроль качества всех продаваемых в России товаров *(особенно продовольствия и лекарств)* и оказываемых россиянам услуг по стандартам и нормам, действующим в Белоруссии, России и Евросоюзе *(из трех групп стандартов и норм в каждом случае применять наиболее жесткие)* .

Ввести канадские стандарты предупреждений о вреде курения на сигаретных пачках *(с изображениями пораженных легких и мозга)* .

Ввоз генетически модифицированной продукции в любой форме на территорию России должен быть категорически запрещен. Нарушение этого правила должно караться как подготовка к отравлению.

Запретить производство и импорт автомобилей без катализатора, качественно снижающего токсичность выхлопа. Эксплуатируемые автомобили должны быть оборудованы катализаторами *(для малообеспеченных – за счет бюджета)* . Обеспечить повышение качества российского бензина и дизельного топлива до европейских норм *(при современном его качестве он быстро уничтожает катализатор, что ведет к загрязнению окружающей среды)* .

Жилищная политика

Национализировать пустующие более года новостройки, принадлежащие юридическим лицам, выплатив им расчетную себестоимость жилья *(без учета взяток и монопольного завышения цен)* .

Национализировать квартиры, дома и земельные участки, принадлежащие физическим лицам, являющимся собственниками более пяти квартир, или домов, или более пяти гектаров земли *(не используемых для сельхозпроизводства)* , начиная с шестой квартиры, шестого дома и с шестого гектара земли, с выплатой их расчетной стоимости.

Передать в качестве социального жилья полученный жилой фонд, как и жилье, выкупленное у строительных и девелоперских компаний за долги, нуждающимся в улучшении жилищных условий семьям с детьми и молодым специалистам.

Национализированную землю сельхозназначения выделять бесплатно для развития сельского хозяйства.

Национализированную землю, предназначенную для жилищного строительства, выделять нуждающимся в улучшении жилищных условий гражданам, обладающим средствами для строительства, бесплатно. Инфраструктуру прокладывать в рассрочку на 20 лет.

Выделять бесплатно земли, предназначенные для жилищного строительства, предоставлять льготное кредитование работоспособному населению, переселяющемуся из европейской части России за Урал.

Установить, что добросовестно отслуживший до пенсии офицер получает от государства бесплатное жилье по социальной норме в регионе по своему выбору.

Осуществить массовое строительство малоэтажного жилья по современным дешевым технологиям с предусмотренной на проектном уровне технической и социальной инфраструктурой. Предоставлять его в социальный наем.

Распространить практику предоставления дешевых земельных участков с подготовленной инфраструктурой для индивидуального строительства *(опыт Белгородской области)* на всю страну. В жесткие сроки реализовать программу «Новая урбанизация». Вывести крупные офисные и жилищно-гостиничные комплексы Москвы *(и других крупнейших городов)* за их пределы *(по примеру Лондона)* .

Начать программу создания самоуправляемых усадебных городов нового типа, используя в их системах жизнеобеспечения самые передовые технологии *(футурополисная урбанизация)* , в массовом порядке делая эти новые города средоточиями технических и социальных инноваций.

Государство должно полностью выплатить свои долги перед ЖКХ, так как плохое финансовое положение ЖКХ вызвано (помимо воровства) прежде всего неплатежами бюджетов и бюджетных предприятий, а не населения.

Дополнительно снизить стоимость жилья в течение года за счет сокращения взяток, выплачиваемых застройщиками коррумпированным представителям региональных и местных властей.

Пресечь практику ложных банкротств управляющих компаний в ЖКХ, превратившихся в аналог «МММ».

Детально проработать федеральный стандарт *(позволяющий учитывать климатические и инфраструктурные особенности)* стоимости услуг ЖКХ и жестко контролировать его соблюдение, включая детальный контроль за издержками ЖКХ. Нормативная стоимость услуг должна ежегодно снижаться, стимулируя ЖКХ к энергосбережению. Сверхнормативная экономия должна оставаться ЖКХ.

Вести учет предоставленных ЖКХ услуг и возвращать населению часть оплаты при невыполнении нормативов.

Трудовые отношения

Ввести уголовную ответственность за нарушение работодателем Трудового кодекса и за практику заведомо ложного стажерства *(как за мошенничество)* .

Для пресечения массового обмана и грабежа работников предпринимателями предусмотреть право крупного трудового коллектива избирать в руководящие органы предприятия и корпорации своих представителей *(для акционерных обществ – независимых членов совета директоров)* с правом вето на принятие любого решения и переизбирать их по мере необходимости. Исключить возможность увольнения указанных представителей трудовых коллективов по инициативе работодателя.

Предприятия, которые вместе с дочерними фирмами и филиалами насчитывают более 2 тыс. наемных работников, учреждают *(по немецкому образцу)* наблюдательные советы, состоящие из равного количества представителей собственников и наемных работников.

Если банкротство среднего и малого предприятия ведет к его ликвидации и уничтожению соответствующих рабочих мест, трудовой коллектив должен иметь право установления полного контроля над ним, в том числе в форме реорганизации его в народное предприятие, при реструктуризации задолженности.

В случае появления задолженности по зарплате свыше двух месяцев она может по решению трудового коллектива погашаться передачей в его собственность пакета акций, долей или паев предприятия.

Необходимо создание подлинно независимых (в том числе и от владельцев конкурирующих предприятий) профсоюзов. Установить, что все решения администрации предприятия, касающиеся уровня оплаты, условий труда и статуса предприятия, не вступают в силу до их согласования со всеми профсоюзами, объединяющими более 10 % работников предприятия.

Зарплата наименее оплачиваемого сотрудника *(кроме вспомогательного персонала)* из числа занятых полный рабочий день не должна быть ниже 10 % максимальной зарплаты *(без учета иных доходов)* руководителя. Размер премиальной части оплаты труда работников, менеджеров нижнего и среднего звена не должен превышать 30 %.

Обеспечить равноправие работников вне зависимости от их гражданства, исключив этим социальный демпинг со стороны бесправных гастарбайтеров. Ограничить въезд иностранной рабочей силы необходимыми экономике, но не имеющимися на рынке труда специалистами, в том числе по невостребованным *(с учетом прекращения дискриминации в области зарплат)* профессиям.

Нелегальных мигрантов высылать из России за их счет *(при отсутствии средств – после отработки соответствующих расходов на общественных работах)* , их работодателей и организаторов их транзита карать по Уголовному кодексу за работорговлю. Рассматривать нежелание высылаемых нелегальных мигрантов сотрудничать со следствием *(или попытки покрывать своих работодателей и организаторов транзита)* как признак участия в организованной преступности и карать по Уголовному кодексу.

Предоставлять рабочую визу только при прохождении экспресс-теста на знание русского языка *(для специалистов высокой квалификации он может быть заменен на экспресс-тест по знанию английского языка)* .

Для облегчения интеграции обязать все хозяйствующие субъекты, использующие труд легальных низкооплачиваемых иностранных работников, проводить за свой счет их культурное просвещение в течение не менее одного часа каждый рабочий день.

Установить, что низкооплачиваемый иностранный работник может находиться на территории России не более 11 месяцев подряд с последующим обязательным возвращением на родину и повторным въездом на территорию России не ранее чем через шесть месяцев.

Национализация

Обеспечить действенный контроль государства, общественных объединений, трудовых коллективов и граждан за государственной (общенародной) собственностью, включая так называемые государственные корпорации, остановить ее тотальное расхищение.

Восстановить реальное государственное управление государственной собственностью в интересах всего общества.

Национализировать без каких бы то ни было выплат и компенсаций предприятия, права собственности на которые выведены в офшоры и не будут возвращены в Россию в течение года.

Выделить стратегически и социально значимые предприятия: в отношении первых не допускать перехода под контроль иностранного капитала или закрытия *(пример – ВПК)* , в отношении вторых – закрытия *(пример – градообразующие предприятия)* .

Предоставлять государственную поддержку частным предприятиям исключительно под залог пакетов их акций. В случае невозврата государственной поддержки изымать эти акции в госсобственность для последующей модернизации и (при необходимости) перепрофилирования.

Предоставлять господдержку госпредприятиям под личную *(в том числе имущественную)*

ответственность их руководителей.

Установить, что руководство предприятия, получающего господдержку, может покидать страну лишь под личную ответственность чиновника, принявшего решение о предоставлении этой поддержки.

Восстановить целостность разрушенных реформами единых технологических комплексов естественных монополий *(в первую очередь электроэнергетики)* и вернуть их в государственную собственность.

Воссоздать полномасштабную систему проектного финансирования, в случае сопротивления частного финансового капитала – национализировать кредитно-финансовую систему.

Политика модернизации

Вернуть в страну активы государства, размещенные за рубежом *(Резервный фонд, Фонд национального благосостояния, часть резервов Банка России)* , и направить их на модернизацию и неотложную социальную помощь населению.

Кардинально снизить издержки российской экономики массированной технологической модернизацией инфраструктуры, в первую очередь автомобильных дорог, ЖКХ и энергетики.

Создать Агентство передовых технологий, занимающееся поиском новых разработок, потенциально представляющих собой технологическую ценность (в первую очередь из «закрывающих технологий», разрабатывавшихся в советском ВПК), доведением их до уровня промышленных образцов и последующей коммерциализацией.

Создать Агентство экономической реконструкции, концентрирующее всю помощь нефинансовому сектору и управление всем госимуществом *(включая государственные корпорации),* для реализации стратегических задач развития страны, в первую очередь:

• модернизации инфраструктуры *(прежде всего ЖКХ и автодорог)* ;

• строительства дешевого жилья;

• реиндустриализации *(восстановления производства критически значимой продукции, не производимой в мире в должных количествах, как минимум тремя независимыми производителями)* ;

• модернизации АПК *(за счет рефинансирования сельского хозяйства, развития инфраструктуры, прекращения недобросовестной конкуренции импорта)* ;

• создания спроса на высокотехнологичную продукцию и на новые разработки, способные стать основой кластеров инновационного роста *(в первую очередь это углубленная переработка энергоносителей, альтернативная энергетика, материаловедение, катализ)* ;

• модернизации армии в рамках новой военной доктрины.

Временно свободные средства государственных предприятий должны отчуждаться Агентством экономической реконструкции и направляться на решение задач реиндустриализации и модернизации экономики.

В течение полугода разработать и ввести в действие общенациональную программу энергосбережения, в разы снижающую совокупную налоговую нагрузку на предприятия, обеспечивающие рост производства при значимом сокращении его энергоемкости.

Предоставлять налоговые скидки предприятиям, заказывающим научные исследования в России.

Перейти к разработке новых пятилетних планов развития страны *(на основе индикативного планирования)* , увязывая в них отраслевые и территориальные программы развития *(ныне не согласованные друг с другом)* , выделяя приоритеты развития и набор «локомотивных» госпрограмм: электроника, программирование, станкостроение, самолетостроение, железные дороги, ядерные технологии, биотехнологии, новые материалы.

При осуществлении государственного регулирования в полной мере учитывать отраслевую специфику: оптовую торговлю нельзя регулировать так же, как мелкую, точное машиностроение – как переработку сельхозпродукции. Создавая при помощи различных режимов регулирования равные условия для работы предпринимателей в различных отраслях, государство обязано стимулировать деловую активность в приоритетных направлениях и

крупных проектах.

Налоговая политика

Поскольку более обеспеченные люди могут сильнее влиять на общество, они должны нести большую ответственность, что должно выражаться и в налоговой сфере. Помимо умеренно прогрессивного налогообложения дохода, ввести умеренно прогрессивное налогообложение имущества и наследства.

Установить, что предприятия должны платить налоги там, где расположены их производственные мощности. Это вернет финансовые потоки, искусственно сконцентрированные сегодня в Москве и Санкт-Петербурге, в продуцирующие их регионы.

Распространить налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на все виды полезных ископаемых. Дифференцировать его ставки по горно-геологическим и природно-климатическим условиям для создания равных конкурентных условий для производителей и обеспечения рентабельности их деятельности в максимально широких условиях, отвязать их от мировых цен.

Установить, что при наличии приобретений, стоимость которых превышает официально полученные гражданином за предшествующие годы средства, в его отношении автоматически возбуждается расследование по подозрению в злостной неуплате налогов, на время которого он лишается права покидать страну, состоять на госслужбе, занимать руководящие должности и вести юридическую деятельность. В случае виновности он должен наказываться штрафом в размере стоимости приобретенного имущества и лишением свободы от 7 до 15 лет (опыт Гонконга).

Общие вопросы экономической политики

Установить минимальный уровень государственных расходов по отношению к ВВП, поддерживаемый при необходимости за счет дефицита бюджета, для выполнения неотъемлемых обязательств государства и поддержания минимально необходимого уровня монетизации экономики *(так как в условиях глобальной экономической депрессии главной проблемой становится отсутствие платежеспособного спроса из-за сжатия денежной массы)* .

Жестко структурировать банковскую систему на основе формализованных критериев: выделить до 150 банков, в случае кризиса получающих необходимую поддержку в разумных объемах. Остальным банкам финансовой поддержки в кризисе не оказывать. Провести опережающую кризис санацию банковской системы: закрыть банки-«помойки», отмывающие деньги коррупционеров и бандитов.

Создать сильную, суверенную банковскую систему с достаточной ликвидностью, способную давать большие кредиты реальному сектору надолго и под низкие проценты. Использовать для этого опыт Советского Союза, Японии, Южной Кореи.

Установить, что любая поддержка частного бизнеса *(включая протекционизм)* должна сопровождаться его встречными обязательствами перед государством по производству определенной продукции *(или оказанию услуг)* в определенном объеме в определенные сроки и по определенным ценам. Невыполнение обязательств должно вести к образованию долга перед государством в размере стоимости непроизведенной *(или произведенной, но не того качества или ценового диапазона)* продукции (услуг).

Запретить все операции на любых спекулятивных рынках любому предприятию, получающему государственную помощь.

Полностью запретить импорт за государственные средства любой продукции, аналоги которой должного качества производятся в России. Отменить ввозные пошлины на производственное оборудование, не производимое и не намеченное к производству в России.

Создать на территории России офшорные зоны (в Калининградской области и на Курильских островах) для иностранных компаний, не связанных с Россией и не ведущих коммерческой деятельности на ее территории. В рамках этого же подхода осуществлять

постановку иностранных судов под российский флаг.

Не допускать использования права интеллектуальной собственности для прикрытия злоупотребления монопольным положением.

Запретить продажу земель иностранным компаниям и гражданам и передачу ее им в аренду более чем на 15 лет.

Принять комплексные меры по восстановлению гумусного (плодородного) слоя земель сельхозназначения. Сократить до минимальных обоснованных размеров применение химических средств, вредных для здоровья человека, при выращивании урожая.

Запретить перевод пахотных земель в разряд земель общехозяйственного пользования.

Ввести систему государственного заказа с частичным дотированием для объединенных в кооперативы мелких и средних фермерских и крестьянских хозяйств, а также личных подсобных хозяйств населения.

Экологическая политика

Сформировать нормативно-правовую базу экологического развития. Воссоздать в структуре госуправления экологический орган. Сделать экологию реальным приоритетом технологической модернизации.

Провести экологическую инвентаризацию территории России.

Развернуть переговоры с Евросоюзом и Китаем об оплате ими трансграничного загрязнения территории России.

Запретить ввоз генетически модифицированных продуктов, в первую очередь семян.

Запретить ввоз радиоактивных отходов из-за рубежа.

Запретить въезд на территорию России лиц, страдающих опасными заразными заболеваниями.

Переработать Лесной и Водный кодексы с учетом обеспечения восстановления природной среды и запрещения строительства коттеджных поселков в заповедниках и водоохранной зоне.

Переработать Лесной кодекс с учетом необходимости обеспечения действенной защиты лесов от пожаров, а Воздушный кодекс – в целях максимального развития малой и частной авиации, в том числе для наблюдения за лесами в пожароопасный период (частично выполнено).

Усилить контроль и ужесточить ответственность за поставку некачественной питьевой воды населению.

Принять закон об экологической культуре, предусматривающий большие штрафы, пропорциональные уровню доходов, и принудительные работы в отношении лиц, уличенных в неоднократном загрязнении общественных мест *(включая улицы и дворы)* и зон отдыха населения.

Ужесточить ответственность за браконьерство. Установить строжайшее наказание *(как за уничтожение национального достояния России)* за убийство занесенных в Красную книгу животных.

Национальная политика

Установить, что специалисты с высшим образованием из любой страны, проработавшие в России два года по специальности, и носители русской культуры, проработавшие в России два года, при желании должны получать гражданство России по факту сдачи полноценного экзамена по русскому языку и литературе *(на уровне средней школы)* .

Установить, что любой человек, легально работающий в России, выполняющий наши законы, принимающий нашу культуру и соблюдающий правила общежития, имеет право жить в России, пока может себя прокормить. Если в течение пяти лет он и члены его семьи не совершали правонарушений, не возбуждали к себе розни со стороны местных сообществ и сами зарабатывали себе на жизнь, они должны получать право подачи заявления на получение гражданства России. Непременным условием предоставления гражданства России должен стать факт сдачи полноценных экзаменов по русскому языку, литературе, основам государства и

права *(на уровне средней школы)* .

Провести поголовную проверку законности получения гражданства России после 1992 года представителей некоренных национальностей с депортацией нарушителей.

Создать равные условия для развития образовательного и культурного уровня представителей разных национальностей.

Отменить порочную практику квотирования поступления на бюджетные места в высших учебных заведениях по региональному *(по сути дела – национальному)* признаку.

В связи с высоким уровнем коррупции провести тестирование знаний абитуриентов и студентов с исключением не обладающих минимально необходимыми знаниями и возбуждением уголовных дел в отношении учителей и преподавателей, покрывающих их.

Запретить сотрудникам всех региональных подразделений силовых структур ношение оружия вне региона своей непосредственной деятельности без разрешения федерального руководства. Появление этих сотрудников с оружием вне данного региона должно караться как незаконное ношение оружия с принадлежностью к силовым структурам в качестве отягчающего обстоятельства.

6.3. Потребность в культурной революции: созидание нации

Инерция разрушения Советского Союза сохраняется и в современной России. Наше общество продолжает все глубже разделяться внутри себя: и по этнокультурному, и по сословному, и по региональному, и даже по религиозному признаку.

Об этом можно говорить бесконечно, но множество фактов, очевидных всякому, ездящему по стране, свидетельствует об одном и том же процессе, неумолимо нарастающем на протяжении по крайней мере последнего десятилетия.

Немудрено, что в продолжающуюся более чем четверть века эпоху национального предательства, в том числе и благодаря усилиям либеральных реформаторов, российское общество так и не смогло создать новой, постсоветской самоидентификации. Соответственно, его идентичность так в полной мере и не восстановилась.

Собирание, воссоединение людей, проживающих на территории случайного по своим очертаниям обломка Советского Союза, в единую нацию представляется категорическим условием даже не успешного развития, но простого выживания России. Продолжение идущего, в том числе и под неумолимым катком либеральных реформ, процесса разъединения, окончательное разделение российского общества разрушит и, весьма вероятно, навсегда уничтожит нашу страну, нашу цивилизацию, нашу культуру.

Это вполне внятная, вполне очевидная, вполне реальная перспектива.

Хотя нации представляют собой естественные общественные организмы и складываются в целом стихийно, история показывает: процесс их складывания, как и любые другие естественные процессы, можно ускорить и сделать менее болезненным (как, впрочем, и наоборот). Если считать нацию осознающим себя народом, то этот процесс осознания, как и в случае самосознания отдельного человека, можно ускорить или замедлить.

Базовые, содержательные аспекты своего единства – общие ценности, образ жизни и идеологию – каждый народ вырабатывает стихийно. В этой сфере наше разъединение, как ни странно, зашло не слишком далеко: грязная и вытертая сталинская шинель все еще греет. Еще на рубеже тысячелетий наше общество стихийно соединило социальные, патриотические и демократические ценности в неуклюжий и часто уродливый, но объединяющий основную часть населения синтез.

Он нуждается лишь в артикуляции, прежде всего политической, но либеральная тусовка, до недавнего времени жестко контролировавшая всю формальную идеологию государства, прилагала все силы, чтобы не допустить такую артикуляцию. Ведь результатом стало бы создание качественно нового властного субъекта, прежде всего спросившего бы с этой тусовки за чудовищные 1990-е и не менее страшные либеральные реформы 2000-х. Поэтому едва ли не единственным проявлением новой сложившейся общности была реакция на воссоединение с Крымом, потрясшая сторонних наблюдателей и вынудившая либералов, служащих враждебным России интересам, публично и откровенно вычеркнуть себя из нее.

Времена меняются, и носители сложившегося в нашем обществе синтеза ценностей – в том числе по-хорошему непримиримые и агрессивные – начинают подниматься наверх в самом правящем слое, в силу неумолимой логики межклановой и внутриклановой борьбы. Когда им придется взяться за выражение выработанного нашим народом синтеза ценностей, ключевое значение приобретет технологический аспект созидания нации – инструменты непосредственного решения этой задачи и формальные требования к процессу.

Созидание нации сродни воспитанию человеческой личности; при этом сознательным воспитателем может быть лишь ответственное государство, опирающееся на патриотическую, творческую и при этом вменяемую часть интеллигенции.

Примеров успешного и сознательного созидания наций из весьма разнородных, а часто и внутренне враждебных фрагментов немало. Это Германия и Италия XIX века, Швейцария, Турция (несмотря на очевидную неприемлемость примененных ее руководством методов, включающих геноцид по этническому принципу), США на протяжении всей своей истории, Австралия и Канада, а также отчасти наша страна (до первой половины 70-х годов).

Как и личность, нацию нельзя создать в отрыве от конкретного занятия; главный инструмент ее формирования – общее дело, в которое вовлекаются (в том числе и помимо своего желания) все ее потенциальные члены.

Это особенно важно для нашей страны в ее сегодняшнем состоянии, исключающем объединение по национальному или религиозному принципу из-за не только признаваемой нами многонациональности и мультирелигиозности (хотя по формальным международным критериям Россия с 80 % русского населения является мононациональной страной), но и общей слабости национального и религиозного чувства.

Кроме того, представители различных культур по-разному реагируют на одни и те же управляющие воздействия. Распространенное в силу демократических предрассудков и агрессивной либеральной пропаганды игнорирование этого снижает эффективность не только государственного, но и корпоративного управления, подрывая тем самым конкурентоспособность.

Признание этого факта не имеет отношения к расизму и фашизму, которые исходят из представлений о превосходстве одного народа (или культуры) над другими. Любое утверждение, что какой-либо народ, культура или религия лучше или хуже других, неприемлемо, так как это раскалывает общество, превращая в его иррациональных, не способных к долгосрочному компромиссу врагов целые группы людей, которые могли бы быть союзниками, работающими на общее благо.

Отторгая от общества потенциальных союзников в глобальной конкуренции, расизм подрывает его конкурентоспособность, кардинально сужая его человеческий и социальный потенциал. Поэтому **объединение общества должно идти на основе** не этнических и религиозных признаков, которые большинство людей в принципе не могут изменить, но на базе **универсальных ценностей, наиболее полно выражаемых понятием «образ жизни»** . В этом случае общество будет отторгать от себя только заведомо асоциальные элементы, органически несовместимые с ним.

Отторжение потенциального союзника становится в этом случае невозможным именно в силу применения исключительно содержательного критерия – готовности и способности человека или социальной группы стать частью общества.

Формирование общества на основе принципа открытости многократно повышает значимость национальной политики, полномасштабного и скрупулезного анализа особенностей национальных, культурных и религиозных групп и их полного учета в практике госуправления.

Многонациональная и полифоничная по своей сути русская культура, вбирая в себя и перерабатывая достижения национальных культур, не ассимилирует, но обогащает их и дает им новые пространства для развития – вплоть до выхода на мировую арену. (Наиболее емкое выражение этого – классическая фраза «Великий русский художник Левитан родился в бедной еврейской семье».)

Во многом в силу этого русская культура является конституирующим элементом не только российского общества, но и всей формирующейся новой российской цивилизации. В этом качестве она нуждается в особом внимании со стороны государства, в защите ее от

опошления и размывания, в поддержке и развитии (но не в музейной консервации) ее основных элементов.

Наш идеал – конструктивная, позитивно ориентированная терпимость, уважение неантагонистических и неразрушительных для общества в целом различий ценностей и образа жизни образующих его представителей различных народов и культур, неутомимое и изобретательное использование этих различий для выработки и достижения общих целей.

Объединение вокруг русской культуры возможно на практике только вокруг общего дела и образа жизни. И не в первый раз: собственно, именно так и складывался русский народ, который формировался из разномастных племен как едва ли не первая в мире политическая нация – во времена, когда таких слов еще просто не существовало, а церковь только укоренялась в стране.

Общее дело должно быть жизненно важным, всеобъемлющим, захватывающим все чувства и помыслы людей. Оно должно завершаться триумфом, так как успех в значимом деле доказывает правоту, прививает привычку к победе и воспитывает необходимую уверенность в своих силах и оптимизм. Совместное же экстатическое переживание доставшейся дорогой ценой победы закрепляет это в общественной психике на поколения вперед.

Наиболее органично общее дело вырастает из войны (лучше оборонительной, хотя бы на первом этапе) и угрозы уничтожения, преодоления общих бед. Но оно может быть и связанным с реализацией масштабных проектов (индустриализация, полет в космос, устранение угрозы голода), хотя всякая менее сильная мотивация, чем реальная для каждого угроза физического уничтожения (врагами либо разрухой), требует подкрепления постоянными усилиями государства.

Советская идентичность базировалась на трех победах: Великом Октябре (надежно скрывавшем для следующих поколений ужас гражданской войны), победе в Великой Отечественной и полете Гагарина. Революция в целом достаточно давно забылась, а полет Гагарина был чистой, светлой радостью, не превратившейся в катарсис из-за отсутствия массовых бед и лишений. Поэтому основой советского народа была страшная (настолько, что официальная пропаганда отрицала ее) память о войне – и именно поэтому столько усилий прилагается в последние четверть века для ее разрушения и извращения.

Общим делом России будет, если нам удастся выжить в надвигающихся внешних и внутренних потрясениях, возрождение после сегодняшней гламурной разрухи, преодоление четверти века национального предательства. Этого процесса даже в самом лучшем случае будет достаточно, чтобы обеспечить полноценный, передающийся на поколения катарсис.

Для закрепления его последствий важны тактические инструменты формирования нации, прежде всего создание и поддержание культа предков, отдавших свои жизни ради единства народа, с подчеркиванием их альтруизма и самопожертвования, а также преодоленных трагедий прошлого. При этом нельзя допускать «совкового» психологического давления на людей, инстинктивно отторгаемого ими.

Необходимо формирование ключевых точек национальной истории, обеспечивающих единство и прочность национального самосознания. Такую точку, пусть даже созданную задним числом при помощи переосмысливания исторических фактов, если угодно – переписывания истории (пример – корейская и вьетнамская войны для США, участие в обороне Брестской крепости – для современной Чечни), должно иметь каждое поколение, иначе, не скрепленное со своей страной общим делом, оно легко станет потерянным.

Линкольн еще в бытность провинциальным адвокатом провозгласил необходимость создания и постоянного подкрепления «гражданской религии», объединяющей людей вне зависимости от их религии, национальности и культуры, интегрирующей общество внедрением в него общих ценностей, нужных именно обществу как целому, а не отдельной его части (пусть даже и доминирующей).

Как и всякая религия, «гражданская религия» нуждается в культовых местах, оказывающих подспудное влияние и не требующих усилий. Они должны быть местами отдыха и релаксации, а не поклонения (которое легко становится натужным и принудительным, что убивает «гражданскую религию», как в СССР). Идеал – ландшафтные парки с монументами, музеями, выставками, обязательно водоемами, возможностью свободных игр на свежем воздухе

в любом, а не только специально отведенном месте.

Это позволяет осуществлять комбинированное воздействие пейзажа, архитектуры, музыки и запахов (например, от цветущих растений, подобранных так, чтобы время цветения и, соответственно, запахов было максимальным). Образцом можно считать вашингтонский Молл – парково-музейную зону между Белым домом, Капитолием и рекой Потомак. *В Москве такой зоной может стать прилегающее к Кремлю и Красной площади Зарядье – место бывшей гостиницы «Россия». Территории МГУ на Ленинских горах и ВДНХ (где пытались сделать нечто подобное при СССР), а также Парк культуры имени Горького в их современном виде (который, конечно, при необходимости может быть существенно изменен) не подходят из-за отсутствия политико-исторической символики.*

Формирование нации невозможно без непреклонного, хотя и мягкого размывания гетто и диаспор всех видов как объективно подрывающих единство общества.

Изложенное должно быть закреплено в системе воспитания и образования – от детского сада до повышения квалификации (прежде всего в курсах истории и литературы, закрепляющей моральные ценности общества) – и в культурной политике государства (включая госзаказ, во многом благодаря которому в 30-е годы XX века поднялся Голливуд).

Конечно, слепо копировать успешный опыт прошлого, даже свой собственный, – безумие, но не меньшее безумие не использовать то правильное, что было у нас и что есть в США. Стоит вспомнить Андропова, который собирался ликвидировать национальное деление страны и разделить СССР на 49 крупные и при этом полностью равноправные области (разумеется, с полным сохранением культурных автономий).

Конечно, применяя технологии создания нации, нельзя забывать, что времена меняются, и новые технологии, как было показано в настоящей книге, весьма существенно меняют потребности людей.

Нация – живой организм, и уже потому ее созидание – процесс непрерывный.

Нам предстоит сделать лишь первый шаг на этом вечном пути; учитывая опыт, в каком-то плане нам легче, чем нашим потомкам.

Если, конечно, мы победим и они у нас будут.

Заключение. Все впереди: наше будущее зависит от нас

Главное в будущем – и самое прекрасное, и самое ужасное в нем для нас – заключается в том, что оно не определено. И мы можем изменить его в соответствии со своими вкусами и предпочтениями, в меру своей энергии и умения, в борьбе со своими конкурентами, хотя, разумеется, только в пределах достаточно жестких рамок, заданных нам объективными, не зависящими от нас обстоятельствами.

Познание этих рамок, методов действия в их пределах и, самое заманчивое и привлекательное, методов их расширения и составляет подлинный смысл изучения общества и его основной предмет.

Природа человеческой личности и природа человеческого общества не менее сильно ограничивают нас, чем обычная, естественная природа и «вторая природа» – совокупность технологий, ставшая (по крайней мере в мегаполисах) нашей непосредственной средой обитания. И познание рамок, в которые они заключают наше развитие в каждый отдельно взятый момент времени, познание границ наших возможностей исключительно важно, так как именно эти границы определяют варианты нашего развития и достижимые цели, которые имеет смысл перед собой ставить.

Субъективный фактор: как индустриальное общество сохранило свободу вопреки интересам индустрии

Сегодняшнее человечество стоит перед выбором двух принципиально различающихся моделей своего будущего, которые предвидели писатели-утописты еще в начале XX века, хотя и на качественно иной технологической базе.

Этот выбор – между новым Средневековьем и «технологическим социализмом» – достаточно подробно описан и обоснован в прочитанной вами книге.

Однако для понимания наших реальных возможностей следует обратить внимание на то, что технологическая база времени появления антиутопий начала XX века – крупная индустрия, в силу своих инженерных особенностей способствовавшая предельной монополизации производства, – в принципе не оставляла места для свободы личности и демократии как формы общественного устройства. Тем более не оставляла им места высшая форма крупной индустрии – конвейерное производство, доведшее до крайности превращение человека в «частичного работника», в принципе не способного не только к самостоятельному выживанию, но и к простому существованию вне создаваемого производством социального автомата, охватывающего почти все сферы жизни далеко за рамками этого производства.

Ситуация усугублялась тем, что тогдашний базовый демографический процесс – продолжающийся переход крестьян в города на расширяющиеся, несмотря на периодические кризисы, предприятия – создавал весьма ощутимый избыток рабочих рук и потому в принципе не предусматривал гуманизма: людей до получения ими профессиональной подготовки не имело смысла беречь, так как они не были дефицитным ресурсом.

Тем не менее беспощадная диктатура власть имущих, основанная на тотальном подавлении любого протеста, несмотря на свою технологическую, политическую и информационную возможность (которую еще до распространения радио дали ежедневные газеты) и безусловную заинтересованность правящего класса, так и не возникла.

Разумеется, этому была объективная причина. Борьба крупнейших обществ друг с другом и тогда с только еще формирующимся над ними и помимо их глобальным капиталом поставила каждое из них в конкурентную среду (пусть даже преимущественно внешнеполитическую), которая практически исключила вероятность их полного закрепощения.

Однако причина, по которой внутренне закрепощенное общество не могло рассчитывать на успех во внешней конкуренции, являлась уже субъективной и заключалась не только в технологических требованиях к определенной инициативе и свободе, но и в массовом, а во многом и сознательном сопротивлении людей.

Технологии создали возможности массового лишения людей свободы, но они же потребовали от них в качестве непременного условия соответствия себе и, значит, в качестве условия жизненного успеха уровня образования, несовместимого с добровольным отказом от свободы. И это сопротивление в каждой точке, стихийное и разнонаправленное, не дало в полной мере реализоваться власти крупнейших финансовых, производственных и информационных концернов.

Более того, протест против угрозы закрепощения, лишения масс людей жизненной перспективы и обращения их, по сути дела, в новых рабов дошел до создания ими качественно нового советского общества, реализовавшего их коллективное стремление к свободе и демократии.

Разумеется, это стремление было жестко ограничено как все теми же технологиями, так и ожесточенностью внутренней и внешней борьбы за выживание. Однако нет сомнений, что диктатура пролетариата при всех репрессиях и временном лишении целых социальных групп (так называемых бывших) политических прав и формальном классовом закреплении прав на возможность социального роста являлась в межвоенный период значительно более демократичной, то есть служащей интересам большинства общества и учитывающей его мнение, чем любая современная ей буржуазная демократия. (Представляется принципиально важным, что это следует даже из реально осуществляемой политики, без учета нереализованных намерений, в частности, без учета альтернативных выборов, предусмотренных Конституцией 1936 года, но так и не реализованных из-за восстания против них партхозноменклатуры, вошедшего в историю как «большой террор» 1937–1938 годов.)

И победу в глобальной конкуренции (в ее наиболее концентрированной форме мировых войн в те самые времена, когда утописты ждали создания тотально подавляющей человека корпоративной «Железной пяты») одерживали общества, сделавшие своих граждан наиболее внутренне свободными и сумевшие не просто направить их инициативу в нужном для себя направлении, но и в максимально возможной для себя степени раскрепостить ее.

Конечно, реальность не оправдывала ожиданий, которые всегда по самой своей природе забегают вперед и опережают возможности, и наследники традиции почти непрерывного социального прогресса второй половины XIX века, во многом порожденного революциями 1848–1849 годов, воспринимали это как чудовищное разочарование, особенно в 40-е годы. Они начинали бороться со своим режимом как недостаточно свободным, уходя в коммунисты в США и в антисталинисты в СССР, и подавлялись репрессиями и созданием атмосферы страха при помощи маккартизма и разнообразных чисток.

Однако то, что американское и тем более советское общество того времени не являются свободными с точки зрения сегодняшних формальных критериев, отнюдь не отменяет того непреложного факта, что они умели предоставлять своим лояльным гражданам свободу в наиболее важных для себя направлениях (в Советском Союзе прежде всего на фронте и в оборонной сфере) и были значительно более свободны, чем могли быть в условиях технологически обусловленного монополизма.

Почему же провалились ожидания авторов антиутопий, почему появилось советское общество, которое не могло привидеться не только Джеку Лондону в его «Железной пяте», но и значительно более тонкому и чуткому к дуновениям будущего Герберту Уэллсу?

Потому что возросший уровень развития и самосознания людей сломал создаваемые крупной индустрией возможности их закрепощения: массовые интересы отдельных клеточек общественной системы, даже остававшихся в основном разрозненными и неорганизованными, не дали реализоваться интересам хозяев и организаторов этой системы, несмотря на то что технологии предоставляли последним все возможности.

Индустриальные технологии породили на уровне общества организационные предпосылки для лишения людей прав, но сами по себе, требуя от этих же людей определенного уровня квалификации, дали тем самым им возможности сопротивляться угрозе своего закрепощения.

И люди, отстаивая свое стремление к свободе, победили кажущихся всесильными хозяев и лидеров политико-экономических организмов, создали сопротивление социальной среды, оказавшееся для них непреодолимым.

Это стало возможным, потому что люди в массе своей развились достаточно, чтобы захотеть представить себе, что им надо, достаточно подробно и приложить коллективные (или индивидуальные, но скоординированные друг с другом) усилия для воплощения своих устремлений в жизнь.

Информационные технологии: предпосылки свободы и предпосылки рабства

Весьма похожая ситуация наблюдается и сейчас: информационные технологии и следующий этап их развития, на котором они при помощи социальных сетей стали уже технологиями общественного управления, создали возможности закрепощения огромных масс людей, опрокинув привычный нам относительно цивилизованный и демократичный мир в новые Темные века, в новое мрачное Средневековье.

Однако в то же самое время эти же технологии требуют от достаточно широких масс обслуживающих их людей высочайшего уровня образования и способности проявлять инициативу – без этого они не могут не то что развиваться, но даже и просто существовать. Соответственно, потребность людей в индивидуальной свободе приобретает характер почти абсолютного требования нового типа производств.

Разумеется, это не защищает людей от опасности закрепощения и утраты личной свободы, в том числе в силу уникального характера новых технологий, которые основаны на контроле не непосредственной активности людей, а инфраструктуры этой активности, то есть самих возможностей человека. Он сам и полностью самостоятельно определяет свое поведение, сам и полностью самостоятельно делает выбор – и теряет способность осознавать, что варианты, между которыми он выбирает, и моменты возникновения перед ним вроде бы полностью свободного выбора задаются ему извне, жестко предопределяются самой структурой общественных связей, которая, в свою очередь, определяется господствующими информационными технологиями.

Прямой, грубый, раздражающий и вызывающий протест контроль за людьми сменился невидимым для них и неощущаемым формированием возможностей их активности. Само стремление людей к свободе превращается новыми технологиями в средство их закрепощения. Существенное отличие информационных технологий от всех предшествующих заключается в возможности **поддержания практически полной иллюзии личной свободы у полностью закрепощенных, контролируемых во всех значимых сферах и потому лишенных способности отстаивать свои интересы людей.** Принципиально важно, что **они лишаются также способности самостоятельного целеполагания и самостоятельной деятельности по достижению поставленных перед собой целей, которые являются критериями разумности.**

Таким образом, **контроль достигает глубины, при которой считающий себя полностью свободным индивидуум закрепощается до такой степени, что уже не может признаваться в полной мере человеком разумным** , и мы еще не в состоянии не только осознать последствия этой уже достаточно давно свершившейся трагедии, но и даже просто поверить в нее.

На фоне этого кошмарного отката на столетия назад, в мрачное средневековое прошлое, то, что возможности тотального контроля усугубляются спецификой современных коммуникативных технологий, выглядит вполне безобидным и малосущественным. Между тем этим изменением не стоит пренебрегать: данные технологии обеспечивают полную прозрачность деятельности человека при помощи доступности информации о его поведении (от местонахождения до вкусовых предпочтений), возможности ее интегрирования и увеличения возможностей слежения (огромная часть людей добровольно носит с собой собственного персонального шпиона в виде смартфона и ноутбука, а также размещает свою личную информацию в соцсетях). Кроме того, контроль за электронным обменом информацией носит технологически обусловленный характер: грубо говоря, обычную почту надо вскрывать, что требует довольно серьезных организационных усилий, а доступ к электронной почте осуществляется предоставляющими ее серверами в автоматическом режиме.

Весьма существенным отличием информационных технологий от предшествовавших им индустриальных, облегчающим закрепощение, является и ненужность значительных масс людей для нового производства. Включенность в процесс производства становится привилегией в значительно большей степени, чем в индустриальную эпоху, но главное – обществу для сохранения приемлемого для него уровня благополучия надо значительно меньше в процентном отношении работников, чем раньше.

Поэтому лишать самосознания и закрепощать можно значительно большую, чем раньше, часть общества, так как она не участвует непосредственно в производстве и соответственно ее свобода и способность к инициативе более не помогают обществу и потому попросту не нужны ему, не представляют для него никакой практической ценности.

Таким образом, новые технологии объективно способствуют лишению все больших масс людей их прав, еще недавно казавшихся неотъемлемыми, однако парадокс заключается в том, что те же самые технологии и в то же самое время создают возможности для освобождения и раскрепощения тех же самых людей. Официозная пропаганда сторонников либеральной глобализации, искажая факты и вовлекая массы людей в самоубийственные стратегии, тем не менее в значительной степени опирается на реальность.

Технологические причины краха и возможного возвращения социализма

Стремление человека к свободе и самореализации объективно требует создания для этого необходимых условий, для чего, в свою очередь, нужно масштабное перераспределение общественных ресурсов, причем не только от богатых к бедным, но и трудоспособных к нетрудоспособным – инвалидам, пожилым и, самое главное, молодым.

Необходимость перераспределения объективно требует осуществляющей его масштабной всеохватывающей бюрократии, являющейся ахиллесовой пятой социализма эпохи индустриальных технологий. По вполне объективным причинам (в силу своей колоссальной численности, иерархической структуры, относительной дисциплинированности) такая бюрократия начинает сознавать себя самостоятельным классом и, захватывая власть, разрушает

одновременно и социализм как стремящуюся к свободе и справедливости общественную систему, и общество.

Социализм уничтожается распределительной бюрократией, созданной им для его обслуживания и практической реализации как принципиально враждебная ей политическая и идеологическая система. Это выглядит парадоксом лишь со стороны: созданная для распределения общественных ресурсов бюрократия уже в третьем (а порой и во втором) поколении привыкает считать их своими и начинает воспринимать свою общественную функцию как неоправданное расточительство, как лишение себя того, что могло бы быть ее собственностью. Стремление оформившейся в правящий класс бюрократии, необходимой для перераспределения общественных ресурсов, к владению тем, что она распределяет, то есть не просто к использованию общественных ресурсов в личных целях, но и в прямом захвате их с последующей передачей по наследству, явилось, как мы видели совсем недавно по историческим меркам, непосредственной причиной гибели социализма.

Не менее важно, что распределяющая бюрократия расточительна и не склонна к экономии в силу самой природы выполняемых ею общественных функций. Распределяя общественное, она распределяет чужое и не стремится к его сбережению; эта особенность переносится ею и на собственное имущество: в момент и после уничтожения ею социализма она расточает украденное ею для себя у общества почти точно так же, как расточала общественное. Поэтому социализм оказывается расточительным по определению обществом, – и приходящий ему на смену «дикий капитализм» распределяющей бюрократии не становится производительным и остается расточающим не только по внешним причинам, связанным с глобальной конкуренцией, но и в силу своего собственного генезиса. Соответственно, социализм обречен на поражение в глобальной конкуренции в силу своей расточительности, – и она остается одним из важных факторов неконкурентоспособности возникающей на его развалинах грабительской государственности.

Однако значительность распределяющей бюрократии, обрекающей социализм на неконкурентоспособность и в конечном счете на поражение и гибель, обусловлена спецификой индустриальных технологий.

Социализм, порожденный коллективной волей восставших против несправедливости людей, опередил возможности своего технологического базиса и был вдавлен последним во всевластие распределяющей бюрократии, обусловившей авторитаризм и подавление инициативы, которое обернулось в том числе и подавлением технологического прогресса.

Современные информационные технологии, существенно ужесточая конкуренцию по сравнению с индустриальными, порождают несправедливость и, соответственно, возможность протеста против нее в еще большем масштабе.

В то же время они кардинально упрощают не только учет и контроль, исключительную важность которых для всякой распределяющей системы подчеркивал еще Ленин, но и демократические процедуры, которые благодаря им могут стать не только постоянными и всеобъемлющими, но и исключительно дешевыми, почти бесплатными для общества.

Конечно, контроль за информационной инфраструктурой общества позволяет осуществлять и тотальный контроль за ним самим, причем со стороны значительно более узкого сообщества, чем в условиях доминирования информационных технологий, что является объективным ограничением демократии и внутренним противоречием народовластия. Однако на фоне проблем, которые несут информационные технологии обычной демократии, которую они практически разрушают, эти проблемы представляются сравнительно небольшими.

Безусловно, какие-то общества будут захвачены и подавлены информационной диктатурой, опирающейся на формальную всеобщую прямую демократию, при помощи установления контроля за информационной инфраструктурой. Однако эта угроза вполне сопоставима с угрозой диктатуры при традиционных демократиях, – и большинство обществ, вероятно, найдут против нее противоядие.

Представляется крайне существенным, что общество, стремящееся к совместному развитию человеческих личностей, значительно менее предрасположено к возникновению информационной диктатуры, чем традиционное рыночное общество, основанное на частной собственности и стремящееся к индивидуальной эффективности за счет максимального

подавления всех остальных. Таким образом, информационные технологии дают социализму объективное преимущество перед капитализмом, и в этом заключается еще одно их принципиальное отличие от технологий индустриальных.

В условиях доминирования информационных технологий качественное упрощение учета и контроля, как и процесса управления в целом, резко сокращает по сравнению с индустриальным обществом численность требуемой для распределения бюрократии и тем самым лишает ее возможности стать доминирующим слоем, а затем и классом. Таким образом, социализм освобождается от своей ахиллесовой пяты: она просто становится слишком маленькой для того, чтобы иметь существенное значение.

Инфраструктура распределения общественных ресурсов, облегчаясь, упрощаясь и удешевляясь, благодаря информационным технологиям утрачивает возможность разрастись настолько, чтобы раздавить и похоронить под собственной массой стремящееся к справедливости и развитию личности общество. И это создает возможности возрождения этого стремления в виде нового социализма на качественно новой технологической базе.

Проблема вроде бы заключается в индивидуализации, порождаемой информационными технологиями, разобщающей людей и лишающей их способности к коллективным действиям, будь то борьба за обретение попранных прав или развитие личности.

Однако этот этап технологического прогресса, как представляется, современное человечество уже оставило или, как минимум, оставляет позади. Так же незаметно, как в эпоху информационных технологий, мы вошли в следующий период – господства выросших из информационных социальных технологий (наиболее ярко, но отнюдь не исчерпывающе проявивших себя в виде социальных сетей), объединяющих атомизированных на предыдущем этапе людей в общественные организмы и позволяющие управлять последними как некоторыми целостностями. Как мы уже видим на примере достаточно значительного числа государственных переворотов, социальные технологии позволяют эффективно преодолевать порождаемую информационными технологиями разобщенность людей для коллективных политических действий.

Пока эти действия еще остаются кратковременными, но есть основания полагать, что по мере развития социальных технологий увеличение их мощности и эффективности позволит на наших глазах и с нашим участием решить эту проблему.

Таким образом, информационные и следующие за ними социальные технологии освобождают социализм как идею достижения справедливости за счет коллективного развития личностей от неотъемлемо присущих и в итоге убивающих его пороков, свойственных индустриальному обществу, и тем самым превращают его из преждевременно реализованной утопии в практическую возможность, а значит – и в необходимость.

Будущее определяется коллективной волей

В рамках традиционных, привычных нам рыночных отношений и демократии информационные технологии сделали с людьми то же самое, что неоколониализм сделал с якобы освободившимися от колониального гнета народами Африки и Юго-Восточной Азии: им дали формальную возможность развиваться только для того, чтобы тут же менее прямыми и заметными, более сложными и потому более эффективными методами полностью лишить их всякого шанса воспользоваться этой возможностью.

Это не значит, что мы обречены на расчеловечивание и рабство (ибо абсолютное доминирование также делает господина рабом, хоть и иным, чем лишенные им свободы и тем самым обращенные в предметы временно живые люди).

Возможности, предоставляемые информационными и социальными технологиями совместному прогрессу и развитию личности как части разнообразных общностей, дают шансы не только закрепощению, но и освобождению.

И это значит, что ситуация вновь повторяется.

Воля к свободе, общему развитию, коллективизму и солидарности вновь противостоит воле к грабежу и насилию, а технологические изменения позволяют возобладать как тем, так и другим. В отдельных обществах могут победить те или иные, но в мире сложится, как обычно,

тяготеющий к середине, к объединению и взаимному перевариванию противостоящих друг другу крайностей, непредставимый нам пока в деталях синтез, относительно гармоничное сочетание общественной справедливости и индивидуальной свободы на новом уровне развития производственных технологий и организационных технологий организации общества.

Однако для этого надо бороться: достичь частичной справедливости возможно лишь в том случае, если приложить все силы для достижения справедливости абсолютной.

Лидером нового мира будет, как и в прошлые эпохи, наиболее свободное, демократическое, обеспечивающее развитие личности общество (богатство является важным, но отнюдь не главным фактором лидерства, уступающим по значению способности объединить и мобилизовать широкие массы людей общими и индивидуальными перспективами). С 20-х до конца 70-х мировым лидером являлся Советский Союз, затем, по мере его деградации, одушевляющим мир примером стали США.

На нынешнем этапе они утрачивают свою роль: им нечего предложить людям и обществам, кроме более или менее жестокой, но в целом вполне безысходной эксплуатации.

Личную свободу, совместное участие в управлении и внятные перспективы совместного развития сможет предложить лишь общество, отрицающее рынок и эксплуатацию как фундамент общественной жизни. Если людям, разделяющим описанные ценности, удастся создать его, опираясь на информационные и социальные технологии, такое общество станет новым лидером всего человечества, которое наполнит своим смыслом всю принципиально новую эпоху, в которую мы входим.

В противном случае она станет возвратом в новое Средневековье и обречет нас на страшные и, что самое важное, бессмысленные жертвы.

Сегодня все вновь зависит от человека, от его выбора и стремления: если он будет работать над собой, стремиться к самосовершенствованию и прогрессу, к новым умениям и чувствам, к роли творца, а не потребителя, то он сделает качественно новый, головокружительный шаг по лестнице эволюции, который боялись себе представить даже фантасты.

Попытка остаться в нише потребительства, пусть даже эмоций и ощущений, а не вещей, приведет нас к нищете и рабству.

Это не экономический и даже не политический, а этический и во многом даже религиозный выбор: своим поведением, своими реальными, а не декларируемыми ценностями нам предстоит вновь ответить на вопрос о самой нашей сущности, о том, что есть человек.

Эта перспектива пугает, как и всякое прямое соприкосновение отдельной личности с историей и ответственностью за будущее.

Однако человек вновь получил возможность определять свои долгосрочные перспективы, причем выбор его всецело определяется исключительно ответом на вопрос, зачем он живет. Если смыслом его жизни является прогресс для всех, закрепостить его будет невозможно. Если же он будет стремиться лишь к личному благу, то даже осознанное и прямое желание свободы не позволит ему избежать рабства и его чудовищных последствий, и чем менее он будет сознавать свое рабство, тем страшнее оно будет для него.

В этом проявляется жестокая, но высокая справедливость современных технологий: искушая и угрожая, они предоставляют нам огромные возможности и вновь отдают нашу судьбу всецело в наши собственные руки.